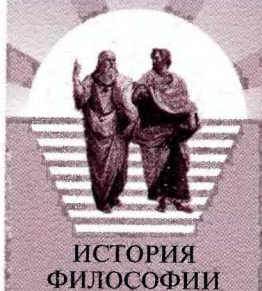

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ

Р. Авенариус
**КРИТИКА
ЧИСТОГО ОПЫТА**

В ПОПУЛЯРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ
А. ЛУНАЧАРСКОГО

С дополнением

НОВАЯ ТЕОРИЯ
ПОЗИТИВНОГО ИДЕАЛИЗМА
(Holzapfel. Panideal)

Критическое изложение
А. Луначарского

URSS

Р. Авенариус

КРИТИКА ЧИСТОГО ОПЫТА

**В ПОПУЛЯРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ
А. ЛУНАЧАРСКОГО**

С дополнением

**Новая теория позитивного идеализма
(Holzapfel. Panideal)**

Критическое изложение А. Луначарского

Издание второе, исправленное

**URSS
МОСКВА**

Авенариус Рихард

Критика чистого опыта. В популярном изложении А. Луначарского; С дополнением: Новая теория позитивного идеализма (Holzapfel. Pan-ideal). Критическое изложение А. Луначарского. Изд. 2-е, испр. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 224 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии.)

Вниманию читателей предлагается книга, в которой содержится популярное изложение знаменитой работы швейцарского философа Рихарда Авенариуса «Критика чистого опыта». Цель книги, составленной известным советским государственным деятелем А. В. Луначарским, — подробнее ознакомить широкие круги отечественных читателей с основными положениями идеалистического учения Авенариуса — эмпириокритицизма.

Рекомендуется философам, историкам науки, психологам и всем заинтересованным читателям.

Издательство ЛКИ. 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 14. Зак. № 1263.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–382–00449–5

© Издательство ЛКИ, 2007

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (495) 135–42–16 Тел./факс: 7 (495) 135–42–46
URSS	

5369 ID 61644

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская публика, интересующаяся философскими вопросами, много слышитъ въ послѣднее время о Рихардѣ Авенариусѣ и эмпириокритицизмѣ.

Возьмите послѣднія новинки популярно-философскаго характера: Геффдингъ въ своей книгѣ «Философскія проблемы» удѣляетъ эмпириокритицизму чрезвычайно много вниманія, а «Критику чистаго опыта» называетъ гениальнымъ произведеніемъ. Кюльпе, перечисляя четыре основныхъ, по его мнѣнію, теченія современной философской мысли, передовымъ отрядомъ позитивизма считаетъ эмпириокритиковъ; правда, онъ выбралъ мишенью для своей (довольно-таки поверхностной) критики Маха, но опущеніе Авенариуса отмѣчено редакторомъ русскаго перевода книги Кюльпе *) пр. Ланге. Риль въ своемъ «Введеніи въ философію» называетъ Авенариуса самымъ послѣдовательнымъ мыслителемъ «школы Юма», между тѣмъ какъ философія нынче группируется, по мнѣнію Рилия, вокругъ завѣтовъ либо Канта либо Юма.

Но если бы русскій читатель пожелалъ ознакомиться съ основными положеніями философіи Авенариуса поподробнѣе, онъ не могъ бы исполнить своего желанія.

Основнымъ сочиненіемъ Авенариуса, безконечно болѣе

*) „Современная германская философія“.

важнымъ, чѣмъ остальные, является непереведенная на русскій языкъ «Критика чистаго опыта». Мелкія статьи въ журналахъ и §§, посвященныя Авенаріусу въ нѣкоторыхъ Исторіяхъ философіи (напр. у Ибервега), не могутъ итти въ счетъ въ смыслѣ ознакомленія съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, а такъ называемое «изложеніе» пр. Варштаніена, во-первыхъ, обнимаетъ собою лишь 1-й томъ, а, во-вторыхъ, представляетъ изъ себя простой перифразъ этого тома, нисколько не облегчающій читателя.

Петцольдъ очень правильно замѣчаетъ по поводу такихъ изложеній: «Естественное желаніе имѣть доступное изложеніе основныхъ мыслей Авенаріуса отнюдь не можетъ быть удовлетворено появившимися до сихъ поръ конспектами. Все это только рефераты, точно примыкающіе къ оригиналу; они гораздо пригоднѣе для того, чтобы освободить автора отъ гнета прочитаннаго, чѣмъ для просвѣщенія читателя относительно новаго для него круга мыслей. И вотъ прошло уже 10 лѣтъ *) со дня появленія труда Авенаріуса, а публика едва знаетъ, о чемъ тамъ идетъ дѣло. А, между тѣмъ, эта философія удовлетворяетъ потребностямъ нашего естественно-научнаго вѣка въ несравненно большей степени, чѣмъ всякая другая **).»

Петцольдъ говоритъ здѣсь о Германіи; тѣмъ болѣе относится все сказанное имъ къ Россіи.

Чтеніе самого Авенаріуса чрезвычайно трудно, благодаря серьезности изложенія, крайней сжатости и совершенно новой, выработанной самимъ Авенаріусомъ терминологіи. Къ своему читателю Авенаріусъ предъявляетъ требованія едва ли не большія, чѣмъ Гегель въ «Логикѣ». Необходимо переработать его, разрушить жесткую скорлупу изложенія «Критики» и представить

*) Теперь 14.

**) Petzold. Einführung in d. Phil. der. Reinen Erfahrung. Vorwort.

читателю то сверкающее зерно, которое оно въ себѣ заключаетъ.

Пишущій эти строки уже давно сознавалъ безусловную необходимость появленія такого изложенія, но рѣшиться самому взяться за эту задачу онъ считалъ рискованнымъ, такъ какъ задача бережной популяризаціи идей учителя, безъ серьезныхъ пропусковъ, безъ искаженій и невольныхъ перетолкованій и дополненій чрезвычайно трудна, тѣмъ болѣе, что прямой необходимостью при этомъ является полное измѣненіе плана изложенія, т.-е. замѣна изложенія догматическаго — дидактическимъ.

Для составителя настоящаго изложенія было ясно, что подобная работа потребуетъ отъ него гораздо бѣльшаго количества времени, чѣмъ то, какое онъ могъ удѣлить ей.

Но ближайшее знакомство съ превосходнымъ изложеніемъ «Критики чистаго опыта», даннымъ Петцольдомъ въ его «Введеніи въ философію чистаго опыта», устранило всѣ препятствія.

Въ основу своего изложенія, занимающаго бѣльшую половину второй части перваго тома «Введенія», Петцольдъ положилъ превосходный планъ и крайне облегчилъ задачу послѣдующимъ популяризаторамъ Авенариуса.

Въ нашемъ изложеніи мы рѣшили воспользоваться планомъ Петцольда, измѣнивъ его лишь въ немногихъ чертахъ.

Петцольдъ снабжаетъ изложеніе длиннымъ вступленіемъ, которое мы сократили такъ, что вмѣсто 91 стр. оно занимаетъ лишь 10; затѣмъ почти всюду онъ критикуетъ и дополняетъ Авенариуса, иногда даже создавая собственные (довольно шаткія) теоріи. Все это нами опущено; для насъ это — шлаки, которые другимъ и для другихъ цѣлей могутъ, конечно, показаться весьма цѣнными. Самое изложеніе, т.-е. слогъ, манера Петцольда, заслуживаетъ

всякой похвалы, но мы все же рѣшились постараться дать еще болѣе простое, еще болѣе близкое къ жизни изложеніе, а потому, пользуясь планомъ Петцольда, мы очень рѣдко пользуемся цитатами изъ него. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ имѣютъ мѣсто, мы указываемъ на это. Прямое заимствованіе большого абзаца у Петцольда мы имѣемъ лишь во «Введеніи», гдѣ ему удалось прекрасно охарактеризовать общее значеніе философіи Авенаріуса въ ея контрастѣ къ философіи метафизической, старающейся въ настоящее время подняться изъ могилы. Остальные цитаты имѣютъ второстепенное значеніе.

Во всякомъ случаѣ недостатки и неточности предлагаемой работы падаютъ цѣликомъ на насъ, такъ какъ мы имѣли полную возможность всюду критически провѣрить то, что заимствовали у Петцольда; наоборотъ, если въ нашемъ трудѣ найдутся нѣкоторыя положительныя стороны, то онѣ должны быть отнесены на счетъ остроумнаго ученика Авенаріуса, положившаго блестящее начало дѣлу популяризаціи идей безспорно великаго, прокладывающаго новые пути учителя.

Что касается основаній, руководясь которыми Петцольдъ выработалъ тотъ планъ изложенія «Критики чистаго опыта», которому слѣдуемъ и мы, то предоставимъ объяснить ихъ самому Петцольду. «Выводы, къ которымъ пришла философія чистаго опыта,—говоритъ Петцольдъ,—такъ сильно отличаются отъ господствующихъ взглядовъ, что систематическое изложеніе ихъ даетъ читателю слишкомъ мало точекъ соприкосновенія съ привычными для него воззрѣніями, что въ сильной степени затрудняетъ пониманіе. Для того, чтобы человѣкъ оставилъ взгляды, въ которыхъ онъ воспитанъ, къ которымъ привязанъ въ силу привычки, необходимо очень многое; обыкновенно онъ рѣшается на это лишь тогда, когда несостоятельность его

взглядовъ доказана ему съ несомнѣнностью, притомъ, когда доказательства эти вновь и вновь освѣщаютъ вопросъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія; да и въ этомъ случаѣ необходимъ еще послѣдовательный переходъ отъ стараго къ новому, такъ чтобы новое явилось какъ бы продуктомъ развитія стараго, а не началомъ всецѣло отрицающимъ и разрушительнымъ. Систематическое изложеніе поэтому не педагогично. Оно предназначается лишь для узкаго круга специалистовъ, между тѣмъ какъ настоящее сочиненіе стремится послужить распространенію новаго ученія въ широкихъ кругахъ, а для этого необходимо подчеркнуть наиболѣе современныя черты и связать ихъ возможно крѣпче съ убѣжденіями современнаго читателя» *).

Исходя изъ этихъ соображеній, Петцольдъ предпослалъ самому изложенію блестящее разсужденіе о методахъ изученія психологіи, долженствующихъ убѣдить читателя, что истинно научнымъ методомъ въ психологіи можетъ быть лишь біологическій, т.-е. методъ, впервые рѣшительно и блестяще примѣненный Авенариусомъ. Психофизиологія занималась до сихъ поръ изслѣдованіемъ физиологическихъ процессовъ въ нервной системѣ больше какъ иллюстраціями для психологіи, отнюдь не какъ ключомъ для пониманія связи психическихъ явленій. Дѣйствительно, такая постановка проблемы изслѣдованія психическихъ явленій лучше всего приводитъ къ двумъ основнымъ открытіямъ Авенариуса: теоріи жизненнаго ряда и теоріи элементовъ и характеристикъ. Авенариусъ, излагая эти теоріи, впервые даетъ картину физиологической жизни мозга, того, что онъ называетъ независимымъ рядомъ явленій, а потомъ во второмъ томѣ

*) Petzold ofecit., стр. 5—6.

анализируетъ психическія явленія, или зависимый рядъ, именно въ зависимости отъ перваго.

Петцольдъ же связываетъ то и другое, что дѣлаетъ его изложеніе болѣе интереснымъ и простымъ, чѣмъ насильственно расчлененное изложеніе Авенаріуса. Переходя отъ простыхъ рядовъ къ болѣе сложнымъ, Петцольдъ исчерпываетъ почти все содержаніе «Критики чистаго опыта», постоянно заимствуя отсюда тѣ остроумныя иллюстраціи отдѣльныхъ положеній, которыя такъ украшаютъ произведенія Авенаріуса. Въ этомъ мы также охотно слѣдуемъ его примѣру.

Такимъ образомъ предлагаемый трудъ раздѣляется на три неравныя части: 1) Введеніе, выясняющее общее значеніе «Критики чистаго опыта» и ставящее основные вопросы. Въ это введеніе входятъ у насъ § 1 Введенія Петцольда и часть послѣдней главы его сочиненія: «Значеніе «Критики чистаго опыта»; 2) выясненіе сущности и методовъ біологической психологіи, представляющее изъ себя совершенную переработку первыхъ пяти главъ Петцольда, въ сущности самостоятельную статью на ту же тему и 3) изложеніе «Критики», которое занимаетъ остальные главы и соотвѣтствуетъ главамъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, части 10, 11 и 12 второй части книги Петцольда. Главы 7, 8, 9 и 13 нами опущены, такъ какъ представляютъ плодъ самостоятельнаго творчества Петцольда. Такъ какъ многое, являющееся существеннымъ для Петцольда, кажется намъ лишь детально (а это какъ разъ тамъ, гдѣ Петцольдъ «критикуетъ» Авенаріуса), то наше оглавленіе значительно отличается отъ оглавленія перечисленныхъ главъ Петцольда. Само же изложеніе, какъ мы уже говорили, цѣликомъ наше; иллюстрирующіе примѣры принадлежать отчасти Авенаріусу, отчасти намъ.

Вторая часть настоящей книги, представляющая собою критическое изложенеіе книги Гольцапфеля «Panideal», какъ нельзя болѣе подходитъ къ первой части, трактующей по преимуществу вопросы познанія. Книга Гольцапфеля является интересной и во многихъ отношеніяхъ удачной попыткой построенія эмпириокритической теоріи цѣнностей.

Во многихъ пунктахъ, однако, мнѣ пришлось болѣе или менѣе рѣзко отклониться отъ Гольцапфеля и вступить на самостоятельный путь.

А. Луначарскій.

Кіевъ, 1904 г., сент. 12.

І. ВВЕДЕНІЕ.

Въ своемъ вступленіи въ „Введение въ философію чистаго опыта“ Петцольдъ превосходно характеризуетъ освобождающее, радостное значеніе эмпириокритизма, т.-е. критически-реалистической точки зрѣнія на міръ и познаніе, по сравненію съ Кантовскимъ трансцендентальнымъ идеализмомъ, въ разной формѣ и въ разной степени заразившимъ всю философскую жизнь современнаго человѣчества, начавшимъ проникать даже въ сознаніе натуралистовъ, вредно отражаясь на ихъ дѣятельности.

Мы приведемъ цѣликомъ 1 § Петцольдовскаго „Вступленія“, который не оставляетъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ ясности противопоставленія истинно-научной точки зрѣнія Авенариуса, той теоріи, которая такъ смиренно-самопринижаяще говоритъ о предѣлахъ научнаго познанія и такъ властно самоувѣренно строитъ потомъ „познаніе“ метафизическое.

„Болѣе ста лѣтъ тому назадъ восторжествовало среди философовъ ученіе, окутавшее непроницаемой тьмой первоначальную, естественную цѣль всякаго стремленія къ познанію, чуть было не принудившее человѣчество отказаться отъ непобѣдимаго стремленія къ истинѣ, т.-е. къ подчиненію сущаго—человѣческой мысли. Согласно этому ученію міръ и мышленіе отдѣлены другъ отъ друга несокрушимою стѣною, т.-е. міръ, о которомъ я что-либо знаю, есть лишь мое представленіе, а настоящій міръ на вѣки непознаваемъ и лежитъ гдѣ-то позади: чуть я захочу какъ-либо постигнуть его—я уже охватываю его мыслью, уже дѣлаю его „пред-

ставленіемъ“, что же онъ самъ по себѣ, что онъ такое независимо отъ моей мысли—это мнѣ навсегда недоступно.

Пусть же человѣкъ отдается своимъ представленіямъ и придетъ къ агностицизму, къ признанію безсилія своего ума по отношенію къ „дѣйствительнымъ вещамъ“. Пусть человѣкъ держится по „сю сторону стѣны“ и здѣсь достаточно задачъ для него: обрати все твое вниманіе, всѣ твои помысленія сюда и ты скоро отвыкнешь посылать тоскливые взгляды по ту сторону стѣны и довольство собою путемъ привычки станетъ, наконецъ, твоимъ удѣломъ.

Ученіе это есть высоко развитое дѣтище ветхой-ветхой мысли, замѣтно вліявшей уже въ древности, и подавляюще проявившей себя въ средніе вѣка. Теперь эта старая вредная идея готова замедлить ростъ свѣжихъ побѣговъ новѣйшей жизни.

Эта идея—мысль о безсиліи, объ ограниченности человѣческаго духа. Средневѣковые богословы изъ всѣхъ силъ старались доказать ничтожество всѣхъ человѣческихъ помысленій и дѣяній, потому что этимъ воспитывалась жажда милостей неба. Человѣкъ не въ состояніи построить своими силами моста къ своему блаженству, онъ можетъ получить его только силой благодати, это основная мысль блаженнаго Августина, реабилитированная реформаціей, постепенно подчинила себѣ философію. Кантъ цѣликомъ остается во власти этой схлаостики: мышленіе безсильно постичь міръ—„вещь въ себѣ“,—самая важная задача философіи опредѣлить границы познаваемого. Даже великій свободомыслящій Юмъ не могъ отдѣлаться отъ этой идеи. Его скептицизмъ сводится къ признанію пропасти между средствами познанія и его задачами.

Теперь уже ясно, что отказъ отъ совершеннаго познанія не „испепелилъ бы сердце человѣку“. Человѣкъ легко приспособляется, онъ примѣряется съ неизбѣжнымъ. Кто ясно понимаетъ невозможность рѣшенія задачи *Perpetuum mobile* или квадратуры круга, тотъ ничуть не недоволенъ этой невозможностью; наоборотъ, въ сознаніи ея есть что-то освобождающее: нѣтъ болѣе угрызений и сомнѣній, и полный новыхъ надеждъ, онъ обращаетъ всѣ свои силы къ рѣшенію другихъ задачъ.

Но дѣйствительно ли мы должны быть такъ несокрушимо увѣрены въ непознаваемости міра?—Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ! Отнесемъ только съ недоувѣріемъ къ вредной аксіомѣ старыхъ схоластиковъ, будемъ только вѣрить въ силу разума! Она все для насъ, мы не должны позволять ослаблять ее. Неужели можно признавать законное логическое существованіе задачи, которая по самому существу своему неразрѣшима? Міръ есть нѣчто непостижимое! И къ этому положенію пришли какъ разъ тѣ, кто нашель, что все сущее, все, что мы находимъ вокругъ себя, есть лишь наше представленіе, т.-е. нѣчто необходимо намъ доступное. Нѣтъ, нельзя ставить мысли задачи извнѣ, ихъ можно ставить лишь исходя изъ условій самаго мышленія. Мы сами виноваты, если міръ показался намъ неразрѣшимой загадкой. Міровой загадки не станетъ, какъ только мы не захотимъ ея. Всѣ вопросы, которые можетъ поставить разумный человѣкъ могутъ найти себѣ удовлетворительный отвѣтъ и непремѣнно найдутъ его въ теченіи развитія. Тѣ же вопросы, относительно которыхъ выясняется, что отвѣтить на нихъ разумъ не въ силахъ,—очевидно неправильно, нелогично поставлены и теряютъ всякое значеніе, исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ ихъ внутренняя пустота и противорѣчивость выясняются. По отношенію къ задачамъ, какія въ силахъ поставить мышленіе, могущество его безгранично. Нѣтъ ему предѣловъ, въ реальной дѣйствительности нѣтъ ничего, что было бы непознаваемымъ, а внѣ реальной дѣйствительности нѣтъ ничего вообще, все сущее есть природа, вся природа познаваема, нѣтъ „границы познаваемости природы“.

Это не гегельянизмъ, не интеллектуализмъ, хотя твердая вѣра Гегеля въ человѣческій разумъ очень симпатична новому позитивизму. Нѣтъ, это убѣжденіе самоновѣйшей философіи, постепенно и незамѣтно развившейся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Опытъ не убилъ мысли, но послужилъ для нее широкимъ фундаментомъ. Она не исходила сразу изъ теоретико-познавательной точки зрѣнія, стремясь сдѣлать ее основой дальнѣйшихъ и обширнѣйшихъ частей своихъ построеній, — напротивъ, она выясняла эту точку зрѣнія лишь къ концу путемъ естественно-научнаго и пси-

хологическаго изслѣдованія. Высшая формула, которою она стремится охватить вселенную, является уже не основнымъ и краугольнымъ камнемъ, а высшей абстракціей, камнемъ заключительнымъ.

Прежде философія падала съ паденіемъ своей основной онтологической и гносеологической точки зрѣнія, новая философія ищетъ болѣе надежной точки опоры. Большая часть ея — естествознаніе и психологія. Она лишь продолжаетъ работу отдѣльныхъ наукъ. Въ качествѣ философіи чистаго опыта она хочетъ развить и обосновать міросозерцаніе, которое покоилось бы всецѣло на опытѣ, хочетъ пользоваться, какъ камнемъ для постройки лишь тѣмъ, что намъ непосредственно дано, что мы невольно должны признать за неразложимый фактъ; къ этому она готова прибавить нѣкоторыя гипотезы, выдержанныя, однако, строго въ духѣ фактовъ. Но она хочетъ тщательнѣйшимъ образомъ избѣгнуть всякаго произвола мысли, всякой метафизической спекуляціи, которая, по ея мнѣнію, можетъ имѣть значеніе лишь въ качествѣ поэзіи, игры фантазіи, и которая можетъ привести насъ кратчайшимъ путемъ въ бесплоднѣйшія пустыни. Но покоясь на фактахъ, выясненныхъ наукой, она открываетъ новые факты. Она не думаетъ просто слѣдовать по теченію опытныхъ наукъ, но какъ и всякая философія хочетъ сама имѣть направляющее вліяніе, болѣе того стремясь приблизиться къ живому пульсу не только современной научной жизни, но и жизни вообще, она ставитъ себѣ высшею цѣлью, вліять на формировку этой жизни, на дальнѣйшее развитіе человѣчества во всѣхъ направленіяхъ, она желаетъ, наконецъ, поставить цѣлью этого развитія — свою цѣль“.

Такъ говорить Петцольдъ.

Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, насколько онъ правъ въ своемъ сужденіи о новой философской теоріи.

Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Петцольдъ, понятіе истиннаго познанія, опыта, истины и т. п. даются лишь въ концѣ изслѣдованій, именно для полнаго ихъ выясненія и работалъ Авенаріусъ. Но само собой разумѣется, что, приступая къ какому-нибудь изслѣдованію необходимо намѣтить *a priori* тотъ методъ, которому будешь слѣдовать; это и дѣ-

лаетъ Авенариусъ. Онъ пользуется въ самомъ изслѣдованіи именно тѣмъ методамъ, сущность и правильность котораго это изслѣдованіе доказываетъ съ полной научной ясностью; ему приходится антиципировать результатъ изслѣдованія, но разумѣется опредѣленіе метода „критики“ въ началѣ ея обще, кратко и можетъ показаться произвольно выбранной точкой зрѣнія; но тотъ же методъ, являясь уже результатомъ изслѣдованія, занимаетъ по праву мѣсто въ ряду методовъ человѣческаго познанія, какъ самый точный и совершенный, обладающій къ тому же способностью освѣтить всѣ остальные теоретикопознавательныя точки зрѣнія, какъ ступени, ведущія къ тому же, или какъ исторически-необходимыя ошибки.

Методъ, который согласно изслѣдованію Авенариуса, оказался истинно человѣческимъ методомъ познанія, вариациями котораго въ сущности являются всѣ остальные методы, названъ нашимъ философомъ — эмпириокритическимъ.

Но въ самомъ изслѣдованіи своемъ Авенариусъ уже принимаетъ этотъ методъ, только первое, апріорное опредѣленіе его дается въ умышленно-упрощенной формѣ.

Методъ Авенариуса опредѣляется здѣсь слѣдующимъ образомъ: мы можемъ достигнуть прочнаго и удовлетворительнаго представленія о мірѣ, только въ томъ случаѣ, если будемъ смотрѣть на вещи самымъ простымъ образомъ, забывъ всѣ теоріи, предположенія, гипотезы и т. п. Мы должны описывать факты, какъ мы воспринимаемъ ихъ, и связь этихъ фактовъ между собою, каковою мы находимъ ее. Мы должны совершенно отбросить примыслы: въ родѣ напр. того, что всѣ явленія матеріальны, или что всѣ они—наше представленіе; описаніе фактовъ наиболѣе точное, полное и послѣдовательное—вотъ задача познающаго. Выводы получаются изъ самого этого описанія, и выводы, быть можетъ, поражающіе своею неожиданностью, потому что до сихъ поръ философы никогда не хотѣли ограничиться фактами, и сейчасъ же стремились объяснить ихъ какой-нибудь аналогіей, какимъ-нибудь картиннымъ сравненіемъ, которыя выдавались за внутреннюю сущность явленій, благодаря чему изслѣдованіе запутывалось и затемнялось.

Итакъ, подходя къ опредѣленному явленію, именно человѣческому опыту, Авенаріусъ просто хочетъ описать точно, полно и систематично факты, именуемые опытомъ; описать, что дѣлаетъ человѣкъ, или что дѣлается съ нимъ, когда онъ говоритъ: „Я по опыту знаю то и то“. Затѣмъ онъ хочетъ указать, какіе факты сопутствуютъ и другимъ, болѣе детализированнымъ высказываніямъ человѣка; напр.: „Я по опыту знаю, что это пріятно, что это существуетъ на дѣлѣ... что это истина“ и т. д.

Исслѣдователь забываетъ себя, вычеркиваетъ себя изъ наблюдаемаго міра, онъ просто возможно болѣе ясное и чистое зеркало, въ которомъ отражаются предметы. Психическая жизнь для него не его собственная жизнь, не внутренняя жизнь, а высказыванія индивидовъ, лишь истолковываемыя имъ по аналогіи съ собственными переживаніями; и вотъ онъ ищетъ тѣхъ фактовъ, которые неизмѣнно сопутствуютъ различнаго рода высказываніямъ.

Для того, чтобы человѣкъ высказался въ какомъ-нибудь смыслѣ, необходимо очевидно, чтобы онъ что-нибудь чувствовалъ, мыслилъ и т. д., необходимо, стало-быть, чтобы въ немъ происходили какія-нибудь перемѣны, обусловленные либо измѣненіями воздѣйствующей на него окружающей среды, либо предыдущими внутренними процессами. Какія же измѣненія среды, и какіе внутренніе процессы вызываютъ высказыванія того или иного рода? Это-то Авенаріусъ и хочетъ систематически описать.

При этомъ человѣческій индивидъ берется самымъ конкретнымъ образомъ, какъ опредѣленный организмъ, изученный въ значительной степени анатоміей и фізіологіей, такъ же и среда берется въ самомъ конкретномъ смыслѣ: это міръ физическихъ явленій, совершающихся опредѣленнымъ наукою образомъ.

Наука описала намъ человѣческій индивидъ и среду. Мы беремъ ихъ у нея готовыми и смотримъ въ какой взаимозависимости стоятъ они въ актѣ „опыта“.

Но что разумѣютъ люди подъ словомъ „опытъ?“. Двѣ вещи очень различныя, опредѣлить которыя необходимо прежде чѣмъ приступать къ изслѣдованію опыта.

Во-первыхъ, опытомъ можно называть всякое содержаніе

нашего сознанія. Это естественное, первоначальное понятіе „опыта“. Въ этомъ смыслѣ, если я говорю: „это мой опытъ“, то я хочу сказать лишь, что я не „сочинилъ“ этого, а нашелъ, какъ нѣчто данное, что я воспринялъ это, какъ нѣчто извнѣ вошедшее въ мое сознаніе.

Стоитъ просто проанализировать любое человѣческое высказываніе и вы найдете, что часть его можетъ быть сознательнымъ продуктомъ фантазіи, сознательнымъ предположеніемъ и т. д., а часть „опытомъ“, т. - е. чѣмъ-то найденнымъ, даннымъ. Это понятіе опыта Авенаріусъ называетъ аналитическимъ.

Съ этой точки „зрѣнія опытъ чистъ“, когда къ нему не примѣшано ничего иного, когда все его содержаніе создается высказывающимъ, какъ пассивно найденное имъ. таково аналитическое понятіе чистаго опыта.

Одна дама рассказывала, что будучи 8-лѣтней дѣвочкой она такъ вѣрила въ существованіе ангеловъ, что видѣла въ темныхъ облакахъ гробы умершихъ знакомыхъ лицъ, а въ свѣтлыхъ—ангелочковъ, возносящихъ ихъ къ небу.

Это былъ опытъ восьмилѣтней дѣвочки, ея чистый опытъ.

Аналитическое понятіе чистаго опыта высказываетъ лишь фактъ, въ немъ не заключается никакого требованія.

Но когда мы задаемся цѣлью создать наиболѣе правильное понятіе чистаго опыта, опыта, какимъ онъ долженъ быть для того, чтобы въ наивысшей мѣрѣ удовлетворять потребности человѣка въ законченномъ познаніи, то мы должны на ограничиваясь анализомъ высказываній, не ограничиваясь констатированіемъ того, что высказывающій самъ называетъ опытомъ, синтетически составить себѣ понятіе безусловно чистаго опыта, какъ критеріи для сужденія о большей или меньшей познавательной цѣнности разныхъ высказываній, выдаваемыхъ за опытъ.

Синтетическое опредѣленіе чистаго опыта у Авенаріуса гласитъ: „чистымъ опытомъ можетъ быть названо лишь такое содѣржаніе сознанія (высказанное намъ или наше собственное), которое не содержитъ въ себѣ ничего кромѣ частей окружающей среды“.

„Критика чистаго опыта“ есть прежде всего изслѣдованіе того, возможно ли познаніе, удовлетворяющее требованіямъ сторонниковъ чистаго опыта. Въ какомъ смыслѣ возможно познаніе міра, основанное только на опытѣ, т. е. не заключающее въ себѣ ничего, кромѣ точнаго и планомѣрнаго описанія среды, въ которой живетъ человѣкъ, и которую онъ называетъ вселенной? Старый эмпиризмъ всегда выставялъ такое требованіе, но онъ не имѣлъ своей предпосылкой столь точнаго и богатаго изслѣдованія самого акта „опыта“, какое даетъ намъ Авенаріусъ. Всѣ обычныя вульгарныя опроверженія эмпиризма падаютъ передъ эмпирио-критицизмомъ, т. к. онъ не забываетъ поставить вопроса о предпосылкахъ самого опыта, только отвѣчаетъ на него не трансцендентальнымъ, а біологическимъ анализомъ.

Пусть не смущаетъ читателя, что желая выяснить предпосылки опыта, Авенаріусъ исходилъ для этого изъ данныхъ опыта. Иначе поступать никто не въ состояніи. Кантъ нимало не избѣгъ того же, только сдѣлалъ онъ это безсознательно, принимая за доопытное изслѣдованіе свое констатированіе фактовъ сознанія, — основой его мышленія былъ все же внутренній опытъ.

Итакъ, исходя изъ опыта, мы можемъ критиковать самый опытъ, какъ исходя изъ данныхъ теорій свѣта, построенной при участіи нашего глаза, мы можемъ критиковать устройство самого глаза.

1. Человѣку не нужна Архимедова точка внѣ міра, онъ долженъ рѣшать задачи познанія, строя множество уравненій со множествомъ неизвѣстныхъ, замѣняя постепенно одно изъ нихъ другимъ, большее количество меньшимъ, пока всѣ неизвѣстныя не будутъ раскрыты. Міръ предстанетъ тогда, какъ строго закономерная совокупность простѣйшихъ элементовъ, какъ громадный процессъ, отнынѣ логическій, ясный, понятный. Онъ подчиненъ уже мысли, улаженъ въ ея рамки, переведенъ вполне на нашъ человѣческій языкъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ въ широчайшей мѣрѣ доступенъ планомѣрному воздѣйствію нашей вооруженной познаніемъ воли, доступенъ въ интересахъ роста, развитія, углубленія нашего чувства жизни, въ интересахъ шири и мощи жизнерадостности побѣдоносца-человѣка. Въ неуклонномъ

полетѣ этой жизнерадостности къ вѣчно новымъ идеаламъ человѣкъ найдетъ и эстетическій и, если угодно, этический смыслъ бытія.

Намѣчая главнѣйшія задачи своего труда, Авенариусъ формулируетъ три основныхъ вопроса критики чистаго опыта, отвѣтъ на которые мы приводимъ въ концѣ этой книги.

Вопросъ I. Вопросъ о настоящемъ смыслѣ синтетическаго понятія чистаго опыта: въ какомъ смыслѣ и въ какомъ объемѣ можемъ мы принимать части окружающей насъ среды за предпосылки нашего опыта?

Важность этого вопроса очевидна. Наивный реализмъ отвѣчаетъ на него теоріей прямого отраженія дѣйствительности въ сознаніи, наивный идеализмъ теоріей прямого отраженія сознанія во внѣ, объективации духа и т. д.

Авенариусъ даетъ отвѣтъ, подготовленный уже физиологической психологіей и лежащій вовсе внѣ рамокъ спора между наивнымъ реализмомъ и идеализмомъ.

Вопросъ II. Вопросъ объ аналитическомъ понятіи опыта: въ какомъ смыслѣ и объемѣ можемъ мы принимать за опытъ человѣческія высказыванія?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ классифицированное перечисленіе всего того, что разумѣется подъ словомъ „опытъ“.

Вопросъ III, заключительный: въ какомъ смыслѣ и объемѣ аналитическое и синтетическое понятія расходятся и при какихъ условіяхъ возможно ихъ совпаденіе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ тождественъ съ критикой всѣхъ формъ познанія человѣчества и установкой идеала познанія.

Но „критика чистаго опыта“ даетъ еще больше, чѣмъ общаетъ ея заглавіе и перечисленные 3 основныхъ вопроса. Петцольдъ совершенно правильно говоритъ объ этомъ: „У Авенариуса издавна существовалъ планъ, чѣмъ и объясняется заглавіе его произведенія. Если бы имъ не были уже написаны „Прологомены къ критикѣ чистаго опыта“ т. е. „Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу на-

именьшей траты силъ *)“, то онъ навѣрное иначе озаглавилъ бы свой главный трудъ. Самъ Авенаріусъ говоритъ, что хотѣлъ „набросать основныя черты общей теоріи человѣческаго познанія и человѣческой дѣятельности“.

Но, какъ замѣчаетъ тотъ же Петцольдъ, даже заглавіе: „Психологія познанія“ было бы узко для книги, оно содержитъ въ себѣ основы біологической психологіи. Петцольдъ склоненъ придавать біопсихологической сторонѣ ученія Авенаріуса даже большее значеніе, чѣмъ тѣсно съ нею связанной теоретико-познавательной; это преувеличенно: трудъ Авенаріуса даетъ основу теоріи познанія именно уясняя намъ психическую жизнь человѣка во всей ея совокупности, а слѣдовательно въ частности и человѣческое познаніе; съ другой стороны свои біопсихическія теоріи Авенаріусъ выработалъ, основываясь на правильной теоріи познанія. То и другое связано неразрывно, основой тому и другому служатъ факты.

Научная мысль съ напряженіемъ работала въ послѣднія десятилѣтія надъ превращеніемъ психологіи въ науку. Независимая отъ какой-либо метафизики, основанная на самонаблюденіи эмпирическая психологія, дополненная этнографическимъ, коллективно-описательнымъ, историческимъ матеріаломъ предлагалась какъ совершеннѣйшая форма психологіи какъ науки, но при этомъ между нею и другими естественными науками оставалась непроходимая пропасть; связать въ нѣчто единое психическіе и физическіе факты казалось чѣмъ-то несообразнымъ. Физиологическая психологія рекомендовала рядомъ наблюденіе надъ психологическими и физиологическими явленіями, взаимное освѣщеніе одной области другою, то тщательно придерживаясь идеи равноправности психологіи и физиологіи, то вмѣстѣ съ Вундтомъ объявляя, что физиологическія явленія соотвѣтствуютъ лишь части психическихъ явленій и что они сами, какъ и всѣ явленія вообще, могутъ быть легче всего познаны именно по аналогіи съ психикой, съ волей напимѣръ. Выдвигалась, наконецъ, и точка зрѣнія примата физиологическаго изслѣдованія надъ психическимъ, но обык-

*) Имѣется русскій переводъ. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.

новенно эта позиція защищалась грубо метафизическими, — именно материалистическими аргументами. При томъ въ этомъ случаѣ отнюдь не стремились создать себѣ полную картину органической жизни субъекта, и исходя изъ нея понять внутреннюю связь сознанія, а больше копались въ разрозненныхъ деталяхъ физиологіи мозга, усердствуя въ разысканіи отдѣльныхъ параллелизмовъ. Между тѣмъ ростъ сознательности въ вопросахъ общенаучной методологіи подготовилъ почву для новой біологической психологіи, первымъ представителемъ которой и выступилъ Авенаріусъ*).

2. БІОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Идея параллелизма психическихъ явленій съ физиологическими процессами въ нервной системѣ установлена наукой настолько прочно, что сторонники одряхлѣвшаго міровоззрѣнія, въ своемъ стремленіи отстоять права отсталой мысли передъ лицомъ науки, отнюдь не осмѣливаются отрицать несомнѣнности факта параллелизма въ общихъ чертахъ, а лишь пользуются темными углами, которыхъ еще очень много въ физиологіи мозга, и стараются доказать возможность также и чисто спиритуалистическихъ явленій безъ всякой соотвѣтствующей имъ физиологической картины...

На непредубѣжденнаго человѣка рѣшающе вліяетъ огромный рядъ наблюденій и опытовъ, доказывающій, что поврежденія различныхъ центровъ мозга, приводящихъ или отводящихъ нервовъ немедленно искажаетъ или уничтожаетъ любыя психическія функціи и при томъ съ полной и детальной опредѣленностью, кромѣ того не трудно убѣдиться въ какой тѣсной зависимости находится развитіе психики и развитіе нервно-мозгового аппарата въ постепенно повышающемся рядѣ животныхъ, или въ развитіи человѣка изъ зародыша въ зрѣлаго мужа.

*) Нѣчто подобное стремился дать въ своихъ трудахъ, независимо отъ Авенаріуса, талантливый русскій мыслитель А. Богдановъ.

Мы не можемъ поэтому не выставить передъ наукой-требованія доказать полную, точную, необходимую параллельность, или функціональную взаимозависимость психическаго и фізіологическаго. Накопилось уже столько фактовъ, подтверждающихъ гипотезу полного параллелизма, что она законно превратилась въ постулатъ, въ регулятивную идею изслѣдованія.

Недалеко отсюда было до мысли признать психику и функціи нервно-мозговой системы за двѣ стороны, за два проявленія нѣкоторой единой сущности. Готова была втереться метафизическая идея о непознаваемомъ третьемъ, проявляющемся въ двухъ видахъ. Но когда мы слышимъ звукъ струны, и затѣмъ видимъ ея колебаніе, мы отнюдь не говоримъ, что то и другое суть проявленіе третьяго, непостижимаго, а говоримъ лишь, что колебаніе струны воспринимается ухомъ какъ звукъ, и звучащая струна воспринимается глазомъ, какъ колеблющаяся. И если мы истолковываемъ звукъ при помощи теоріи колебаній, а не наоборотъ, то это объясняется очень просто: колебаніе есть явленіе однородное и чрезвычайно широко распространенное; мы, знаемъ колебанія, которыя вовсе не воспринимаются ухомъ при томъ ухо воспринимаетъ принципиально однородныя, лишь количественно различныя колебанія—какъ качественно различныя тоны. Естественно, что намъ несравненно легче описать полно, точно и систематично всѣ факты, относящіеся къ акустикѣ, если мы переведемъ ихъ на языкъ зрѣнія: вмѣсто ряда прерывнаго, распадающагося на количественно несоизмѣримые, качественно различныя тоны, мы имѣемъ непрерывный, варьирующий въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ направленіяхъ рядъ явленій, при чемъ при переводѣ на него — слитныя явленія (аккорды, шумы) разлагаются на свои простѣйшія составныя части.

Механическое міровоззрѣніе прочно именно тѣмъ, что оно стремится перевести всѣ явленія на языкъ зрѣнія, при томъ усовершенствованный, принявшій форму геометріи и чистой механики. Сторонникъ механическаго міровоззрѣнія если онъ не метафизикъ, не станетъ утверждать, что вселенная есть въ сущности движеніе простѣйшихъ частицъ въ пространствѣ, какъ ни одинъ разумный человѣкъ

не станетъ говорить, что человѣкъ въ сущности есть не „человѣкъ“, а „Номо“; но какъ ученый, устанавливая латинскую терминологію, переводить термины на латынь ради практическихъ цѣлей, такъ и механистъ переводить языкъ всѣхъ чувствъ на свой механическій языкъ изъ практическихъ соображеній, чтобы какъ выражается Максвелль: „развить цѣлесообразное и точное представленіе, съ помощью котораго мы можемъ создать себѣ въ нашемъ умѣ картину фактовъ, достаточно обширную, но и достаточно точную, чтобы скрывать въ себѣ вѣрность заключеній, которыя мы изъ нея дѣлаемъ путемъ математическихъ вычисленій“.

Мы взяли только примѣръ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что механическое міровоззрѣніе есть наиболѣе „цѣлесообразное и точное“ изъ такихъ „представленій“. Важно намъ то, что параллелизмъ, или двусторонній монизмъ, проявляющійся въ отношеніяхъ психическаго и фізіологическаго, не единственное и не исключительное явленіе: суть его заключается въ воспріятіи двумя разными способами,— непосредственнымъ самовоспріятіемъ мозга, (психика) и наблюденіемъ его при помощи глаза (фізіологія). Если бы мы выдѣлили тѣ центры мозга, и въ ихъ жизни тѣ функціи, которымъ въ строгой параллельности соотвѣтствуютъ психическія явленія, то мы имѣли бы два взаимозависимыхъ ряда.

Матеріалистъ утверждаетъ, что фізіологическій рядъ, какъ бы принуждаетъ психологическій быть такимъ, а не инымъ, онъ господинъ, потому что онъ причина, психическій рядъ, — рабъ, ибо онъ слѣдствіе. Для иного идеалиста-Вундтіанца положеніе пожалуй обратное.

Новѣйшій позитивистъ не можетъ разбираться въ этомъ нелѣпомъ вопросѣ. Въ природѣ для него нѣтъ причины, нѣтъ слѣдствія. Самое понятіе о причинѣ, какъ чѣмъ-то принудительно вызывающемъ слѣдствіе, является послѣднимъ пережиткомъ того міровоззрѣнія, который всякій процессъ принималъ за волевой по аналогіи съ собственными движеніями и дѣятельностью.

Къ тому же старое представленіе о причинѣ совершенно ненужно современной наукѣ, оно крайне неопредѣленно. Причиной смерти самоубійцы А. является остановка работы

сердца со всѣми сопровождающими фізіологическими явленіями, но также и проникновеніе пули въ сердце, но также и взрывъ пороха въ стволѣ револьвера, и желаніе самоубійцы, и то, что дѣвица В. ему измѣнила, и то, что онъ былъ человѣкъ слабохарактерный, и то, что у него случайно оказался подъ рукой заряженный револьверъ, и то, что никого не было въ это время около него и 1000 другихъ, разбѣгающихся во всѣ стороны явленій, совокупность которыхъ неясная, расплывчатая и есть причина смерти, на ряду съ особенностями самого организма, т. к. въдѣ и ими обусловлена смерть. Попытки раздѣлить причину на собственно причину и условія не выдерживаютъ критики. Въмѣсто старой причинности выдвигается новая форма пониманія явленій, которая можетъ быть формулирована такъ: „всякое явленіе совершенно опредѣленно во всѣхъ своихъ частяхъ и можетъ быть заранѣе опредѣлено разумомъ съ математической точностью“. Само собой разумѣется, что математически точное опредѣленіе явленій доступно намъ въ настоящее время лишь въ нѣкоторыхъ простѣйшихъ случаяхъ, въ большинствѣ же случаевъ благодаря запутанности и сложности явленій мы удовлетворяемся пока приблизительнымъ опредѣленіемъ общаго характера явленій, ожидаемыхъ нами при тѣхъ или другихъ условіяхъ, но мы уже не хотимъ останавливаться на этомъ, въ идеалѣ мы стремимся познать природу, какъ совокупность явленій количественно соизмѣримыхъ и строго взаимозависимыхъ.

Такое пониманіе причинности выяснилось благодаря открытію закона сохраненія энергіи и вмѣстѣ съ нимъ. Законъ сохраненія энергіи самъ по себѣ есть и установленіе факта и постулата соизмѣримости, принципиальной однородности и взаимоотноопредѣленности явленій міра.

Быть можетъ читатель еще яснѣе усвоить разницу между старымъ и энергетическимъ понятіемъ причинности изъ слѣдующихъ опредѣленій Геффдинга:

„Понятіе причинности имѣетъ двѣ формы: временную, элементарную форму, которой намъ часто приходится довольствоваться, и идеальную форму, къ которой стремятся всякое изслѣдованіе и всѣ теоріи. Элементарное понятіе

причинности указываетъ лишь на отношеніе неизбежной послѣдовательности: разъ дано явленіе А, то неизбежно наступаетъ явленіе В, и В наступаетъ только въ томъ случаѣ, если этому предшествуетъ А. Этимъ не сказано, что причинная связь существуетъ между А и В: можетъ случиться, чтобы и А и В были послѣдовательно наступающими слѣдствіями одной общей имъ причины. Идеальное понятіе причинности дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ и усматриваетъ въ явленіи, которое называютъ слѣдствіемъ, продолженіе того явленія, которое называется причиной, т.-е. оно усматриваетъ превращеніе этого явленія въ новую форму. Идеальное понятіе причинности переходитъ такимъ образомъ въ понятіе развитія, и именно поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что это послѣднее въ новѣйшее время играетъ рядомъ съ понятіемъ причинности столь важную роль въ наукѣ.

Читатель видитъ, что причина вовсе не есть *causa efficiens*, побудитель, и слѣдствіе совсѣмъ не что-ниб. зависящее, въ смыслѣ волевой подчиненности; нѣтъ, когда мы говоримъ, что функція *a* зависятъ отъ функцій *e*, это значитъ лишь, что по первымъ мы можемъ точно судить о вторыхъ и наоборотъ.

Тоже признаемъ мы первоначально и относительно психо-фізіологическаго параллелизма.

Но стоитъ намъ внимательно всмотрѣться въ новый способъ познанія явленій съ одной стороны и свойства психическихъ и фізіологическихъ явленій съ другой стороны, чтобы убѣдиться, что равноправныя въ философскомъ смыслѣ, эти ряды явленій не могутъ быть приняты за равноцѣнныя въ методологическомъ отношеніи.

Да, мы вовсе не говоримъ, что въ сущности существуетъ лишь мозгъ и его „матеріальныя“ функціи, ни того, что мозгъ есть лишь „видимость“, подъ которой скрывается „сущность“ — психика, но мы ставимъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ легче изучить эти явленія, какимъ путемъ легче включить ихъ въ общую картину научно-познаннаго мира?

И тутъ намъ нужно разобраться въ нѣкоторыхъ основахъ современнаго научнаго познанія вообще.

Законъ сохраненія энергіи, законъ закономерности явленій природы, или безусловной количественно точной детерминированности каждаго явленія—это базисъ совершенно необходимый для науки. Наука только тогда считаетъ явленіе познаннымъ, когда его возникновеніе и ходъ могутъ быть заранѣе вычислены математическимъ путемъ, и при томъ во всѣхъ его компонентахъ. Вѣра въ возможность такого количественно-точного познанія всѣхъ явленій въ ихъ строго опредѣленной послѣдовательности, вѣра въ возможность найти для міра то „цѣлесообразное и точное представленіе“, о которомъ говоритъ Максвелъ и стремленіе найти его есть сущность научнаго отношенія къ вещамъ и явленіямъ.

Но на чемъ же она покоится?

Правда, всѣ факты, достаточно простые, чтобы при нынѣшнихъ средствахъ подвергаться измѣренію, — подтверждаютъ законъ сохраненія энергіи безъ исключенія. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемъ кажущееся отступленіе отъ него — оно служитъ лишь плодотворнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему изслѣдованію подъ руководящимъ вліяніемъ идеи непреложности этого закона. Но все же, какъ доказалъ это еще Юмъ, изъ того, что факты группировались опредѣленнымъ образомъ въ прошломъ, еще не слѣдуетъ, чтобы они продолжали укладываться въ рамки тѣхъ же законовъ въ будущемъ. Мы умозаключаемъ отъ прошлаго къ будущему, это основа всякой науки, но собственныя основанія у этой основы вовсе не научны. Сколько бы мы не перечисляли фактовъ, доказывающихъ, что наше основное предположеніе никогда не обманывало насъ, это не даетъ намъ права съ полной достовѣрностью заключить, что оно не обманетъ насъ и впредь.

Кантъ старался придать достовѣрность нашей вѣрѣ въ закономерность природы, доказывая, что воспринимать и мыслить что-нибудь значить укладывать что-нибудь въ рамки закономерности, что закономерность есть та форма, подъ условіемъ которой мы только и можемъ воспринимать безформенное, или, что тоже, незаконное. Процессъ познанія есть лишь процессъ оформливанія низшихъ формъ высшими, процессъ монизаціи познаваемаго. Кантъ, какъ всегда съ нимъ бываетъ, былъ очень недалекъ отъ истины,

но совершенно напрасно и, конечно, лишь благодаря своему схоластическому образованію, старался придать формамъ познающаго разума значеніе чего-то доопытнаго и незыблемаго.

Уже „привычка“, къ которой сводилъ всю нашу вѣру въ „причинность“ Давидъ Юмъ, представляетъ изъ себя любопытную біологическую проблему, и Юмъ самъ ясно видѣлъ, что „привычка“ это есть необходимое условіе жизни человѣка, необходимое біологическое приспособленіе.

Дѣйствительно человѣкъ не только привыкъ къ закономерности природы, но онъ ее постулируетъ, какъ необходимое условіе своего существованія; еслибы человѣкъ сознавалъ вполне ясно, какъ необходима для его жизни полнѣйшая математически-точная детерминированность всѣхъ явленій, онъ не былъ бы падокъ до разныхъ пикантныхъ ея опроверженій въ теологическихъ или моральныхъ цѣляхъ. Человѣчество не можетъ отказаться отъ твердой цѣли всюду найти закономерность, убить всякое сомнѣніе, возникающее изъ тѣхъ или другихъ новыхъ фактовъ относительно ея цѣнности, общеобязательности—потому что крушеніе этой „теоріи“, этой „гипотезы“ есть крушеніе всѣхъ надеждъ и всѣхъ основъ человѣческой жизни.

Превосходно выясняетъ это Петцольдъ, и мы приведемъ блестящую страницу, посвященную имъ этому вопросу:

„Легко доказать, что увѣренность въ общей предпосылкѣ познанія, хотя и не почерпнута нами изъ отдѣльных фактовъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ эмпирическое происхожденіе, только опытъ, лежащій въ основѣ ея крѣпкихъ корней чрезвычайно общъ, и его мы безсознательно превносимъ во всякій частный опытъ“.

„Это просто фактъ возможности нашего собственнаго существованія, и существованія міра; фактъ, что на лицо имѣется космосъ, а не хаосъ, что мы—мыслящія и дѣйствующія существа, что существуетъ развитіе. Ничто подобное не было бы возможно если бы природа не была закономерна, ея закономерность является здѣсь необходимымъ условіемъ. Это незачѣмъ особенно доказывать. Пусть всякій представитъ себѣ, какъ жалко было бы наше положеніе, если бы мы внезапно потеряли увѣренность, что камень останется лежать на камнѣ, или даже не претерпѣть вдругъ

какое нибудь волшебное превращеніе. Никакое землетрясеніе не могло бы быть столь разрушительнымъ, какъ простая потеря этой психологической увѣренности. Нѣтъ мысли, нѣтъ дѣйствія, которыя не покоились бы на вѣрѣ въ законмѣрность природы. Неопредѣленность,—это для природы хаосъ, для разума—безуміе“. „Представьте себѣ на минуту, что относительно цѣлаго ряда явленій не только не удалось бы провести постулатъ ихъ строгой детерминированности, но наоборотъ пришлось бы допустить, что они совершенно неопредѣленны и неопредѣлимы. Какъ измѣрили бы мы тѣ нарушенія духовнаго равновѣсія, тѣ потрясенія, которыя отсюда возникли бы? Какое положеніе могла бы занять наша мысль передъ лицомъ такого произвола природы? Одно лишь осталось бы ей—пассивно отдаться теченію событій, никакое пониманіе не могло бы имѣть мѣста, ибо понять можно лишь опредѣленное. Мысль потерпѣла бы полное крушеніе. А дѣятельность? Если бы эти явленія были ничтожны, мы еще могли бы игнорировать ихъ практически, но что-же, если бы они стали угрожать нашимъ интересамъ, даже жизни? Мы были бы беззащитны, какъ солдатъ подъ пулями на полѣ битвы; нѣтъ, наше положеніе было бы еще гораздо хуже, потому что никакой смѣлый натискъ не могъ бы вытѣснить этого врага изъ его позиціи. Мы стали бы лицомъ къ лицу не только съ духовной, но и тѣлесной гибелью. „Но быть можетъ мы можемъ допустить мысль о неопредѣленности природы въ какомъ нибудь тѣсномъ теоретически и практически маловажномъ кругу явленій? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Даже самое крохотное явленіе не можетъ не быть опредѣленнымъ; ибо въ природѣ нѣтъ ничего незначительнаго. Открой мы отсутствіе законмѣрности въ самомъ отдаленномъ уголкѣ природы—наша мысль не имѣла бы больше покоя. Кто поручился бы намъ тогда, что эта неопредѣленность единственная? Должны ли мы вѣрить, что неопредѣленность можетъ распространиться лишь на опредѣленный кругъ явленій? Какъ спастись бы разумъ отъ мукъ сомнѣнія и страха передъ всегда опасными и отнынѣ допустимыми сюрпризами* *)

*) Petzold. о. сл. s. 40 и сл.

Та часть человѣчества, которая приводитъ въ ясность естественную, органически человѣческую цѣль: стать хозяиномъ природы, подчинить себѣ природу силою разума, естественно стремится неуклонно и неумолимо провести всюду идею законмѣрности природы, лишь передъ несомнѣннымъ, постижимымъ хаосомъ, эти люди смѣлые и воинствующие отступили бы, чтобы умереть, потому что только это имъ бы и оставалось. Но есть другая рабская часть человѣчества изъ всѣхъ силъ доказывающая возможность необъяснимыхъ явленій, и корнемъ этой жажды подкопаться подъ то, что окрыляетъ наши надежды, является какъ разъ какая-то ненавистническая боязнь передъ свободнымъ, гордымъ человѣкомъ, покоряющимъ міръ; хотятъ, чтобы человѣкъ постоянно помнилъ о „высшихъ силахъ“, отъ воли которыхъ онъ зависитъ, и вліять на которыхъ онъ можетъ не смѣлыми изслѣдованіями, не техникой, а магическими заклинаніями и подобострастнымъ послушаніемъ, такъ, чтобы даже свободная нравственность стала повиновеніемъ.

Для истинныхъ людей науки сомнѣній тутъ быть не можетъ: мы должны аргіогі признать всѣ явленія строго и безусловно законмѣрными, т. е. стремиться познать ихъ въ ихъ законмѣрной связи.

Это относится и къ явленіямъ психическимъ.

Связь между ними и явленіями фізіологическими, какъ все заставляетъ думать, строго законмѣрная, такъ что казалось бы можно изучать ту или другую сторону, или ту и другую на равныхъ началахъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи мы убѣждаемся, что это было - бы роковой ошибкой.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Если-бы мы вздумали взять за объектъ основного изслѣдованія психическіе ряды явленій, мы очень скоро убѣдились бы въ томъ, что въ самой психикѣ, какъ таковой, законъ сохраненія энергіи, законъ безусловной опредѣленности, нарушается на каждомъ шагу, что мы имѣемъ передъ собою прерывистый рядъ, капризный во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ. Какъ говоритъ Петцольдъ: „психическіе процессы состоятъ изъ цѣлаго ряда неожиданностей и напоминаютъ калейдоскопъ, показывающій все новыя мозаичныя

картины“. Возьмемъ примѣръ изъ физической природы: мы наблюдаемъ любой установленный наукой рядъ явлений, хотя бы процессъ нагрѣванія воды до кипѣнія; мы можемъ съ увѣренностью сказать, что всѣ явленія этого процесса займутъ свое мѣсто и будутъ неукоснительно продолжаться, пока продолжается нагрѣваніе. Если-бы мы замѣтили какое-ниб. отклоненіе отъ установленнаго ряда строго-постепенныхъ измѣненій состоянія воды вслѣдствіе нагрѣванія, мы несомнѣнно сейчасъ же безъ затрудненій нашли бы физическое объясненіе этому отклоненію въ измѣнившихся физическихъ же условіяхъ процесса.

Возьмите привычный психическій рядъ, напр. стихотвореніе. Вы констатируете съ несомнѣнностью желаніе сказать его наизусть, и начинаете по обыкновенію съ первыхъ словъ его. Если-бы психическія явленія сами по себѣ были законмѣрны, то очевидно первыя слова вызвали бы причинно послѣдующія и такъ до окончанія всего ряда. Но вдругъ на извѣстномъ словѣ вы запнулись и забыли дальше. Извольте объяснить это явленіе психически. Оно является совершенной неожиданностью. Найти ему психическую же причину прямо невозможно.

Если бы все происходило въ психикѣ строго по закону ассоціаціи и притомъ сознательно (психическія явленія суть явленія сознательныя), то мы могли бы видѣть еще возможность „причиннаго объясненія“ явленій психики въ рамкахъ стараго элементарнаго представленія о причинности. Но и этого нѣтъ. Намъ постоянно приходится на умъ то одно, то другое. Можетъ ли явиться радуга на синевѣ безоблачнаго неба физически?—никогда. Можете ли вы представить себѣ психически синее небо и радугу на немъ?—Сколько угодно! Повседневная жизнь съ ея неожиданными мыслями и чувствами, ея воспоминаніями, ея игрой воображенія вся основана на томъ, что откуда-то изъ темныхъ нѣдръ бессознательнаго, неожиданнаго для самонаблюдающаго сознанія, выскакиваютъ идеи или представленія, нѣкоторое время слѣдуютъ правиламъ, установить которыя отчасти можно, но потомъ вдругъ обрываются или дѣлаютъ курбетъ не объяснимый ни логически, ни психологически.

Если можно устанавливать здѣсь „законы“, то это не есть что-ниб. подобное законамъ природы, это нормы правильнаго мышленія; на дѣлѣ же мышленіе постоянно отъ нихъ отстываетъ. Имъ подобны не законы природы, выведенные изъ самыхъ фактовъ, а законы юридическіе.

Существуютъ ли психологическіе законы?

Только, какъ частныя правила, на дѣлѣ постоянно терпяція исключенія. Бываютъ опредѣленные надежные характеры, бываютъ и капризные люди, самодуры. И самую идею произвола человѣкъ беретъ изъ наблюденія абсолютной психологической неопредѣленности тѣхъ или другихъ проявленій воли.

Явленія сна, обморока, подавленнаго состоянія духа, возбужденія и т. п. очень рѣдко могутъ быть объяснены изъ предыдущаго содержанія сознанія. Мы постоянно ссылаемся на состояніе нервовъ, на погоду и т. п., ничего съ психикой общаго не имѣющія явленія, внутри же психическаго ряда даже элементарная причинность терпитъ крушеніе.

Вы ударили молоткомъ по крѣпко вколоченному гвоздю; гвоздь непременно нагрѣется, притомъ строго пропорціонально силѣ удара. Вы представляете себѣ, что ударили по такому гвоздю, и вамъ очень легко представить себѣ, что онъ, гвоздь, отъ этого не нагрѣлся, а напимѣръ... скорчилъ рожу и захохоталъ. Нѣтъ того сопоставленія идей, которое было бы невозможно въ психикѣ. Какая же тутъ возможна причинность? Можете ли вы сказать, что представленіе А всегда вызываетъ представленіе В? Это значило бы отрицать очевидный фактъ, притомъ крайне важный фактъ возможности безчисленнаго количества ассоціацій и связи психическихъ явленій между собою.

Но мало того, если бы даже психическія явленія слѣдовали элементарному закону причинности и А всегда вело за собою В, то и тогда явленія психическія, какъ таковыя, остались бы несоизмѣримыми. Допустимъ, что представленіе о лягушкѣ всегда вызываетъ чувство гадливости, но какимъ путемъ соизмѣрить образъ лягушки и гадливость? Не будетъ ли эта гадливость у однихъ сильнѣе, у другихъ слабѣе, и въ разное время разной? Что сказалъ бы ученый, если бы ударъ опредѣленной силы въ разное время давалъ

бы разные результаты. Правда, могут возразить, что при разныхъ условіяхъ результатъ такого удара повидимому будетъ разный,—но вѣдь мы легко можемъ учесть эти условія, они того же порядка, между тѣмъ какъ относительно психики мы будемъ вынуждены сознаться, что объясненіе возможно лишь путемъ ссылки на состояніе нервной системы, или, если угодно быть „философомъ“, на безсознательное сознаніе, это „отсутствующее присутствіе“.

Бессознательное всюду обуславливаетъ сознаніе, оторванное отъ бессознательнаго сознаніе непонятно: это театръ маріонетокъ съ неожиданныѣйшими превращеніями, которыя могутъ сбить съ толку всякаго, кто не побывалъ за кулисами. Но это бессознательное, какъ видно изъ самого термина, самому самонаблюденію сознанія недоступно. Зато оно доступно наблюденію въ другой своей формѣ, въ видѣ параллельнаго фізіологическаго ряда.

Всѣ вышеперечисленныя затрудненія устраняются, если мы скажемъ: прерывистый и капризный рядъ психическихъ явленій обусловленъ непрерывнымъ и доступнымъ точному измѣренію рядомъ фізіологическимъ.

Подъ словомъ обусловленъ мы не разумѣемъ отношенія повелѣвающаго къ повинующемуся, сущности къ видимости, а лишь отношеніе функціи, которую мы для удобства беремъ за независимую переменную къ другой параллельной функціи.

Такой методъ изслѣдованія явленій сознаній можетъ быть названъ психофізіологическимъ методомъ въ психологіи.

Однако при нынѣшнемъ состояніи фізіологіи мы не можемъ остановиться на немъ, какъ на наиболѣе совершенномъ. Сущность его сводилась бы къ тому, что мы старались бы установить нѣкоторыя правила и группы внутри психическихъ явленій, нѣкоторую классификацію ихъ, и старались бы отыскать тѣ фізіологическія явленія, которыя соотвѣтствуютъ сознанью вообще и отдѣльнымъ его проявленіямъ въ частности, затѣмъ мы установили бы мѣсто этихъ явленій въ общей связи фізіологическихъ процессовъ въ мозгу и нервной системѣ.

Но, во-первыхъ, въ области психологіи, разрабатываемой хотя бы даже и временно независимо отъ явленій жизни во-

обще, крайне трудно достичь чего-нибудь, кромѣ очень шаткихъ и насильственныхъ группировокъ, во-вторыхъ, наши фізіологическія познанія отличаются пока отрывочностью, сводясь къ знанію отдѣльныхъ процессовъ, при томъ далеко не самыхъ важныхъ. Работая вышеописаннымъ образомъ, мы въ лучшемъ случаѣ установили бы нѣсколько блестящихъ „законовъ“ вродѣ Веберъ-Фехнеровскаго закона о ростѣ ощущенія въ зависимости отъ роста раздраженія, и только. Необходима руководящая рабочая гипотеза, необходимо найти такую точку зрѣнія на жизнь мозга, которая могла бы быть подтверждена наукой, а пока объединяла бы съ усиленной полнотой наши отрывочныя свѣдѣнія о жизни мозга; только послѣ этого мы могли бы стремиться понять психическія явленія, какъ зависимыя отъ опредѣленныхъ жизненныхъ функцій мозга.

Явленія жизни мозга, очевидно, должны быть поняты, какъ явленія, родственныя жизни вообще, а т. к. жизнь вообще мы рассматриваемъ какъ сложный процессъ самосохраненія или приспособленія къ средѣ, какъ процессъ саморегулирующагося подвижнаго равновѣсія, то необходимо изслѣдовать, каковы были бы результаты воззрѣнія на мозгъ, какъ на саморегулирующуюся систему, находящуюся въ подвижномъ равновѣсіи, и на процессы, которымъ параллельно соотвѣтствуютъ психическія явленія, какъ на отдѣльные акты саморегулированія.

Это и сдѣлалъ Авенаріусъ съ блестящимъ успѣхомъ. Для построенія біологической психологіи, на основаніи біологическаго метода, т. е. признанія за мозговыми явленіями характерныхъ особенностей живого организма вообще, онъ сдѣлалъ чрезвычайно много: онъ 1) далъ отчетливую картину жизни мозга, причемъ оказалось, что въ основѣ ея лежитъ одинъ типичный актъ, параллельно чему особый типичный актъ лежитъ въ основѣ явленій сознанія; 2) онъ далъ новую, крайне простую и плодотворную классификацію психическихъ явленій, позволяющую понять ихъ біологически. Идя по стопамъ Авенаріуса, фізіологи, детально изучая біологію мозга, имѣютъ прекрасные шансы построить полную, точную и высоко конкретную картину жизни человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ.

3. ТЕОРІЯ ЖИЗНЕННЫХЪ РЯДОВЪ.

Итакъ, первый вопросъ, предстоявшій Авенаріусу, былъ вопросъ о возможно простой и удовлетворяющей современнымъ требованіямъ схемѣ жизни мозга и нервной системы.

Съ геніальнымъ прозрѣніемъ Авенаріусъ увидѣлъ, что вся психическая жизнь человѣка проходитъ въ отдѣльныхъ рядахъ, перемежающихся, переплетающихся, но по формѣ своей однообразныхъ. Этотъ элементарный рядъ не имѣетъ ничего общаго съ закономъ ассоціаціи, его замѣтилъ и описалъ впервые Авенаріусъ. Сущность этого ряда заключается въ томъ, что человѣкъ ощущаетъ вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ возбужденій или внутреннихъ процессовъ неудовлетворенность, теоретическую или практическую, малую или громадную, острую или блѣдную, но постоянно или спорадически возвращающуюся и требующую своего разрѣшенія, устраненія. Всѣ акты мышленія, хотѣнія, дѣятельности и пр. сводятся къ устраненію той или другой неудовлетворенности, при чемъ процессъ длится до тѣхъ поръ, пока неудовлетворенность не устранена вполне, послѣ чего наступаетъ успокоеніе.

Приведемъ примѣръ.

1) Вы занесли себѣ руку. Возникаетъ непріятное ощущеніе, психическій рядъ начать. Вы такъ и этакъ беретесь за удаленіе занозы, пока не удаляете ее, чѣмъ прекращаете досадное ощущеніе, и послѣ того совершенно забываете о занозѣ.

2) Вы хотите выйти, но не находите на обычномъ мѣстѣ зонтика. Рядъ начать. Поиски. Вы нашли его. Рядъ оконченъ.

3) Вы въ разговорѣ желали упомянуть объ извѣстномъ живописцѣ. Его имя вертится на языкѣ, но вы не можете его припомнить. Внутренніе поиски, вы подходите такъ и этакъ: гдѣ вы слышали имя впервые? Какія картины вы видали? въ какомъ мѣстѣ читали фамилію въ послѣдній разъ? Вамъ напоминаютъ окружающіе, желая покончить съ

вашей неудовлетворенностью, называя вамъ цѣлый рядъ фамилій, на которыя вы только отмахиваетесь; это все не то. Измученный, вы хотите отвлечься отъ навязчиваго вопроса. Вы говорите о другомъ; но отъ времени до времени вопросъ объ имени опять выплываетъ. Но вотъ вы вспомнили, что ту же фамилію носилъ портной, вывѣска котораго висѣла когда-то противъ окна вашего кабинета. Это—такой-то. Вы успокаиваетесь.

4) Изъ своего окна вы видите вечеромъ, что-то бѣлое на противоположной стѣнѣ. Рядъ начинается вопросомъ: „что бы это было?“ Кажется это полоса бѣлой краски? Но откуда бы ей быть тамъ. Нѣтъ, это оборванная афиша. Вы всматриваетесь, чтобы убѣдиться, что вы правы. Да нѣтъ же! это отраженіе свѣта отъ освѣщеннаго окна этажемъ выше вашего. Всѣ признаки совпадаютъ. Вы успокоились.

Всѣ многоразличнѣйшія задачи дня являются началами болѣе или менѣе длинныхъ и сложныхъ рядовъ, представляющихъ изъ себя попытки рѣшенія этихъ задачъ, и кончающихся приобрѣтеніемъ такого положенія, которое устраняетъ тревожащую задачу. Отъ ремесла, хозяйства, будничныхъ заботъ маленькаго человѣка до величавой работы геніальнаго мыслителя — все пробѣгаетъ въ психическихъ рядахъ: 1) постановка задачи, 2) попытка ея рѣшенія, 3) устраненіе задачи. Рѣшеніе ея можетъ воспослѣдовать путемъ длиннѣйшихъ, разнообразнѣйшихъ и сложнѣйшихъ процессовъ, можетъ заключаться въ перемѣнѣ внутренней, въ приспособленіи вашей психики къ объекту, или въ видоизмѣненіи объекта, или въ отказѣ отъ задачи, путемъ доказательства ея ничтожества, неразрѣшимости и т. д.

Авенаріусъ говоритъ: „тамъ, гдѣ начальнымъ членомъ ряда является техническая, художественная, метафизическая или религіозная потребность, самый рядъ представляетъ изъ себя тщательно продуманное, съ трудомъ осуществимое творчество, въ результатѣ котораго появляется механизмъ, произведеніе искусства, религіозная или метафизическая система, конецъ же характеризуется приподнятымъ чувствомъ: найдено нѣчто „полезное“, сдѣлано „дѣло“, не-

сущее съ собою людямъ „радость“, совершенъ „искупительный актъ“, нѣчто „міроосвобождающее“ *).

Естественно, что то, что послужило началомъ ряда для васъ, оставило бы быть можетъ равнодушнымъ другого, и наоборотъ; что пути которыми рѣшаете задачу вы — совершенно отличны отъ путей и способовъ другого; что то, что успокаиваетъ васъ, оставило бы неудовлетвореннымъ другого.

Маленькій мальчикъ увидѣлъ въ саду весною шиповникъ, цвѣточекъ дрожалъ отъ легкаго вѣтра. Это показалось мальчику загадочнымъ. Минутное раздумье. Наконецъ объясненіе найдено: „озябъ чуть-чуть“, поясняетъ ребенокъ. Американскіе туземцы племени Минатарри были повергнуты въ глубокое изумленіе, при видѣ путешественника Кэтлайна, внимательно читавшаго газету. Наконецъ они поняли, въ чемъ дѣло: „бѣлый лѣчитъ глаза!“ Много блестящихъ примѣровъ субъективности постановокъ и устраненія задачъ даетъ намъ исторія философіи. Такъ напр. Элеаты считали измѣненіе чѣмъ-то непонятнымъ, они задавались цѣлью объяснить его, при чемъ „постигли“ наконецъ, что „сущность“ міра — вѣчно неизмѣнна, познаніе не измѣнн ой сущности есть „истина“, въ то время какъ переменны суть „нѣчто кажущееся“ и изученіе ихъ „суета“.

Наоборотъ, для Гераклита задачей являлось существованіе неизмѣннаго въ вѣчномъ теченіи, въ вѣчномъ горѣніи вещей, онъ „постигъ“, что „все течетъ, все измѣняется“, и покой есть лишь „кажущееся“ явленіе, что изучать вещи въ ихъ покой, значитъ обманывать себя, все должно быть постигнуто какъ возникающее, измѣняющееся и преходящее **).

Очевидно, что постановка, способы рѣшенія и самое рѣшеніе задачи зависятъ не только отъ среды, выдвигающей передъ индивидомъ тѣ или другія задачи, а и отъ внутреннихъ условій, отъ строенія самого индивида.

Вотъ какъ въ значительной мѣрѣ исчерпывающе обрисовываетъ психическій жизненный рядъ самъ Авенаріусъ: „Индивидъ констатируетъ, что на ряду съ „дѣйствитель-

*) Крит. чистаго оп. II, стр. 227.

**) Примѣры принадлежатъ Авенаріусу.

нымъ“ и „истиннымъ“, „доподлиннымъ“ и „достовернымъ“, на ряду съ „знакомымъ“ и „понятнымъ“, „привычнымъ“, „очевиднымъ“, какимъ онъ окруженъ, явилось нѣчто, квалифицируемое имъ, какъ „иное“, „измѣненное“, „отступающее“ отъ того, что онъ „воспринималъ“, „представлялъ себѣ“, „наблюдалъ“, „слыхалъ“, въ чемъ „былъ увѣренъ“, нѣчто „противорѣчащее“ истинному и вѣрному воззрѣнію на вещи“, „здравому смыслу“, „общему пониманію дѣйствительности; или нѣчто „неожиданное“, „не идущее къ остальному“, или наоборотъ „недостатокъ чего-то, что должно бы быть“, нѣчто „противорѣчащее правилу“, „необычайное“, „новое“, „странное“, „изумительное“, далѣе нѣчто „замѣчательное“, „бросающееся въ глаза“, „загадочное“; наконецъ нѣчто „чуждое“, „жуткое“, „неопредѣленное“, „небезопасное“, „угрожающее“, нѣчто „незнакомое“, „непонятое“, или „непонятное“, „темное“, нѣчто „ужасное“, „потрясающее“, „головокружительное“, нѣчто „невозможное“, „недѣйствительное“, „навѣрное лишь кажущееся“, „немыслимое“; однако это нѣ что не ни что, оно „навязывается“, оно „интересуетъ“, „захватываетъ“, быть можетъ оно „противно“, „тяжело“, „отталкивающее“, но въ немъ есть что-то притягательное. Оно „причиняетъ безпокойство“, „мучить“, „нарушаетъ обычное теченіе жизни“, и „дразнить“, оно заставляетъ искать отвѣта на вопросы, которые возбуждаетъ, возстановить прочность того, что оно поколебало: прочность „точно извѣстнаго“ „истины“ и „очевидности“, „порядка и правильности“, „ясности и опредѣленности“. Таковы первые члены психического жизненнаго ряда: это констатированіе явленія или мысли, которыя „не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ они кажутся“, а „если-бы они таковыми были, не могутъ быть терпимы“, или которыя „кажутся не тѣми, что они есть“ или „оказываются не тѣми, что казались“.

Постановка такого рода „шока“, такого препятствія въ обыденномъ теченіи мышленія и чувствованія приводитъ ко второму члену — къ среднимъ звеньямъ психического жизненнаго ряда. Констатируя неудовлетворенность, безпокойство, человѣкъ „ищетъ“ успокоенія, онъ „стремится“, „желаетъ“. Среднія звенья всегда почти имѣютъ волевую окраску. „Непріятное“, „недостоверное“, „неправильное“,

„неизвѣстное“ есть въ то же время „нежелательное“. Начинаютъ попытки приравнять его чему-нибудь „извѣстному“, „привычному“, найти его составные элементы, угадать его, „сущность“ и т. д. и такъ или иначе увидѣть въ немъ нѣчто понятное, или „видоизмѣнить“ непріятное, вступить къ нему въ такія отношенія, при которыхъ оно перестало бы быть „опаснымъ“, „мучительнымъ“ и т. д. Рядъ попытокъ такого рода можетъ оказаться неудачнымъ, при чемъ каждая изъ нихъ можетъ быть какъ очень проста, такъ и очень сложна, ставя новыя задачи и вызывая новыя частныя жизненныя ряды.

Наконецъ наступаетъ моментъ, когда то, что являлось „непривычнымъ“ и „неизвѣстнымъ“ — оказалось „тѣмъ-же“, „понятнымъ“, когда оно понятно уже какъ „сущее“, „дѣйствительность“, когда „препятствія“ уже нѣтъ, „опасность“ уничтожена и т. д. и т. д. Мы чувствуемъ себя облегченными, какъ бы приподнятыми, успокоенными и освобожденными.

Петцольдъ замѣчаетъ о теоріи жизненныхъ рядовъ: „то, что кажется намъ отличнымъ какъ небо отъ земли, духовная дѣятельность ребенка и дикаря съ одной стороны и генія съ другой оказывается по формѣ своей однороднымъ. Дѣятельность культурнаго человѣка во всеоружіи знаній и пріемовъ есть лишь высшая степень развитія дѣйствій наивнаго дикаря. Переводя это на фізіологическій языкъ мы приходимъ къ чрезвычайно важному выводу: очевидно долженъ существовать простой основной нервный процессъ, необыкновенно способный къ усиленію и развитію, лежащій стало быть въ основаніи всѣхъ самыхъ сложныхъ проявленій высшихъ нервныхъ центровъ“.

Стоитъ обратить вниманіе на фізіологическія явленія сюда относящіяся, чтобы убѣдиться, что и за рамками сознанія мы находимъ тотъ же процессъ.

Если вы ущипнете лапу обезглавленной лягушки, вы начнете этимъ жизненный рядъ. Средній членъ его будетъ заключаться въ томъ, что лягушка отодвинетъ лапу. Но вы вновь ущипнете. Тогда обезглавленная лягушка переходитъ къ другому средству: она прячетъ лапу подъ себя. Если вы будете продолжать трогать ее, она начнетъ отталкивать ваше

орудіе. Словомъ выступаютъ одна за другой рядъ попытокъ устранить то, что нарушаетъ покой такого упрощеннаго организма, какъ лягушка безъ головы. Подобныхъ фактовъ можно привести массу.

Памятуя, что фізіологически мы можемъ и должны объяснить всѣ проявленія организма такъ, какъ если бы мы ничего не знали о существованіи сознанія, или если бы дѣло шло объ автоматѣ, мы вынуждены прійти къ заключенію, что явленіе, начинающее фізіологическій жизненный рядъ, есть нарушение равновѣсія какой-нибудь частной нервной системы, которое при дальнѣйшемъ вліяніи грозило бы самой ея жизни; средній рядъ представляется тогда намъ какъ реакціи данной частной нервной системы направленной къ возстановленію равновѣсія. Достигаетъ она этого лишь въ благопріятномъ случаѣ. Большею частью ея реакціи ни къ чему не ведутъ, тогда нарушение равновѣсія въ ней становится источникомъ неравновѣсія другихъ частныхъ нервныхъ системъ организма, въ свою очередь начинающихъ функціонировать для возстановленія равновѣсія, пока оно не возстановливается, или пока не наступаетъ гибель подвергнувшейся вредному воздѣйствію частной системы или всего организма.

Хотя вредныя вліянія часто непосредственно касаются не самой нервной системы, а какого-либо органа, но безъ участія нервной системы не можетъ воспослѣдовать никакой нервной реакціи. Такимъ образомъ всѣ реакціи мы должны считать въ конечномъ счетѣ зависящими отъ функцій того или другого низшаго или высшаго нервнаго центра, равновѣсіе котораго нарушено.

При этомъ необходимо замѣтить, что, вводя понятіе частной нервной системы Авенаріусъ не предвосхищаетъ какихъ-либо фактовъ, не строитъ какихъ-либо гипотезъ. Каждая такая частная система есть лишь совокупность нервныхъ клѣтокъ, или нейроновъ, служащихъ источникомъ той или другой реакціи, они принимаются лишь функціонально связанными между собою для опредѣленнаго рода дѣятельности, и быть можетъ въ другой группировкѣ занимаютъ другое положеніе и составляютъ новую частную систему; существуютъ ли для опредѣленныхъ функцій опредѣленные

центры, лежатъ ли нейроны, принадлежащіе къ данной частной системѣ, вблизи другъ отъ друга и т. д. и т. д.; все это безразлично для Авенаріуса.

Всякая реакція организма имѣетъ своимъ непосредственнымъ источникомъ дѣятельность нѣкоторыхъ нервныхъ клѣтокъ, совокупность которыхъ мы называемъ частной нервной системой. Такъ же точно и явленія сознанія: психическія явленія соотвѣтствуютъ не всѣмъ функціямъ всего мозга, а лишь функціямъ опредѣленныхъ клѣтокъ его, или опредѣленныхъ ихъ комбинацій; эту-то самую важную систему, обуславливающую собою такъ называемое личное сознаніе Авенаріусъ называетъ центральной нервной системой, или просто: системой С.

Итакъ, „каково бы ни было содержаніе психическихъ рядовъ, какія бы эмоціи и настроенія они въ себѣ ни заключали, будь они какъ угодно утончены, какъ угодно возвышенны, физическое ихъ значеніе заключается въ нападеніи на положеніе и состояніе, въ какомъ находилась въ то время система С, или одна изъ ея частныхъ системъ, и отраженіи такого нападенія *)“. Жизненный рядъ системы С, наблюдаемый съ физиологической точки зрѣнія, носить у Авенаріуса названіе независимаго жизненнаго ряда; наблюдаемый какъ психическое явленіе онъ будетъ уже зависимымъ жизненнымъ рядомъ, такъ какъ мы надѣемся понять значеніе и связь явленій психическаго ряда изъ болѣе непрерывныхъ и измѣримыхъ, вообще болѣе простыхъ явленій физиологическихъ.

Самое благопріятное для нервной системы состояніе при прочихъ равныхъ условіяхъ — отсутствіе всякихъ нарушеній равновѣсія. Нарушенія равновѣсія въ жизни мозга называются у Авенаріуса: *жизнеразностями*.

Жизнеразность начинается собою жизненный рядъ, представляющій изъ себя серію колебаній затронутой системы. Колебанія могутъ закончиться прежнимъ равновѣсіемъ, въ какомъ случаѣ жизненный рядъ называется *полнымъ*; серія колебаній не пришедшая еще къ равновѣсію называется *неполнымъ* жизненнымъ рядомъ. Разумѣется,

*) Petzold s. 113.

устраненіе жизнеразности возможно также путем видоизмѣненія самаго характера равновѣсія, т.-е. путемъ развитія или дегенераціи системы.

Однако, только разсуждая чисто схематически, можно считать идеаломъ равновѣсія неподвижное состояніе системы: въ органической жизни такая неподвижность немыслима; всякая система въ организмѣ живеть, все въ немъ представляетъ изъ себя непрерывный процессъ. Поэтому возможно лишь подвижное равновѣсіе. Жизнеразности все время возникаютъ и устраняются, но то и другое дѣлается привычными путями, приемами, упроченными опытомъ. Такіе жизненные ряды (рефлекторные и привычные акты) почти никогда не сопровождаются сознаніемъ. Лишь нарушенія привычныхъ процессовъ служатъ исходнымъ пунктомъ новой непривычной жизнеразности высшаго порядка. Авенариусъ различаетъ поэтому обыденные, органически необходимые жизненные ряды, или жизненные ряды перваго порядка и жизненные ряды высшихъ порядковъ, по преимуществу сопровождающіеся сознаніемъ.

Мы уже говорили о томъ, какъ жизнеразность частной системы, неспособной устранить ее, становится жизнеразностью другой системы. Напримѣръ вы слышите рѣзкій свистъ локомотива, вы чувствуете страданіе, однако вашъ слуховой аппаратъ не въ состояніи устранить жизнеразность, она является уже источникомъ нарушенія равновѣсія и для другихъ частей системы С и вызываетъ съ ихъ стороны попытки къ устраненію: напримѣръ—руки поднимаются и затыкаютъ уши.

Прежде чѣмъ итти дальше, мы должны однако остановиться для разъясненія одного недоразумѣнія, которое быть можетъ уже явилось изрядной жизнеразностью высшаго порядка для болѣе внимательныхъ нашихъ читателей.

Итакъ, то объясненіе, которое даетъ Авенариусъ явленіямъ сознанія, въ двухъ словахъ слѣдующее: мозгъ есть сложнѣйшій автоматъ; цѣль, къ которой приноровлено все его строеніе — сохраненіе подвижнаго равновѣсія по возможности въ неизмѣнномъ видѣ, несмотря на всѣ нарушенія со стороны сложной и часто враждебной среды. Всѣ

органы суть придаточныя орудія мозга. Саморегулирующійся автоматъ — вотъ что такое мозгъ, сложный Ванька-Встанька, приноровленный къ тому, чтобы придти въ прежнее положеніе, чтобы съ нимъ не дѣлали. Психическія явленія суть отраженія колебаній, продѣлываемыхъ Ванькой-Встанькой, пока онъ не установится по-старому.

Вдумайтесь читатель. Я увѣренъ, что вы возмущены до глубины души. Вотъ такъ объяснилъ хваленый нѣмецъ! Нечего сказать,—это похоже на извѣстный анекдотъ о дамѣ, которая впервые прослужала *Quasi una fantasia* Бетховена и сентиментально обратилась къ близъ сидѣвшему полному господину съ такой рѣчью: „Ахъ, ахъ, это прелестно... но я не понимаю, что означаютъ эти звуки?“ — „А это, видите, внутри этого ящика натянуты струны, и при помощи клавишей приводятся въ дѣйствіе эдакіе молоточки: они бьютъ по струнамъ и получаютъ звуки“.

Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, быть-можетъ, возмущены не менѣе дамы, услышавшей мудрое объясненіе полнаго господина (навѣрное, позитивиста).

Какъ? Я люблюсь цѣлыми часами Мадонной Рафаэля, и это... актъ самосохраненія автомата мозга? Какъ? Я рѣшаюсь умереть за любимую идею и это оказывается самосохраненіемъ автомата мозга?! Какъ?! я мучительно размышляю о томъ—имманентенъ ли міру Богъ, или находится внѣ его и надъ нимъ, и это автоматизмъ мозга!

Не правъ ли тотъ острякъ, который сказалъ, что истинное имя философіи Авенаріуса не „эмпириокритицизмъ“ а эмпириокретицизмъ?

О! проницательный читатель знаетъ хорошо, что я, поклонникъ этого смѣшного ученія, ему возражу, я возражу, что мы не говоримъ, что автоматическое самосохраненіе мозга есть сущность, а психика — отраженіе, что мы лишь для удобства изученія, для объединенія съ прочими физическими науками замѣняемъ волшебнобогаत्या, прекрасныя и трогательныя психическія цѣнности грубымъ сѣрымъ веществомъ, въ которомъ происходятъ химическія реакціи. Ну и къ черту такое объясненіе! что оно даетъ читателю? оно принижаетъ читателя, изъ полуангела, обладателя разума,

чувства, воли, оно дѣлаетъ его сѣрымъ полипомъ саморегулирующимся въ черепной коробкѣ и распоряжающимся оттуда ногами, руками, пользующимся желудкомъ, сердцемъ и проч.

Я, понимаю, что можно хохотать надъ такимъ ученіемъ, издѣваться, сердиться, бѣсноваться, даже грустить о томъ, что такіа заблужденія возможны.

Какая безотрадная картина: путемъ сложныхъ процессовъ появляются на землѣ организмы и все это автоматы, вся цѣль существованія которыхъ—сохранить свое равновѣсіе. Всѣ геніальныя идеи, всѣ боги въ небесахъ, все искусство—все только служебныя средства для самосохраненія кусковъ органической матеріи. Безумная, нелѣпая мысль, скверный бредъ.

Я напому читателю о существованіи другой столь же „грубой и низменной“ школы, именно группы лицъ, иногда откровенно называющихъ себя „экономическими матеріалистами“. Читатель помнитъ, можетъ быть, „безотрадную точку зрѣнія“ этихъ „сектантовъ“: человѣчество развивается исключительно въ зависимости отъ развитія производительныхъ силъ: люди въ борьбѣ за существованіе—хозяйничаютъ, т.-е. трудятся, добывая изъ „среды“ пищу и прочіе предметы необходимые для жизни. Отъ способовъ, какими они это дѣлаютъ, зависятъ хозяйственныя отношенія людей (глава дома, сыны и рабы; мастеръ, подмастерья и ученики; капиталисты, пролетаріи и т. д.), а ими въ свою очередь опредѣляется степень и характеръ развитія правового, нравственнаго, художественнаго, умственнаго и религіознаго.

„Сознаніе опредѣляется, бытіемъ, а не наоборотъ“; условія среды навязываютъ, такъ сказать, организму тотъ или другой способъ труда, тѣ или другія „трудовыя реакціи“ и отъ этого зависитъ все остальное. Не замѣчаетъ ли и здѣсь проницательный читатель того же автоматизма? „Du glaubst zu schieben und wirst geschoben!“

Не замѣчаетъ ли читатель, что эмпириокритицизмъ необыкновенно подходит по своему характеру къ историческому монизму?

Да, читатель. Взглянемъ поближе на то, что утверждаетъ

ють эти ученія. Будемъ наблюдать прежде всего міръ такъ, какъ если бы мы не подозрѣвали о существованіи психики.

Интересная картина предстала бы передъ нами. Мы увидѣли бы организованныя тѣла тончайшей структуры, изумительно подвижнаго химическаго состава (мы говоримъ о мозгѣ). Малѣйшее раздраженіе: колебаніе воадуха, присутствіе незначительнаго количества газа, даже электро-магнитный лучъ, посылаемый далекой звѣздой, вызываютъ въ нѣдрахъ этого вещества своеобразные процессы. И вся безконечная сутолока хаотичныхъ явленій, воздѣйствуя на организмъ, такъ сказать, входитъ въ него въ видоизмѣненномъ и регулированномъ видѣ: во внѣ эти явленія—хаосъ, внутри мозга, болѣе или менѣе, — порядокъ; каждый прищепъ получаетъ у входа свою одежду и подъ сводами храма, т.-е. нашего черепа, вынужденъ вести себя благопристойно. Наблюдая изъ-внѣ мы констатировали бы переходъ разнороднѣйшихъ внѣшнихъ физическихъ процессовъ въ однородные нервные процессы; раздражая мозгъ, внѣшнее воздѣйствіе отражается въ немъ какъ нарушеніе его равновѣсія, иногда чрезвычайно сложное; оно распространяется на массу нервныхъ элементовъ, и въ результатъ вызываетъ рядъ движеній организма, болѣе или менѣе цѣлесообразныхъ и регулирующихъ отношеніе организма къ средѣ. Для установленія такого отношенія къ средѣ, которое допускало бы возстановленіе подвижнаго равновѣсія мозга, возникаютъ одна за другою рядъ реакцій вплоть до наступленія удачной. При повтореніи того же процесса, мы замѣтили бы, что удачная реакція наступаетъ болѣе скоро, неудачныя же лишь слабо намѣчались бы, такъ какъ въ мозгу сохраняются слѣды былого, такъ что раздраженіе А вызываетъ въ немъ сразу же картину смежныхъ явленій. В. и С., включая сюда и собственные реакціи организма съ ихъ результатами *).

При каждомъ актѣ мозга мы присутствовали бы при сведеніи разнороднѣйшихъ воздѣйствій къ сравнительно однороднымъ внутреннимъ процессамъ, такъ что всѣ явленія міра отразились бы въ мозгу, какъ ряды функціональныхъ

*) См. подробнѣе въ главѣ о волѣ.

видоизмѣненій немногихъ основныхъ типовъ нарушенія равновѣсія и его восстановленія, во внѣ-же мозга, въ мірѣ они отражались бы какъ ряды реакцій опять-таки представляющихъ изъ себя видоизмѣненія основныхъ типовъ. Для того, чтобы постоянно реагировать на внѣшнія воздѣйствія, мозгъ долженъ имѣть запасъ энергіи въ такомъ видѣ, чтобы она сразу могла быть переведена въ любомъ количествѣ изъ потенціального въ кнетическое состояніе. Но все вещество, вся структура мозга есть именно организованный запасъ такой энергіи. Онъ расходуется, въ виду огромныхъ запросовъ, могущихъ ежеминутно выясниться, съ величайшей экономіей, по возможности не тратя ничего лишняго, и изъ нѣсколькихъ удачныхъ реакцій всегда укрѣпляется наиболѣе экономная. Тоже относится и къ мускуламъ и пр. элементамъ, участвующимъ въ трудовомъ процессѣ. Мозгъ стремится къ равновѣсію, стремится сохраниться такимъ какъ онъ есть, то-есть не „хочетъ“ этого, о волѣ мы еще и не догадываемся, но мы видимъ, что все въ немъ устроено именно такъ, какъ надо, чтобы онъ сохранялъ свое подвижное равновѣсіе. Но этого мало. Мозгъ, какъ мы уже сказали, обладаетъ громаднымъ запасомъ организованной энергіи. Онъ не всегда можетъ тратить ее въ равномъ количествѣ, котораго требуетъ крайнее напряженіе силъ: онъ долженъ быть приспособленъ для разныхъ катастрофъ, потому что окружающая его среда преисполнена ими. Чтобы существовать, онъ долженъ имѣть избытокъ силъ; чѣмъ болѣе великъ этотъ избытокъ, и чѣмъ организованнѣе его потребление, тѣмъ прочнѣе существованіе мозга, тѣмъ легче разрѣшаются жизнеразности. Но избытокъ этотъ долженъ быть отложенъ въ такой формѣ, чтобы всегда сохранять, такъ сказать, свою свѣжесть, въ формѣ особыхъ органическихъ приспособленій, живыхъ центровъ мозга; это какъ бы армія: она функціонируетъ и въ мирное время: пополняется и убываетъ, ее надо кормить и упражнять на маневрахъ, иначе она превратится въ ненужный балластъ, потеряетъ организованность. Однако функціонированіе арміи въ мирное время лишь поддерживаетъ ея жизнь, вся ея колоссальная мощь разворачивается лишь во время войны. Мы видимъ, что эти „запасныя формы“ имѣются въ каждомъ мозгу

и не могут не имѣться. Мало того, мы замѣтили бы, что когда они не истоцились еще, но истоцаются, это ставить въ мозгу огромную внутреннюю жизнеразность, мозгъ стремится возстановить запасъ силъ, т.-е. слѣдуетъ рядъ реакцій по 'этому направленію. Психически это выражается, какъ чувство необезпеченности жизни, неувѣренности въ своихъ силахъ. Напротивъ, увеличеніе, ростъ запасовъ, если конечно они организованы, вызываетъ быстрое разрѣшеніе всяческихъ жизнеразностей, повышенное и упорядоченное функціональное развитіе мозга. Чѣмъ болѣе разнообразны требованія среды, тѣмъ до большей степени развивается армія мозга, его „охранительныя формы“, тѣмъ болѣе требуютъ они упражненія, и когда среда тускла, раздраженія мозга ничтожны, — въ мозгу подъ давленіемъ дезорганизирующихъ процессовъ въ малоупражняемыхъ „защитительныхъ формахъ“ возникаетъ жизнеразность: мозгъ вдругъ самостоятельно приводитъ въ движеніе органы, организмъ возбужденъ: онъ безъ видимой цѣли испускаетъ громкіе звуки и продѣлываетъ рядъ движеній, — онъ поетъ и танцуетъ, онъ играетъ. Итакъ внутренніе процессы, а такъ же внѣшнія проявленія, повидимому неимѣющие прямого отношенія къ самосохраненію мозга — связаны съ нимъ на дѣлѣ тѣснѣйшимъ образомъ.

Мозгъ, однако, не одинокъ среди внѣшняго міра. Въ этомъ мірѣ есть и другіе мозги, съ которыми онъ сноится при помощи знаковъ. Жестъ и слово суть реакціи, вызывающія въ другомъ мозгѣ постановку той жизнеразности, какая имѣется въ сигнализирующемъ мозгу. Это дѣлаетъ возможнымъ совмѣстныя разрѣшенія жизнеразностей. Ничего не вѣдая о психикѣ, мы видѣли бы передъ собою какъ бы огромную нервную систему, которую, по другому поводу, картинно описываетъ Петцольдъ: „Какъ волны въ водѣ идутъ впередъ и распространяютъ свои круги до болѣе и болѣе удаленныхъ частей стихій, такъ распространяются колебанія отъ одной индивидуальной нервной системы къ другой, пока въ какомъ-нибудь мѣстѣ они не испытаютъ измѣненія и не послужатъ источникомъ для колебаній новой формы. Какая смѣна формъ! Что такое теченія, волненія и вихри океана водъ и атмосферы рядомъ съ валами и приboями

необъятнаго моря людскихъ нервныхъ элементовъ, но все же и здѣсь, какъ въ морѣ, въ безконечной измѣнчивости, можно прослѣдить основную форму—„форму жизненнаго ряда“.

Здѣсь мы можемъ оставить мозгъ и передать изученіе его функцій социологу монистической школы.

Обратимъ вниманіе читателя на то, какое зрѣлище открылось бы передъ нимъ, еслибы онъ могъ окинуть земной шаръ взоромъ существа, неподозрѣвающаго о существованіи сознанія. Эти мириады сносящихся между собою мозговъ, снабженныхъ не только органами, но построенныхъ при ихъ помощи, могучими орудіями, эта колоссальная масса защитительныхъ формъ, т. е. капитала въ видѣ машинъ, зданій, путей сообщенія, а также знаній, навыковъ, разрабатываемыхъ спеціально особыми мозгами и становящихся достояніемъ всѣхъ. Воздѣйствіе міра претворяется во все болѣе цѣлостную систему мозговыхъ явленій, источникъ все болѣе планомѣрной и грандіозной массы сложнѣйшихъ реакцій, направляющихся не только къ поддержанію жизни, но и къ усиленію тѣхъ защитительныхъ формъ, которыя обезпечиваютъ ее, ставятъ выше случайностей, экономизируютъ траты человѣческой энергіи.

Мы еще ничего не знаемъ о психикѣ, но зрѣлище физическаго союза мозговъ и тѣхъ физическихъ, цѣлесообразныхъ съ точки зрѣнія сохраненія и прочности жизни, измѣненій окружающей среды, которая ими произведена, благодаря изощренности ихъ способовъ воспринимать раздраженія и комбинировать ихъ въ формѣ мозговыхъ процессовъ,—все это безконечно восхитило бы васъ, и вы подумали бы, что, имѣемъ передъ собой нѣчто изумительное и могучее, нѣчто способное къ безконечному росту. Передъ этимъ явленіемъ потускнѣли бы всѣ бури и грозы, потому что рядомъ съ могуществомъ и импозантностью цѣлаго вы всюду бы замѣтили ультрамикроскопическую организованность и превосходящую всякое представленіе многообразность этихъ дивныхъ явленій. И тогда вы не сказали бы, что, сводя міръ психическій къ міру біологическому, мы принизили психику. Жизнь человѣчества съ фізіологической точки зрѣнія увлекательнѣйшій феноменъ вселенной.

Прибавьте къ этому, что ни существованіе, ни значеніе психики не отрицается. Она выступаетъ лишь какъ зависимый жизненный рядъ, что не мѣшаетъ ей имѣть въ нашихъ глазахъ большую цѣнность, чѣмъ независимый.

Идея автоматизма жизни отталкиваетъ насъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, все наше знаніе людей покоится пока почти исключительно на наблюденіяхъ надъ зависимымъ психическимъ рядомъ; мы судимъ о людяхъ по тому, какъ они мыслятъ, желаютъ и т. д. Потребовалось бы колоссальное развитіе фізіологіи, особенно фізіологическаго изслѣдованія высшихъ мозговыхъ процессовъ, чтобы я могъ познать васъ, просто какъ носителя независимаго ряда. Въ жизни поэтому, въ повседневномъ практическомъ познаніи, мы беремъ людей, прежде всего, какъ психики, поэтому идея автоматизма насъ сбиваетъ съ толку, т. е. возбуждаетъ сильную жизнеразность. Другое дѣло въ научномъ познаніи человѣка или человѣчества вообще: здѣсь только идея автоматизма открываетъ намъ путь къ познанію.

Во-вторыхъ, мы естественно придаемъ психической жизни огромную цѣнность. Если бы въ мірѣ не было страданія и наслажденія въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, то, очевидно, не могло бы быть и никакой цѣнности. Оцѣнка есть чисто психическое явленіе. Мы можемъ и должны найти фізіологическія явленія въ независимомъ ряду, которому соотвѣтствуетъ фактъ оцѣнки, но въ то время, какъ при подстановкѣ фізіологическихъ приспособленій мозга на мѣсто фактовъ познанія, мы ничего существенно не измѣнили, такъ какъ смыслъ познанія заключается именно въ руководительствѣ дѣйствіями, т. е. физическими проявленіями организма,—замѣняя оцѣнку соотвѣтственной фізіологической параллелью, мы не можемъ удовлетворить читателя, такъ какъ въ концѣ концовъ смыслъ оцѣнки заключается не столько въ руководительствѣ дѣйствіями организма (избѣгать вреда и искать полезнаго) какъ въ самомъ фактѣ наличности наслажденія. Жизнь, очевидно, не имѣла бы цѣны, если бы не существовало наслажденія и моментовъ жизнерадостности.

Словомъ, мозгъ есть автоматъ самосознающій. Если

вы начнете утверждать, что сознание можно игнорировать, то въ мозгахъ вашихъ слушателей возникнетъ острая жизнеразность, что доказываетъ, что факту признанія наличности и цѣнности психическихъ явленій физиологически соотвѣтствуютъ прочно сложившіяся формы, нарушение равновѣсія которыхъ болѣзненно чувствуется системою С.

Мы можемъ сказать, что мозгъ сознаетъ себя и другіе мозги за нѣчто одаренное сознаниемъ, и это является жизненною необходимостью для мозга.

Такимъ образомъ, повторяемъ, Авенариусу не могло и въ голову притти отрицать цѣнность психическаго ряда. Да, мы можемъ построить путемъ чистой физики, игнорирующей психическія явленія и описывающей лишь доступныя непосредственному чувственному наблюденію факты, стройную и грандіозную картину системы мозговъ-автоматовъ, и эта картина имѣетъ огромное познавательное значеніе, но мы ничуть не отрицаемъ, что интересъ къ этому грандіозному явленію упалъ бы сразу, еслибъ мы не подставляли подъ соотвѣтствующія части картины — психическія явленія, извѣстныя намъ изъ нашего личнаго опыта суждѣнія о окружающихъ по аналогіи съ собою.

Мы утверждаемъ, что лишь путь изслѣдованія зависимаго ряда черезъ посредство независимаго приведетъ насъ къ точному, полному познанію явленій въ ихъ безусловной опредѣленности. Но мало того, ориентирующее значеніе такого разсмотрѣнія психики даетъ огромную ясность независимо отъ того, что указываетъ наукѣ дорогу къ завоеванію психики.

Разсматривая психическія явленія, какъ зависимыя отъ автоматическихъ процессовъ мозга, мы приходимъ къ заключенію, что если бы сознание совершенно адекватно отражало бы дѣятельность мозга, то въ немъ должно бы было заключаться яркое признаніе того, что важнѣйшею цѣлью жизни должно являться самосохраненіе и облегченіе его путемъ развитія силъ, находящихся въ распоряженіи индивида. Жизнь есть самосохраненіе. Формула: „жизнь есть стремленіе къ мощи“, есть лишь прямое слѣдствіе изъ предыдущаго. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе работы удѣляетъ онъ косвенному самосохраненію: росту органическихъ запасовъ постояннаго капитала.

Не противорѣчатъ ли этому факты? Развѣ человѣкъ постоянно думаетъ о самосохраненіи? Повторимъ нашъ примѣръ: я люблюсь часами Мадонной Рафаэля,—неужели это актъ самосохраненія мозга?

Да. Подробнѣе мы постараемся выяснитъ это въ главѣ объ аффекціоналѣ, т. е. о явленіяхъ независимаго ряда, соотвѣтствующихъ наслажденію и страданію. Но уже теперь мы можемъ объяснить читателю, что эстетическое наслажденіе имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ объектъ его разрѣшаетъ предварительно существующую жизнеразность.

Быть можетъ вы утомлены отъ жизненныхъ неурядицъ. Жизнь вамъ кажется нелогичной, мелочной, потому что она возбуждаетъ въ васъ ежедневно тысячу запутанныхъ жизнеразностей, направляющихъ работу мозга въ перемежку то туда, то сюда, дисгармонично и разрозненно. Вы сознательно или безсознательно жаждете отдыха. Но когда вы ляжете въ темной комнатѣ, устранивъ отъ себя все тревожащее,—оно является вамъ въ формѣ мыслей и образовъ, работа мозга продолжается, жизнеразности продолжаютъ терзать его, вы думаете, думаете неотвязныя думы. Но вотъ вы натолкнулись въ такомъ состояніи на великое произведеніе искусства. Оно ставитъ передъ вами рядъ задачъ: надо воспринять краски и линіи картины Рафаэля, понять ее умомъ и сердцемъ (т. е. подвести ея элементы подъ понятія и симпатически почувствовать вложенныя художникомъ чувства). Но колоритъ картины пріятенъ, т. е. органъ зрѣнія воспринимая его работаетъ хотя полно, но планомѣрно и потому никакіе элементы его не переутомляются, линіи не требуютъ отъ глаза непріятныхъ движеній, толчковъ и скачковъ, глазъ плавно движется, слѣдя за ними, не утомляя никакихъ элементовъ, мускуловъ и двигательныхъ нервовъ, хотя всѣ они работаютъ полно и планомѣрно. Сюжетъ легко понятенъ, но разнообразенъ, вслѣдствіе чего частныя системы познанія работаютъ безъ переутомленія, но полно; наконецъ, настроеніе картины: тихая умиленность, атмосфера безконечной любви, спокойнаго ожиданія великихъ событій, увѣренная готовность свершить великое, хотя бы цѣною страданія, горячая благодарность, благоговѣніе—всѣ элементы „Сикстинской Мадонны“ Рафа-

эля являются во всемъ очаровывающемъ душу великолѣпіи, они возбуждаютъ стройный хоръ легко разрѣшимыхъ жизнеразностей. И весь вашъ мозгъ вибрируетъ теперь, но гармонично, цѣлостно, стройно... и отошли отъ васъ призраки тревогъ, обидъ, скорбей, и вы отдохнули. Вы глубоко отдохнули, вы окрѣпли теперь, послѣ долгаго любованія, но вы также и много пережили. Можно вѣдь мало пережить, и много затратить силъ, потому что они тратились безпорядочно. Смыслъ искусства тотъ, что оно даетъ много пережить, накопить опытъ, организовать нѣкоторыя новыя защитительныя формы въ мозгу, но этотъ опытъ, эти богатые переживанія даются въ организованной формѣ, такъ что перерабатывая ихъ, мозгъ работаетъ въ соответствіи со своею структурой, а не дисгармонично, порывисто, напряженно въ одномъ мѣстѣ, накапливая лишнія и потому дезорганизованныя силы въ другомъ.

Мы взяли наиболѣе трудный примѣръ. Еще понятнѣе, что мозгъ самосохраняется и тогда, когда жажда зрѣлищъ возникаетъ вслѣдствіе праздности организма или скудости впечатлѣній для центровъ зрѣнія, воображенія и т. д. Весь мозгъ долженъ упражняться, его „армія“ должна отъ времени до времени устраивать маневры, человѣкъ долженъ мыслить, чувствовать, иначе онъ тупѣетъ, такъ какъ не упражняемая частныя системы атрофируются. Пока они не атрофированы, избытокъ питанія даетъ въ нихъ себя чувствовать, это выражается въ смутной неудовлетворенности, въ требованіяхъ: „жить хочу! Борьбы хочу, впечатлѣній“. Искусство не можетъ дать внѣшняго исхода силамъ, но возбуждая планомѣрную сложную жизнеразность, оно именно организуетъ въ мозгу тѣ „парады и экзерциціи“, о которыхъ мы говорили.

Итакъ, творя и воспринимая художественные образы, человѣкъ слѣдуетъ инстинкту сохраненія и роста силъ. Отсюда могутъ быть выведены цѣлнѣйшія указанія для теоріи искусства.

„А жертвовать собою ради идеи? Неужели и это актъ самосохранія мозга?

Прежде всего нужно напомнить читателю, что дѣло идетъ не о самосохраненіи человѣка, а о самосохраненіи мозгового

равновѣсія. Это большая разница. Вы заняли у Шейлока 500 червонцевъ съ обѣщаніемъ, въ случаѣ неуплаты отдать ему фунтъ собственнаго тѣла. Срокъ пришелъ, вы не можете заплатить. Чувство самосохраненія говоритъ вамъ, что вы должны бѣжать, защищаться. Но когда вы рѣшаетесь поступить такимъ образомъ, въ васъ внезапно возникаютъ тяжелыя жизнеразности.

Вашъ мозгъ, мозгъ честнаго купца, однимъ изъ устоевъ своего бытія имѣетъ защитительную форму: „во всѣхъ случаяхъ надо дѣйствовать честно, честность прежде всего“. Поставить что-нибудь выше честности, признать, что есть исключенія, значитъ нарушить равновѣсіе этой формы, нарушить равновѣсіе цѣлаго ряда частныхъ системъ мозга. „Долгъ, отецъ,—любовь, невѣста!“ восклицаетъ Сидъ, и въ такомъ положеніи, какъ Антоній и Сидъ оказываются милліоны людей. Возстановить равновѣсіе въ одномъ отношеніи, значитъ нарушить его въ другомъ. И не всегда сохраненіе жизни ведетъ къ наивысшему равновѣсію изъ возможныхъ. Нѣтъ, иногда жить значитъ страдать безконечной, мучительной, неразрѣшимой жизнеразностью, умереть же, означаетъ „быть вѣрнымъ самому себѣ“, „лучшему въ себѣ“, „своему идеалу“ и т. д.

Аристотель говоритъ, что быть можетъ въ минуту самоотверженной смерти герой испытываетъ такую гармонію внутреннихъ переживаній, что годы и годы обыденнаго счастья не сравнить съ этимъ мигомъ. Итакъ, идя на смерть за идею, человѣкъ выдаетъ лишь стремленіе мозга къ сохраненію основныхъ формъ своего равновѣсія. Отсюда видно, что основой жизни мозга, если мы ее выразимъ психически, является не стремленіе жить во что бы то ни стало, а стремленіе сохранить себя въ равновѣсіи, „лучше не жить, чѣмъ страдать“, говорятъ люди: „лучше умереть, чѣмъ нарушить свои основныя принципы“—все это выражаетъ лишь тенденцію формъ мозгового равновѣсія къ самосохраненію. Смерть часто является намъ лучшимъ разрѣшеніемъ мучительной жизнеразности, въ концѣ которой стоитъ та же смерть, но какъ вѣнецъ долгой мучительной жизни.

Читатель чувствуетъ, быть можетъ, какой блистательный вы-

водъ для „этики“ можетъ быть намѣченъ послѣдователями Авенариуса.

Но человѣкъ часто утверждаетъ, что цѣлью его является вовсе не внутренняя гармонія, обезпечивающая накопленіе организованныхъ силъ, а напр. „служеніе цѣлямъ бытія“, исполненіе „высшей воли“ и т. д. Да, сознаніе далеко не адекватно отражаетъ жизнь мозга и ея тенденціи. Въ познаніи, оцѣнкѣ, актахъ воли человѣкъ часто поступаетъ нерационально съ точки зрѣнія достаточно ориентированнаго эмпириокритика.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, всегда, что самообманы человѣка, ложные шаги въ познаніи, причудливая оцѣнка и дикіе поступки оказываются либо выраженіемъ расстройства жизни мозга, либо результатомъ особыхъ условій этой жизни. Мозгъ не есть совершенный организмъ, онъ только организмъ самосовершенствующійся. Слѣдуя простымъ законамъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить, онъ часто вступаетъ на ложный путь.

Вода течетъ всегда отъ высшаго уровня къ низшему по кратчайшему пути, съ затратой наименьшаго количества энергіи. Допустимъ, что она переливается изъ сосуда *A* въ сосудъ *B* по двумъ трубамъ, изъ которыхъ одна пряма и обладаетъ значительнымъ наклономъ, другая гораздо менѣе наклонна, и крайне извилиста. Но въ концѣ, первая трубка рѣзко подымается вверхъ, такъ что верхнее колѣно ея подымается надъ уровнемъ воды въ сосудъ *A*.

Вода изъ сосуда *A* быстро заполняетъ первую трубку, но поднявшись по колѣну въ концѣ ея до уровня воды въ сосудѣ *A* остановится, гораздо медленнѣе потечетъ она черезъ вторую трубку, но черезъ нее она станетъ переливаться въ сосудъ *B*.

Но вода стихія и только. Однако если вы имѣете передъ собой организмъ, то вы замѣтите, что и онъ для восстановленія равновѣсія сначала энергично дѣйствуетъ по направленію наименьшаго сопротивленія; потерпѣвъ неудачу, онъ переходитъ къ болѣе медленнымъ процессамъ, но разница та, что вода ничему не учится, а организмъ постепенно совершенно покидаетъ ближайшій путь, требующій ни первый взглядъ наименьшей затраты силъ, такъ сказать—заго-

раживаєть первую трубку, какъ вредную, и совершенствуетъ вторую. Это достигается путемъ подбора между клѣточками одного организма и между организмами, на чемъ намъ конечно незачѣмъ останавливаться.

Нечего удивляться поэтому, если и въ жизни человѣческаго мозга вообще, то, что когда-то было рационально, теперь стало дикимъ. И не всегда прежніе способы мышленія, оцѣнки или дѣйствія были самыми простыми и лишь въ конечномъ счетѣ менѣе цѣлесообразными, чѣмъ нынѣшніи.

Возьмемъ другой примѣръ. Вода льется изъ бассейна *A* въ бассейнъ *B* по длинной, извилистой, то поднимающейся, то опускающейся трубкѣ. Существуетъ и другая короткая и прямая трубка, но она засорена. Лишь когда вода пронесетъ соръ, или онъ растворится, вообще будетъ удаленъ, вода пойдетъ и по короткой трубкѣ. Точно такимъ же образомъ истинное познаніе, цѣлесообразная оцѣнка и наилучшій способъ дѣйствія часто проще чѣмъ практикуемое, но для открытія ихъ нужно вмѣшательство побочнаго процесса, который устранилъ бы препятствія.

Законъ Ньютона проще чѣмъ предшествовавшія представленія о движеніи свѣтилъ, но тѣ были доступнѣе. Когда же мозгъ находитъ упрощенное разрѣшеніе жизнеразности, онъ стремится слѣдовать ему, а прежніе пути покидаетъ. Но люди могутъ одобрить новый упрощенный путь лишь въ томъ случаѣ, когда и у нихъ устранено то постороннее препятствіе, которое мѣшало открыть его раньше, въ противномъ же случаѣ возникаетъ борьба между сторонниками привычнаго, хотя крайне неэкономнаго приспособленія, и сторонниками пока непривычнаго, но экономнаго. Если бы дѣло заключалось лишь въ привычкѣ, побѣда быстро давалась бы новымъ приспособленіямъ, но то, что обусловливало собою предпочтеніе стараго пути, что было препятствіемъ къ открытію новаго, часто само по себѣ имѣетъ цѣнность для значительныхъ группъ общества, — тогда борьба ожесточается. И чаще всего именно чистое познаніе на своемъ пути къ самосовершенствованію наталкивается на противоудѣйствіе, источникомъ котораго являются разныя постороннія познанія цѣнности.

Читатель видитъ, какой свѣтъ можетъ пролить теорія независимаго жизненнаго ряда на явленія культурной исторіи, ибо она не только разъясняетъ, чего собственно ищетъ человѣкъ (а онъ ищетъ гармоничной жизни), но и то, откуда берутся его заблужденія и самообманы.

Мы многое предвосхитили изъ дальнѣйшаго изложенія. Но читатель не посѣтуетъ на насъ за только-что прочтенныя страницы; намъ казалось необходимымъ здѣсь же указать на огромное ориентирующее значеніе теоріи жизненныхъ рядовъ и устранить могущее возникнуть предубѣжденіе.

Намъ осталось сказать лишь небольшое въ дополненіе къ изложенію теоріи жизненныхъ рядовъ.

Авенариусъ идетъ глубже въ выясненіи сущности жизнеразностей.

Два основныхъ типа измѣненій, могущихъ имѣть мѣсто въ клѣткахъ мозга, это — расходованіе матерьяла клѣтки и питаніе ея. Подвижное равновѣсіе въ жизни данной клѣтки сводится такимъ образомъ къ постоянному равновѣсію между расходомъ ея химическаго состава (т.-е. превращеніемъ потенциальной химической энергіи въ кинетическую) и восстановленіемъ его. Обыкновенно въ теченіе дня перевѣсъ оказывается на сторонѣ расхода, въ теченіе ночи на сторонѣ питанія и пополненія потенциальной энергіи.

Отсюда слѣдуетъ, что жизнеразность высшаго порядка наступаетъ лишь тамъ, гдѣ имѣется болѣе или менѣе рѣзкое нарушеніе этого равновѣсія. Увеличеніе расхода можетъ быть обусловлено множествомъ, какъ внезапно, такъ и постепенно наступающихъ внѣшнихъ раздраженій (источникомъ которыхъ можетъ-быть конечно и процессъ въ другой частной системѣ той же системы С). Внезапно обнаруживающійся перерасходъ отражается въ зависимомъ ряду, какъ постановка той или иной задачи, какъ обнаруженіе чего-нибудь непонятнаго, вреднаго, опаснаго и т. д. Таковы болѣею частью повседневныя жизнеразности.

Если организму удастся устранить перерасходъ, т.-е. упорядочить тѣмъ или инымъ путемъ жизнь данной частной системы, то мы имѣемъ полный жизненный рядъ: мы успокаиваемся. Если же внѣшняя причина, вызывающая

усиленную дѣятельность данной частной системы, пребывает неизмѣнной, и нервная система во всей ея совокупности не можетъ путемъ внутренней перестройки и приспособленія обезвредить ее для себя*), то въ случаяхъ большой напряженности частная система разрушается и ведетъ къ дезорганизации системы С, т.-е. душевному заболѣванію, или къ смерти, въ случаяхъ же лишь относительно значительнаго перерасхода мы имѣемъ, „навязчивую идею“ „гнетущій вопросъ“, „вновь и вновь возвращающуюся мысль“ и т. п. явленія, характеризующія незаконченный жизненный рядъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда перерасходъ является результатомъ постепеннаго процесса, мы имѣемъ дѣло съ утомленіемъ. Я могу работать надъ привычнымъ дѣломъ почти не замѣчая того, что я дѣлаю, напр. машинально набиваю папиросы; тѣмъ не менѣе расходъ нервной энергіи послѣ извѣстнаго промежутка времени оказывается уже значительно превосходящимъ притокъ питанія,—и я чувствую усталость, т. е. не только непріятное ощущеніе особаго рода, но и ясно выраженную потребность отдохнуть, т. е. путемъ прекращенія дѣятельности соотвѣтствующихъ нервныхъ центровъ (и мускуловъ конечно) возстановить нарушенное равновѣсіе.

Напротивъ, послѣ долгаго сна при обильномъ питаніи мы имѣемъ полное право предвидѣть жизнеразности обратной формы: жизнеразность перепитанія. Дѣйствительно, въ зависимомъ жизненномъ ряду мы имѣемъ такіа явленія—какъ „жажду движенія и дѣятельности“, „жажду разнообразія“, „жажду бури и тревоженій“, наконецъ, даже тѣ проявленія, о которыхъ говорятъ: „съ жиру бѣсится человѣкъ“, или „силу ему дѣвать некуда“.

Жизнеразность перепитанія очевидно можетъ возникнуть или отъ избытка питанія, отъ постоянного превышенія прихода надъ расходомъ, или отъ пониженія требованій со стороны жизни, отъ отсутствія возбужденія для частныхъ системъ, или всей системы С. Жизнеразность перепитанія

*) Какими способами можетъ пользоваться система С для возстановленія равновѣсія, читатель узнаетъ позднѣе.

въ первомъ случаѣ устранился игрою, спортомъ, разными увлеченіями, наконецъ дебошами и оргіями.

Во второмъ случаѣ дѣло гораздо сложнее: человѣкъ въ тюрьмѣ, въ монастырѣ, въ глухой деревнѣ можетъ чувствовать сначала потребность въ прежнихъ привычныхъ возбужденіяхъ: въ горячихъ спорахъ, развлеченіяхъ, обычной работѣ, въ любви женщинъ, въ борьбѣ; затѣмъ онъ старается разрѣшить ту же жизнеразность пріисканіемъ новыхъ „расходовъ“, соотвѣтственныхъ обстановкѣ: арестанты придумываютъ себѣ сложныя работы, деревенскій отшельникъ бросается на охоту, крестьянскія работы; монахъ бичуетъ себя и ведетъ изнурительную борьбу съ грѣшными помыслами...

Жизнеразность перепитанія должна быть непременно устранена, при чемъ въ первомъ случаѣ, когда питаніе, покрывая всѣ запросы организма, превышаетъ ихъ, она можетъ быть безъ вреда понижена, хотя для организма, конечно, важно найти цѣлесообразный исходъ своимъ просящимся къ дѣлу силамъ, во второмъ же случаѣ борьба съ плотью путемъ поста подрываетъ уже и органически-необходимыя функціи и ведетъ къ пониженію стойкости организма, повышенію заболѣваемости и къ смерти, такъ что единственно законнымъ рѣшеніемъ жизнеразности является достиженіе полной и разнообразной жизни.

Если же жизнеразность перепитанія не будетъ устранена своевременно, то питаніе приливающее въ видѣ крови къ отдѣльнымъ частнымъ системамъ не можетъ болѣе химически ассимилироваться и организоваться, т. е. замѣщать убывшіе элементы,—происходитъ видоизмѣненіе процесса питанія, напр. отложеніе жира и т. п. и наконецъ вслѣдствіе общаго закона экономіи питанія, которому слѣдуетъ кровообращеніе, кровь начинаетъ все въ меньшемъ количествѣ приливать къ неработающимъ системамъ, которыя глухо атрофируются. Къ этому времени порывы къ жизни, тоска по дѣятельности, отчаяніе, т. е. явленія зависимаго ряда, характеризующіе крайнія степени жизнеразности перепитанія,—прекращаются, отчаяніе принимаетъ глухія формы и переходитъ въ апатію. Атрофія съ другой стороны разрѣшаетъ жизнеразность и если отмершая система не представлялась необходимой

для жизни то человекъ приобретаетъ новую, правда пониженную гармонію. Такова исторія опустившихся, примирившихся и т. п. Они веселы и счастливы и имъ странна полубытая тоска по чему-то теперь чуждому.

Тихая частичная смерть, смерть нѣсколькихъ частныхъ системъ мозга, конечно ужасна, но въ исключительныхъ случаяхъ атрофія приводитъ даже къ идиотизму и смерти *).

Установленіе гипотезы независимаго жизненнаго ряда, столь ясной, столь отвѣчающей всему, что даетъ намъ наука, и открытіе зависимаго жизненнаго ряда съ его тремя членами: постановка жизнеразности, попытки устранить ее, устраненіе ея,—являются первой главной заслугой Рихарда Авенаріуса и обѣщаютъ дать безчисленные плоды при примѣненіи ихъ ко всевозможнымъ облястямъ: исторія любой индивидуальности или цѣлаго человѣчества, любой отрасли знаній, или идеи можетъ быть уложена въ рамки жизненныхъ рядовъ, и каждый разъ это будетъ сопровождаться уясненіемъ трактуемаго предмета. Большихъ результатовъ можно ждать отъ методологическаго приложенія этой теоріи къ анализу литературныхъ произведеній.

Теперь мы перейдемъ къ уясненію другого нововведенія Авенаріуса, имѣющаго не меньшее значеніе.

4. ЭЛЕМЕНТЫ И ХАРАКТЕРЫ.

Для того, чтобы расчислить путь доказательству полной детерминированности психическихъ явленій, т. е. строгой функціональной зависимости ихъ отъ отдѣльныхъ явленій независимаго ряда, необходимо прежде всего внести порядокъ въ психологическую классификацію. На это совершенно справедливо указываетъ и Геффдингъ и удивительно лишь то, что онъ какъ бы напоминаетъ объ этомъ Авенаріусу, который имѣетъ исключительныя заслуги какъ разъ въ этомъ направленіи.

*) Объ остроумной но не совсѣмъ основательной критикѣ этой теоріи Авенаріуса въ замѣчательной книгѣ г. Богданова „Эмпириомонизмъ“ мы еще поговоримъ.

Кореннымъ различіемъ въ мірѣ психическихъ явленій, т. е. всѣхъ явленій сознанія, Авенаріусъ считаетъ различіе элементовъ и характеровъ.

Простѣйшія ощущенія, т. е. элементы зрительнаго, слухового, осязательнаго, вкусового, обонятельнаго и т. п. міра Авенаріусъ называетъ просто элементами. Наша среда, то, что окружаетъ насъ, состоитъ изъ элементовъ, т. е. въ этой средѣ мы констатируемъ черезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ безчисленныя комбинаціи все тѣхъ же элементовъ или ощущеній, перечислить основные роды которыхъ нетрудно. Они различаются между собою, во-первыхъ, по органамъ черезъ посредство которыхъ они воспринимаются; во-вторыхъ, каждый органъ воспринимаетъ качественно различные основные элементы: глазъ — различные цвѣта, формы, ухо — различные тона и т. п.; и наконецъ каждое качество можетъ обладать различными степенями интенсивности. На этомъ не зачѣмъ останавливаться долго: это можно найти въ любомъ популярномъ очеркѣ физиологіи ощущеній.

Одинъ и тотъ же человѣкъ въ различное время и различные люди воспринимаютъ элементы одинаково. Исключенія весьма незначительны.

Изслѣдуя законмѣрныя сочетанія элементовъ, описавъ міръ, какъ постоянную детерминированную перегруппировку ихъ, мы построимъ науку физику. Но нашъ міръ, наши переживанія даютъ не только матеріалъ для физики; для построенія научной физики человѣку придется выдѣлить элементы изъ міра своего опыта, ибо они являются ему неразрывно связанными съ особаго рода окрасками, характерами, различными въ разные моменты и у разныхъ людей.

Прежде всего человѣкъ непосредственно оцѣниваетъ явленія, а это значитъ, что они являются ему окрашенными, т. е. въ особый тонъ удовольствія или неудовольствія (возможно конечно и безразличія). Наивный человѣкъ можетъ думать, что вещь на самомъ дѣлѣ объективно можетъ быть хорошей или дурной, какъ она можетъ быть синей или горькой. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что между тѣмъ и другимъ воспріятіемъ су-

ществуетъ огромная разница, что признаніе вещи синей и горькой прочнѣе, чѣмъ признаніе ее за хорошую.

Нормальный индивидъ всегда найдетъ синее синимъ, между тѣмъ какъ признаніе вещи хорошей зависитъ вполне отъ внутреннихъ, часто субъективныхъ условій. Свѣтъ хорошая вещь, но не тогда, когда вы крадетесь на свиданіе. Револьверъ прекрасная вещь, но не тогда, когда онъ оказывается въ рукахъ напавшаго на васъ грабителя; музыка превосходная вещь, но не тогда, когда вы хотите умственно работать и т. д. Очевидно, что если воспріятіе элементовъ обусловлено организаціей субъекта, то именно тѣми ея формами, которыя наиболѣе всеобщы и незыблемы, оцѣнка же есть продуктъ взаимоотношенія оцѣниваемаго комплекса элементовъ и крайне измѣнчивыхъ субъективныхъ формъ.

Эстетическую, этическую и чувственную оцѣнку давно уже старались выдѣлить и въ основѣ ихъ давно уже видѣли весьма богатые оттѣнками чувства удовольствія и неудовольствія. Но Авенариусъ прибавилъ къ этому характеру, который онъ называлъ аффекціональнымъ, еще нѣсколько другихъ.

Человѣкъ можетъ воспринимать вещь непосредственно. какъ знакомую или незнакомую, это непосредственное чувство; всѣ предметы являются въ этой окраскѣ, и конечно въ разное время и у разныхъ людей окраска эта измѣняется; она зависитъ отъ крайне подвижныхъ субъективныхъ формъ. Человѣкъ ознакамливается съ незнакомымъ, привыкаетъ, познаетъ и т. д. или наоборотъ открываетъ въ извѣстномъ уже—чуждое, новое, иной разъ и тогда, когда предметъ не измѣнился. Такъ у человѣка, который созрѣлъ для критики окружающаго „открываются глаза“ и прежде простое и понятное является сознанію загадкой. Такой характеръ вещей Авенариусъ называетъ адаптивнымъ.

Наконецъ, всякому извѣстно по самонаблюденію, что окружающіе предметы могутъ больше или меньше сознаться. Я каждый день вижу мою шубу, висящую лѣтомъ на стѣнѣ, и почти не замѣчаю ее. Но вотъ мнѣ приходитъ въ голову, въ минуту жизни трудную, заложить ее въ ломбардъ, и я внимательно останавливаюсь на ней взглядомъ.

Я много разъ читаль Пушкина и четверостишіе:

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой...
Въ часъ незабвенный, часъ печальный
Я долго плакаль надъ тобой...

Оно скользило по моему сознанію. Но я не давно пережилъ мучительное разставаніе, и музыка этого четверостишія, и нѣжная его меланхолія вдругъ схватили меня за сердце и стали мнѣ понятны.

Предметъ можетъ болѣе или менѣе сознаваться нами, обладать въ большей или меньшей степени окраской значительности, интересности; такіе характеры Авенаріусъ называетъ преваденціальными.

Наконецъ, элементы являются не только въ формѣ внѣшнихъ явленій, тѣсно и закономѣрно связанныхъ съ другими внѣшними явленіями, воспринимаемыхъ всѣми присутствующими нормальными людьми, но и въ другихъ формахъ, доступныхъ лишь мнѣ, въ формѣ блѣдныхъ отраженій, сочетающихся по другимъ законамъ. Авенаріусъ отчасти относитъ эти характеры къ адаптивнымъ, ибо то, что предметъ является намъ какъ дѣйствительно сущій, какъ имѣющій мѣсто въ дѣйствительности, или какъ лишь кажущійся, воображаемый — это родственно адаптивнымъ характеристикамъ. Но вѣдь мы можемъ же признать воспоминаніе о вчера видѣнномъ фейерверкѣ, напр., за нѣчто вполне дѣйствительное: фейерверкъ уже кончился, его уже нѣтъ, но образъ-то его, который мы созерцаемъ, какъ воспоминаніе въ особомъ полѣ воспріятій конечно существуетъ, онъ лишь обладаетъ особымъ характеромъ. Характеръ вещиности, объективности, или чего-то внутреннего, субъективного — Авенаріусъ называетъ позиціональными характерами.

Итакъ мы имѣемъ четыре главныхъ группы характеровъ:

- 1) аффекціональные характеры
- 2) адаптивные характеры
- 3) преваденціанальные характеры
- 4) позиціональные характеры.

Но кромѣ элементовъ и перечисленныхъ чувственныхъ окрасокъ существуютъ вѣдь еще явленія воли и мышленія.

Волевые явленія при разложеніи своемъ оказываются состоящими изъ ощущеній, окрашенныхъ особымъ характеромъ, проистекающимъ отъ сопутствующихъ имъ двигательныхъ ощущеній, ощущеній усилія *). Эта особая характеристика называется у Авенариуса виртуальной, она однако не занимаетъ особаго мѣста на ряду съ вышеизложенными. Авенариусъ относитъ ее къ особой группѣ аффекціональныхъ характеровъ и, какъ мы увидимъ ниже, съ большимъ основаніемъ.

Что касается мышленія, то оно при разложеніи оказывается состоящимъ частью изъ смѣны представленій, т. е. блѣдныхъ отраженій элементовъ и характеровъ, частью изъ внутренней рѣчи, для пониманія которой необходимо выяснитъ, какъ происходитъ установленіе понятій, т. е. абстрактнѣйшихъ представленій, связываемыхъ и опредѣляемыхъ звуковымъ символомъ — словомъ; выясненію этого процесса, согласно Авенариусу, мы посвятимъ особую главу.

Что бы покончить съ элементами, которые въ дальнѣйшемъ уже не будутъ интересовать насъ, скажемъ, что Авенариусъ различалъ въ нихъ, какъ уже сказано, — 1) коренныя различія въ зависимости отъ воспріятія ихъ отдѣльными органами и отдѣльными частными системами; 2) модальности, которымъ въ независимомъ ряду соотвѣтствуетъ форма жизнеразности, т. е. различіе процессовъ въ однихъ и тѣхъ же элементахъ данной частной системы, или функционированіе различныхъ ея элементовъ и 3) интенсивности, которая легко поставить въ связи съ силою жизнеразности.

Теперь мы перейдемъ къ самой интересной и, пожалуй, самой живой части біологической психологіи, къ анализу важнѣйшихъ характеровъ.

*) Быть можетъ усиліе ощущается не только какъ мускульное сокращеніе, но и какъ нервный процессъ, т. е. существуетъ быть можетъ иннервационное чувство.

V. АФФЕКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРЫ. ВОЛЯ.

Аффеционаломъ называетъ Авенариусъ ту своеобразную характеристику, отъ которой главнымъ образомъ зависитъ оцѣнка явленій.

Воспріятіе большинства предметовъ и явленій сопровождается удовольствіемъ или неудовольствіемъ. Тѣми-же чувствами сопровождаются и нѣкоторые внутренніе процессы.

Прежде всего бросается въ глаза полярность этой характеристики: существуютъ безразличныя переживанія, отъ которыхъ въ одну сторону идетъ скала болѣе и болѣе интенсивнаго удовольствія, доходящаго до экстатического восторга и сладостнаго самозабвенія, въ другую сторону скала неудовольствія, доходящая до страданія, граничащаго съ безуміемъ и пресѣкающагося обморокомъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что удовольствія и неудовольствія бываютъ разнообразны. Однако при внимательномъ анализѣ соответствующихъ переживаній, легко выдѣлить самое чувство удовольствія, какъ вообще положительное чувство, отъ сопутствующихъ ему побочныхъ окрасокъ, происходящихъ отъ разныхъ ощущеній въ воспринимающемъ органѣ и другихъ частяхъ организма. Эти сопутствующія чувствамъ удовольствія окраски при вниманіи легко локализируются, какъ мускульные или имъ подобныя органическія ощущенія. Авенариусъ называетъ ихъ ко а ф ф е к ц і о н а л а м и. Къ нимъ мы еще вернемся.

Уже одно то, что на всѣхъ языкахъ міра существуютъ общія понятія удовольствія и неудовольствія, свидѣтельствуетъ, что намъ не зачѣмъ смущаться разнообразіемъ ихъ; во всѣхъ удовольствіяхъ есть нѣчто общее, рѣзко отличающее ихъ отъ всѣхъ другихъ переживаній, а также отъ неудовольствія. Въ то же время непосредственное чувство свидѣтельствуетъ, что неудовольствіе также родственно удовольствію, какъ отрицательная величина положительной.

Для сведенія психическихъ явленій удовольствія и не-

удовольствія къ ихъ біологической основѣ мы должны найти въ картинѣ жизни мозга такое явленіе, которое допускало бы значительное разнообразіе формъ и въ то же время было бы полярно, т. е. обладало бы двумя направленіями отъ нѣкотораго пункта безразличія.

Совершенно очевидно, что организмъ, пребывающій въ безусловномъ покоѣ (т. е. ничѣмъ ненарушаемомъ подвижномъ равновѣсіи), вообще почти ничего не чувствуетъ, и жизнеразности его вообще не поднимаются высоко надъ порогомъ сознанія. Очевидно также, что нарушеніе равновѣсія организма является опаснымъ для него, и потому въ зависимости отъ того, насколько важная частная система затронута имъ, насколько интенсивно вызванное колебаніе и насколько внезапно (быстро) оно наступило, должно испытываться, какъ большее или меньшее страданіе. Все заставляетъ насъ предполагать, что страданіе дѣйствительно сопровождаетъ всякое мало-мальски опасное для жизни нарушеніе органическаго равновѣсія.

Мы должны лишь отмѣтить, что дѣло идетъ о нарушеніяхъ равновѣсія системы С, а не самого организма. Если перерѣжемъ чувствительный нервъ, соединяющій напр. ногу съ высшими центрами, то какой бы опасности не подвергалась эта нога—боль не возникаетъ, а развѣ лишь косвенно, при посредствѣ зрѣнія, свѣдѣнія о такомъ нарушеніи равновѣсія въ отрѣзанномъ отъ непосредственнаго нервнаго сообщенія органѣ могутъ являться источникомъ жизнеразности въ руководящей дѣятельностью организма системѣ С.

Итакъ страданіе сопровождаетъ всякую постановку жизнеразности.

Очевидно, что наслажденіемъ долженъ сопровождаться обратный процессъ устраненія жизнеразности. И опять таки степень наслажденія должна соотвѣтствовать: 1) важности роли затронутой частной системы, 2) силѣ предшествующей жизнеразности и 3) быстротѣ ея разрѣшенія.

Уже отсюда мы видимъ, что удовольствіе можетъ наступить, вопреки Шопенгауеру, и тамъ, гдѣ не было раньше на лицо замѣтнаго страданія. Въ самомъ дѣлѣ: жизнеразность могла возникать постепенно, а разрѣшиться быстро, и вслѣдствіе этого постановка ея могла лишь очень слабо

отражаться въ сознаніи, разрѣшеніе же ознаменовать себя въ зависимомъ ряду очень ярко *).

Но этого конечно мало.

Теперь мы дѣйствительно имѣемъ передъ собою явленіе, допускающее крайнее разнообразіе формъ и полярное по существу, къ которому мы и можемъ приурочить аффекціональные характеры: это самый процессъ постановки и разрѣшенія жизнеразностей. Но если такъ, то, значить, всякая жизнеразность непременно сопровождается аффекціономъ? — Нѣтъ, мы должны помнить, что не всякая сопровождается даже сознаніемъ: для того, чтобы сознаваться вообще, жизнеразность должна представлять изъ себя значительное колебаніе достаточно важной частной системы, при томъ наступающее не слишкомъ медленно и постепенно; къ этому мы еще вернемся. Аффекціональ же начинаетъ сопровождать колебанія жизненнаго ряда съ порога, лежащаго значительно выше.

Я могу сознавать, что въ моей чернильницѣ мало чернилъ, но относиться къ этому безразлично, пока отсутствіе чернилъ не скажется на моей работѣ и не прерветъ ее непріятнымъ образомъ необходимостью позаботиться о наполненіи чернильницы; тогда фактъ недостатка чернилъ оказывается непріятнымъ, если-же я убѣждаюсь, что чернилъ вообще нѣтъ у меня въ домѣ, — аффекціональ начинаетъ преобладать, и я даже, быть можетъ, не столько стараюсь о скорѣйшемъ приобрѣтеніи чернилъ въ лавкѣ, сколько выражаю разными способами свое неудовольствіе и досаду на себя и другихъ, что служить признакомъ быстрого распространенія жизнеразности на другія частныя системы, первоначально ею не затронутыя. Жизнеразность, рѣзко окрашенная отрицательнымъ аффекціономъ, можетъ охватить и другія системы С.: старая тетка, которая ведетъ мое хозяйство, потрясенная своимъ недосмотромъ, съ ужасомъ вспомнить, что по случаю большого праздника и поздняго времени всѣ лавочки закрыты, а затѣмъ, подъ вліяніемъ града упрековъ, которыми я ее осыпаю, рѣшится оставить мой домъ, о чемъ и объявитъ, заливаясь слезами, въ состо-

*) Объ этомъ см. въ главѣ о преваленціалѣ.

яніи близкомъ къ обмороку; моя жена можетъ при этомъ дать краткую, но выразительную характеристику моей особы, вслѣдствіе которой я почувствую себя окончательно несчастнымъ, и весь домъ можетъ превратиться въ сонмъ страдающихъ душъ.

Съ другой стороны я могъ бы, нетерпѣливо тыча перомъ въ опустѣвшую чернильницу, внезапно замѣтить другую, полную, на другомъ концѣ стола, что причинило бы мнѣ несомнѣнно нѣкоторую радость. Итакъ, можно сказать, что всѣ жизненные ряды, обладающіе значительнымъ прева-ленціаломъ (сознаваемостью) обладаютъ и аффекціо-нальной окраской. Въдѣ и н т е р е с о мъ называется именно окрашенное чувствомъ отношеніе къ явленію. И н т е р е с н ы м и явленіями называютъ такіа, которыя сопровождаются аффекціо-наломъ.

Но тутъ-то мы и натываемся на трудность. Интересными называются далеко не всѣ аффекціо-нально окрашенныя воспріятія. Правда, многое здѣсь слѣдуетъ отнести на счетъ случайнаго употребленія слова „интересный“. Такъ, Кантъ требуетъ, чтобы эстетикъ, оцѣнивая художественное произведеніе, былъ незаинтересованъ (uninteressiert) — здѣсь сказывается чисто мѣщанское пониманіе „интереса“, какъ интереса низменнаго, чувственнаго, такъ сказ. матеріально-животнаго, денежнаго или „карьернаго“ и т. п. Такъ же произвольно пожалуй и то, если кто-нибудь найдетъ напр. собственную зубную боль неинтереснымъ воспріятіемъ. Скажите-ка больному, что зубная боль вещь интересная, онъ, пожалуй, ругнетъ васъ, и однако: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. Вполнѣ законно, какъ намъ кажется, называть интереснымъ все, что волнуетъ человѣка, занимаетъ его, т. е. все, что аффекціо-нально окрашено; въ обще-рѣчіи же называются интересными лишь пріятныя воспріятія, слѣдовательно лишь окрашенныя положительнымъ аф-фекціо-наломъ.

Но въ какомъ случаѣ возможенъ положительный аффекціо-наль, если мы установили общее правило: „отрицатель-ный аффекціо-наль сопровождается колебаніе отъ равновѣ-сія, положительный—колебаніе его возстановливающее?“ Въ этомъ случаѣ, очевидно, удовольствіе является лишь зави-

симымъ, вторичнымъ явленіемъ, для его наступленія необходима уже наличность жизнеразности.

Вернемся къ уравновѣшенному организму. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій такой организмъ очевидно можетъ ждать лишь огорченій и непріятностей, если-же онъ испытаетъ удовольствіе—то очевидно это признакъ скрытой, медленно нарастающей опасности, которая внезапно и благополучно разрѣшилась.

При значительной степени сознательности такое положеніе вещей конечно привело бы къ пессимизму. Удовольствіе испытывалось бы либо какъ прекращеніе страданія, либо въ лучшемъ случаѣ, какъ внезапное возстановленіе медленно подкрадывавшейся жизнеразности, такъ что при каждомъ внезапномъ удовольствіи человѣкъ долженъ испуганно благодарить Создателя за избавленіе отъ тайной опасности.

Но именно возрѣнія Авенаріуса даютъ превосходное разрѣшеніе этого затрудненія. Такъ какъ жизнеразность есть колебаніе равновѣсія, т. е. нѣчто отрицательное, то постановка ея не можетъ быть пріятной сама по себѣ. Но она неминуемо должна явиться таковой постольку, поскольку на лицо имѣется избытокъ питанія, частью въ формѣ готовыхъ запасовъ потенциальной энергіи *), частью въ формѣ химическихъ соединеній, доставляемыхъ кровью, и готовыхъ немедленно заступить брешу, образующіяся въ тѣлахъ нервныхъ клѣтокъ во время функціонированія.

Итакъ необходимой предпосылкой постановки жизнеразностей (собственно мнимыхъ), окрашенныхъ положительнымъ аффеціоналомъ, является наличность значительныхъ запасовъ энергіи въ потенциальной формѣ. Въ этомъ случаѣ то, что въ зависимомъ ряду будетъ казаться несомнѣнной постановкой жизнеразности, напримѣръ затрудненія шахматной задачи, въ рядѣ независимомъ явится, напротивъ, рѣшеніемъ жизнеразности перенасыщенности, не достигшей сознанія лишь по причинѣ медленнаго ея роста, и не представляющей изъ себя непосредственной опасности для организма.

*) Т. е. готовыхъ нервныхъ веществъ, могущихъ путемъ химической реакціи выдѣлять живую энергію.

То, что люди радостно трудятся, играютъ, наслаждаются свободнымъ мышленіемъ, показываетъ, что затрата энергіи можетъ быть нужной для организма. То, что человѣкъ, осужденный на бездѣйствіе, страдаетъ — доказываетъ, что трата энергіи есть условіе ея дальнѣйшаго накопленія. Не только задержка въ питаніи, но и задержка въ расходованіи энергіи есть жизнеразность, требующая своего разрѣшенія, хотя, конечно, вторая менѣе настоятельна чѣмъ первая.

На деталяхъ „положительной жизнеразности“ мы останавливаться не будемъ. Детальная разработка блестящей теоріи Авенариуса объ аффекціональѣ является важнѣйшей задачей эстетики и требуетъ особаго разсмотрѣнія.

Но чтобы читатель съ еще большей ясностью понялъ и оцѣнилъ эту гениальную теорію, мы пересмотримъ тѣ остроумныя возраженія, которыя сдѣлалъ противъ нея А. Богдановъ въ упоминаемой уже нами книгѣ „Эмпириомонизмъ“.

Первое обвиненіе, выдвигаемое уважаемымъ авторомъ, есть обвиненіе въ консерватизмѣ, свойственномъ будто-бы теоріи Авенариуса:

„Въ формулировкѣ Авенариуса чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія“.

Авенариусъ принимаетъ за основное во всѣхъ явленіяхъ мозга—стремленіе къ восстановленію нарушеннаго равновѣсія. Итакъ равновѣсіе вотъ идеаль Авенариуса.

Такъ приблизительно рассуждаетъ А. Богдановъ и поучаетъ Авенариуса, что это „идеаль“ застойный, что нельзя не видѣть разницы между пониженіемъ и возрастаніемъ энергіи организма и т. д.

Но эти упреки А. Богданова основаны на недоразумѣніи.

Авенариусъ констатируетъ лишь механическій факторъ, лежащій въ основѣ жизни мозга, а также и въ основѣ его развитія. При всякомъ нарушеніи равновѣсія мозгъ какъ-бы стремится восстановить его, но при этомъ сплошь и рядомъ восстанавливается не прежнее равновѣсіе, а иное, обогащенное выработанной вновь реакціей, усложненное, болѣе готовое къ отраженію послѣдующихъ раздраженій, стало быть болѣе жизнеспособное. Г. Богдановъ игнорируетъ тео-

рію развитія мозга, данную Авенаріусомъ, теорію, изложеніе которой читатель найдетъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ настоящей книги. Если бы А. Богдановъ внимательно отнесся къ этой теоріи развитія, то онъ не принялъ бы констатированія біомеханическаго факта, лежащаго въ основѣ жизни, за описаніе всего процесса жизни. Передъ нами работаетъ машина, основное явленіе при этомъ не что иное, какъ механическое уравновѣшеніе, передача энергіи отъ однихъ частей машины къ другимъ, согласное съ простѣйшими законами механики; но машина вовсе не имѣетъ свою цѣлью прійти въ равновѣсіе, которое вновь и вновь нарушается, вновь и вновь происходитъ возстановленіе равновѣсія, а попутно достигается настоящая цѣль—напримѣръ, движеніе локомотива впередъ. Авенаріусъ стремился только отмѣтить чисто „механическій“ характеръ явленій жизни мозга, самымъ процессамъ въ мозгу чуждъ всякій телеологизмъ, мозгъ сохраняетъ при всѣхъ условіяхъ свое подвижное равновѣсіе по возможности неизмѣннымъ, но именно оттого-то эти условія и измѣняютъ его, не такъ, какъ они измѣняли-бы мертвый мозгъ, не разрушая его, не какъ нѣчто пассивное, а принуждая его вырабатывать новыя защитительныя приспособленія.

Не застой—идеалъ Авенаріуса, нѣтъ, но равновѣсіе есть то, чѣмъ, какъ учить опытъ, стремятся закончиться всѣ процессы въ природѣ: всякое движеніе, всякое измѣненіе есть лишь результатъ инерціи данной системы и дѣйствующихъ на нее внѣшнихъ вліяній, при чемъ всюду мы наблюдаемъ въ конечномъ счетѣ перемѣщеніе энергіи отъ высшихъ потенціаловъ къ низшимъ.

А. Богдановъ обосновываетъ свой взглядъ на „застойность“ мышленія Авенаріуса, взглядъ, происхожденіе котораго объясняется тѣмъ, что авторъ оторвалъ главы, абстрактно трактующія о жизни мозга внѣ фактовъ его развитія отъ тѣхъ главъ, гдѣ трактуется самое развитіе,—такой неудачной ссылкой на текстъ „Критики чистаго опыта“:

„Младенецъ насильственно удаляется изъ чрева матери, этого святилища сохраненія жизни, онъ выбрасывается въ новую, почти абсолютно иную среду, непривычную, только отчасти благоприятную для поддержанія его жизни. Тутъ

онъ подвергается измѣненіямъ, которыя возникаютъ для него изъ условій среды съ происходящими въ ней перемѣнами; а затѣмъ ему предстоитъ переживать тѣ судьбы, которыя съ необходимостью навязываются ему типической послѣдовательностью измѣненій въ его собственномъ циклѣ развитія“.

„Это означаетъ вотъ что: система С путемъ акта рожденія перемѣщается изъ среды приблизительно соотвѣтствующей идеалу въ среду неидеальную“.

„... Наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы анализировать измѣненія системы, и именно постольку, поскольку ихъ приходится разсматривать либо какъ уменьшенія жизнесохранимости системы С, либо какъ акты поддержанія этой системы при наличности (среди) такихъ уменьшеній“ (I B. S. 63—64).

„Такимъ образомъ для Авенариуса съ самаго рожденія ребенка начинаются „уменьшенія жизнесохранимости“, которыя идутъ вплоть до наступленія смерти и, къ счастью, ея заканчиваются“. Заканчиваетъ А. Богдановъ.

Къ сожалѣнію то употребленіе, какое дѣлаетъ почтенный критикъ изъ этого образца доказываетъ, что онъ не постарался охватить общій смыслъ ученія Авенариуса.

Прежде всего критикъ косвенно заставляетъ думать, что фраза: „либо какъ уменьшеніе, либо какъ поддержаніе системы при наличности уменьшеній“ означаетъ, что абсолютное уменьшеніе жизнеспособности констатируется какъ нѣчто неизбѣжное. Между тѣмъ смыслъ фразы совсѣмъ не таковъ: измѣненія системы С разсматриваются либо какъ уменьшеніе жизнесохранимости, либо какъ поддержаніе ея, что очевидно уже исключаетъ мысль объ уменьшеніи, но такъ какъ это поддержаніе ея должно уже считаться съ наличностью предшествующихъ и грядущихъ уменьшеній (*unter solchen Verminderungen*), то, очевидно, оно должно являться новымъ типомъ жизнесохранимости.

Возьмемъ примѣръ. Племя живетъ въ благодатныхъ странахъ юга: пищи вдоволь, заботъ никакихъ, миръ, благоденствіе полное. Жизнесохранимость огромная, никакихъ покушеній на равновѣсіе жизни мозга нѣтъ.

Но вотъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ

племя вынуждено удалиться въ болѣе сѣверныя, менѣе счастливыя страны. Очевидно, что окажется множество причинъ для уменьшенія жизнесохранимости: мы будемъ свидѣтелями, либо ея длительного или окончательнаго уменьшенія, либо ея сохраненія при наличности постоянныхъ уменьшеній (т. е. колебаній), но если наше племя въ силахъ удержать прежнюю степень общей жизнесохранимости и при наличности прежде отсутствовавшихъ враждебныхъ вліяній, то очевидно, что борьба, лишенія и несчастія развили его; дѣйствительно, воспитанные далеко не идеальной средой сѣверяне всегда оказывались сильнѣе жителей идеальныхъ Эльдорадо. Напрасно А. Богдановъ сталъ-бы утверждать, что мы извращаемъ смыслъ ученія Авенаріуса. Пусть онъ припомнитъ теорію „совершенной константы“, и тогда ученіе Авенаріуса о развитіи предстанетъ ему самому въ слѣдующемъ видѣ: во чревѣ матери, этомъ святилищѣ сохраненія жизни, организмъ существуетъ въ почти идеальныхъ условіяхъ, т. е. ничто не нарушаетъ теченіе жизни младенческаго организма, конечно маленькой и узенькой. И вотъ организмъ выталкивается въ новую среду, гдѣ онъ подвергается тысячѣ враждебныхъ вліяній: чтобы продолжать жить, онъ долженъ развить огромную систему предохранительныхъ формъ, расширить и обогатить свою жизнь (а вмѣстѣ и свое сознаніе), стремясь стать и къ этой, безконечно [многообразной] средѣ въ тѣ же, почти идеальныя, условія: т. е. онъ долженъ приспособиться къ измѣнчивой и безконечно богатой дѣйствительности и приспособить ее къ себѣ такъ, чтобы жизнь его стала протекать гармонично, чтобы ничто не казалось ему „тайной“, „неожиданностью“, „опасностью“, ничто не угрожало бы страданіемъ, не оскорбляло бы безобразіемъ. Путемъ роста и развитія мозга съ одной стороны и творческой обработки дѣйствительности съ другой, — человѣкъ идетъ къ идеальному равновѣсію между потребностями своими и средою: да, почти идеальное отношеніе, какое мы находимъ во чревѣ матери, мы должны вновь приобрѣсти въ будущемъ, а пока мы осуществляемъ его лишь приблизительно и крайне несовершенно: нѣкогда же весь широкій міръ станетъ „священнымъ святилищемъ сохраненія жизни“, но жизни безконечно усложнившейся, ибо

приспособленной не къ чреву матери, а къ безконечной природѣ.

Это достойный идеалъ! Жаль, что А. Богдановъ не захотѣлъ понять прекрасныя мысли ученія нашего философа и такъ небрежно отнестся къ его теоріи развитія.

Не болѣе удачна и критика, направленная на ученіе Авенаріуса объ обратномъ значеніи расхода и питанія и жизнеразностяхъ въ двухъ направленіяхъ.

А. Богдановъ возстаётъ противъ термина питаніе; онъ хочетъ, чтобы Авенаріусъ говорилъ объ ассимиляціи энергіи и ея расходѣ. Если бы Авенаріусъ не затемнялъ вопроса терминомъ „питаніе“, то для него было бы ясно, что ассимиляція энергіи, въ какомъ бы то ни было количествѣ никогда не была бы излишней, а расходы ея всегда понижаютъ жизнесохранимость, утверждаетъ критикъ.

Но въ данномъ случаѣ А. Богдановъ разсуждаетъ совершенно абстрактно, отрывается отъ фактовъ и потому начинаетъ противорѣчить самому себѣ.

Что является условіемъ возможно большей ассимиляціи энергіи? Можетъ-ли эта ассимиляція происходить какъ-то сама по себѣ?

Нѣтъ! если не единственнымъ, то безконечно наиважнѣйшимъ источникомъ того матеріала, изъ котораго черпается ассимилируемая энергія, является питаніе. Возможно ли, однако, признать, что ассимиляція энергіи прямо зависитъ отъ количества питанія? Нѣтъ! напротивъ, при условіи покоя, отсутствіи работы даннаго органа — ассимиляціи не происходитъ. Это признаетъ и А. Богдановъ. И такъ работа есть необходимая предпосылка дальнѣйшей ассимиляціи, т. е. существуютъ случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствіе ея безусловно означало-бы пониженіе жизнесохранимости. Въ этихъ случаяхъ въ наличности должна быть жизнеразность, отражаемая въ сознаніи какъ потребность въ движеніи, въ работѣ, какъ *Arbeitsbedürfnis*, *Mehrarbeitsbedürfnis*. И въ опытѣ мы встрѣчаемъ соотвѣтственное чувство на каждомъ шагѣ. Теорія А. Богданова оставляетъ совершенно необъясненнымъ огромный рядъ относящихся сюда фактовъ (игра, творчество — плодъ *Σχολή* вся роскошь жизни, какъ исходъ для избытка силъ)

Но очевидно, что при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи никогда не могла бы ощущаться: если клѣтка не ассимилируетъ, т. е. давно не работала, то очевидно она такъ сказать залѣглась, и не нуждается въ новомъ приливѣ матеріи, химическую энергію которой она превращаетъ въ нервную дѣятельность. Такое состояніе можетъ наступить лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, т. е. перевѣса на сторонѣ ассимиляціи; достигши опредѣленной границы, процессъ ассимиляціи стало быть останавливается, — согласно самому А. Богданову, — для продолженія этого процесса необходима работа, какъ „необходимый фізіологическій стимулъ“, иначе наступаетъ атрофія, т. е. регрессъ въ жизни органа.

Все это строго соотвѣтствуетъ ученію Авенариуса, которое мы и продолжаемъ считать отнюдь непоколебленнымъ А. Богдановымъ.

Много ударовъ наноситъ уважаемый критикъ ученію объ аффекціоналѣ, стараясь доказать, что удовольствіе сопутствуетъ ассимиляціи, а неудовольствіе диссимиляціи энергіи. Однако, при этомъ имъ совершенно упускается фактъ, что, напримѣръ, бодрому, свѣжему человѣку доставляетъ удовольствіе бѣгать, прыгать, бороться, рѣшать задачи и загадки и т. д., для усталого же все это, прямо, мука. Этотъ примѣръ съ очевидностью доказываетъ, что одинъ и тотъ-же процессъ (будь то ассимиляція или трата энергіи) можетъ сопровождаться разнымъ аффекціоналомъ, фактъ, вполне ясно истолковываемый Авенариусомъ и совершенно непонятный съ точки зрѣнія А. Богданова.

Остановимся еще на нѣсколькихъ частностяхъ критики автора „Эмпириомонизма“: онъ говоритъ, между прочимъ, о такой „біологической несообразности“:

„Нѣкоторую біологическую несообразность этого вывода легко замѣтить съ перваго взгляда. Если въ системѣ устанавливается опредѣленная жизнеразность, положимъ — отрицательная, которая долгое время держится на одной высотѣ, или очень мало колеблется въ ту и другую сторону, то аффекціоналъ долженъ отсутствовать. Между тѣмъ, ясно, что система при этомъ идетъ къ разрушенію, и, если жизнеразность велика, то очень быстро. Аффекціоналъ не даетъ

организму никакихъ указаній; между тѣмъ именно отъ него зависитъ направленіе дальнѣйшихъ жизненныхъ проявленій системы, онъ—стимуль ея борьбы противъ неблагопріятныхъ условій. Ясно, что онъ оказывается біологически-несостоятельнымъ — результатъ, во всякомъ случаѣ, довольно мало вѣроятный“.

Однако, это именно такъ и есть въ дѣйствительности: человекъ привыкаетъ къ болѣзни, униженію, нищетѣ, и иногда почти не замѣчаетъ того хроническаго, фізіологическаго или соціальнаго недуга, который медленно ведетъ его къ гибели. Аффекціональ дѣйствительно даетъ далеко не точныя указанія относительно медленныхъ процессовъ, да и вообще это не такой ужъ надежный руководитель: такъ, самъ А. Богдановъ констатируетъ на слѣдующей страницѣ, что самочувствіе больного маниакальной экзальтаціей бываетъ въ началѣ пріятно, и приводитъ другіе подобные примѣры.

Мы говорили выше о жизнеразностяхъ, которыя въ зависимомъ ряду кажутся возникающими, въ то время, какъ въ независимомъ онѣ лишь разрѣшаютъ жизнеразность перенакопленія.

А. Богдановъ не хочетъ заглянуть въ нихъ глубже; онъ говорить:

„Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приносить ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидаѣтъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталкиваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ. Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это жизнеразности — положительныя“.

Что значитъ, что извѣстіе кажется человѣку хорошимъ? Очевидно это значитъ, что оно полезно ему, т.е. разрѣшаетъ какую-либо скрытую жизнеразность. Хорошимъ человѣкъ наз. то, что такъ или иначе способствуетъ уравновѣженію его мозга. Если бы открытіе или извѣстіе не имѣло никакого отношенія къ моимъ потребностямъ, то оно было бы бесполезно и безразлично для меня, но ко-

нечно открытіе, хотя и удовлетворяетъ моимъ потребностямъ, въ тоже время ставитъ передо мною много частныхъ жизнеразностей, задачъ по части его примѣненія, и отсюда очевидно, что ему обрадуется лишь человѣкъ вообще радующійся труду, потому что этотъ трудъ у него является „физиологическимъ стимуломъ“ къ дальнѣйшему питанію отдѣльныхъ частей мозга; тотъ, у кого нѣтъ скрытой жизнеразности перенаполненія, даже получивъ наслѣдство или согласіе любимой женщины на бракъ, думаетъ прежде всего о безпокойствахъ и хлопотахъ.

Радость, какъ говорить А. Богдановъ, сопровождается повышеннымъ питаніемъ мозга, печаль — пониженнымъ; но еще вопросъ—является ли повышенное питаніе причиной радости, или радость отражаетъ прежде всего постановку удачной жизнеразности, заставляющей мозгъ работать какъ разъ такъ, какъ этого требуетъ скрытая жизнеразность перенакопленія, или прямо устраненіе какой-нибудь скрытой, но гнетущей частной жизнеразности. Вѣдь все же причиною расширенія сосудовъ является напр., полученіе письма, т.-е. нѣкоторый внѣшній фактъ, дающій поводъ къ усиленной дѣятельности мозга и направляющій ее въ новую сторону. Это, конечно, слишкомъ сложные вопросы, но все же перечисленные А. Богдановымъ явленія могутъ быть безъ труда уложены въ рамку теоріи Авенаріуса.

А. Богдановъ полагаетъ, что дѣлаетъ сокрушительное замѣчаніе, говоря: „предположимъ, что эмоція печали выступаетъ при наличности общаго перевѣса ассимиляціи; въ такомъ случаѣ начало эмоціи, пока она только устраняетъ, это неравенство и приближаетъ систему къ равновѣсію — должно имѣть пріятную окраску. Дѣйствительность, однако, не даетъ намъ такого психо-физиологическаго абсурда“.

А. Богдановъ забываетъ, что печаль не есть просто пониженіе питанія. Прежде всего организму всегда ближе возстановить нарушенное равновѣсіе въ смыслѣ перевѣса ассимиляціи усиленіемъ дѣятельности, факты же, могущіе быть причиной печали, грозятъ тѣми или другими непріятностями, а потому вызываемая имъ работа мозга является крайне дисгармоничной: движеніе организма при этомъ парализованы, мысль же мучительно работаетъ, вертается все

на однихъ и тѣхъ же темахъ, и не имѣя силы устранить гнетущую жизнеразность. Если бы печаль была чистымъ понижающимъ питаніемъ и только, тогда, конечно, она могла бы доставлять наслажденіе; но мы и видимъ, что при извѣстныхъ условіяхъ меланхолія наз. сладкой, и что къ такой сладостной меланхоліи особую склонность имѣютъ люди праздные, лѣнивые и роскошествующіе. Правда, когда какой-нибудь тунеядецъ слушаетъ грустную мелодію, то она, не только уменьшаетъ питаніе, но прежде всего расходъ энергіи мозга, однако это присуще почти всѣмъ видамъ печали, такъ что, если А. Богдановъ считаетъ свое замѣчаніе сильнымъ, то онъ долженъ игнорировать, что печаль понижаетъ одновременно и питаніе, и расходъ, если же онъ сдѣлаетъ это возраженіе противъ приведеннаго нами примѣра сладостной меланхоліи, то онъ тѣмъ самымъ въ корнѣ подрѣжетъ, свой критическій „подходъ“. Что однако очевидно, такъ это то, что сладостная меланхолія или пріятное состояніе полугипноза ужъ никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено теоріей г. Богданова, т.-е., какъ результатъ повышенной ассимиляціи.

Для того, чтобы окончательно показать, какъ легко, приводя отдѣльныя казуистическія возраженія, доказать какъ разъ положенія противника, — укажемъ А. Богданову еще одинъ фактъ. Аскетъ не имѣетъ возможности удовлетворить своей потребности въ повышенной жизни, потребности, являющейся результатомъ перенакопленія энергіи (долговременнаго отсутствія ея расходованія), поэтому ему рекомендуется въ одно и то же время мыслить о смерти, о скорбяхъ жизни, оплакивать крестныя страданія Христа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предаваться благочестивымъ упражненіямъ (бдѣнію, посту, колѣнопреклоненіямъ и даже самобичеваніямъ). Что же это такое, какъ не стремленіе одновременно усилить расходъ энергіи и искусственно вызвать эмоцію печали, т.-е. сокращеніе сосудовъ, о которомъ говоритъ А. Богдановъ? Однако же то и другое доставляетъ наслажденіе и приводитъ аскета къ желанной внутренней гармоніи. Итакъ „фізіологическій абсурдъ“ оказывается дѣйствительностью.

Врядъ ли мы убѣдимъ А. Богданова въ недостаточности,

его аргументаціи, но мы отвели довольно много мѣста опроверженію этой критики для того, чтобы рѣзче запечатлѣть въ умахъ читателей основныя черты и главныя достоинства теоріи жизнеразностей и аффекціональныхъ характеровъ.

Удовольствіе и неудовольствіе, какъ мы уже говорили, не являются никогда въ простомъ, чистомъ видѣ, они сопровождаются всегда различными комплексами ощущеній въ отдѣльныхъ частяхъ организма, которыми характеръ эмоціи окончательно опредѣляется: эти сопутствующія ощущенія Авенаріусъ наз. коаффеціоналами. Авенаріусъ не останавливался особо на крайне интересномъ вопросѣ о коаффеціоналахъ положительныхъ и отрицательныхъ. Онъ далъ лишь болѣе или менѣе полный перечень имъ. Къ коаффеціоналамъ относятся ощущенія расслабленности или напряженности тѣхъ или иныхъ мускуловъ, ощущенія дрожи, давленія, облегченія, освобожденія, безсилія или мощи; особо важное мѣсто занимаютъ измѣненія дыханія, дѣятельности сердца, а также выдѣленія железъ (напр. слезы).

Основная жизнеразность окрашенная полож. или отриц. аффеціоналомъ, распространяется на различныя частныя системы мозга и вызываетъ дѣятельность различныхъ мускуловъ и железъ. Эти перефирическія явленія вновь отражаются въ центрахъ мозга и видоизмѣняютъ характеръ даннаго переживанія.

Положительный аффеціоналъ обыкновенно сопровождается положительными коаффеціоналами и наоборотъ. Пріятныя органическія ощущенія суть ощущенія силы, мощи, свободы, вообще отраженія въ сознаніи правильнаго и энергичнаго функционированія органовъ. Само собою разумѣется, что на извѣстной границѣ насъ поджидало бы утомленіе, и что граница эта зависитъ отъ количества питанія, поэтому коаффеціоналы положительны, когда они означаютъ собою дѣятельность органа, служащую, пользуясь выраженіемъ А. Богданова, фізіологическимъ стимуломъ питанія, отрицательны они, когда они знаменуютъ разстройство питанія или перенапряженіе дѣятельности, или вынужденное ея отсутствіе. Естественно, что коаффеціоналы не только сопровождаютъ аффеціоналы, но и наобо-

ротъ—могутъ вызывать ихъ: чувство здоровья или недомоганія непосредственно могутъ отразиться въ сознаниі какъ ликующая радость жизни или какъ угнетеніе; они могутъ затѣмъ выразиться въ якобы объективныхъ сужденіяхъ: „жизнь есть благо“, или „жизнь есть зло“.

Явленія, лежащія въ основѣ коаффеціональныхъ характеровъ, чисто пассивны и сознаются какъ нѣчто просто данное въ организмѣ. Рядомъ съ ними имѣются однако другія органическія ощущенія, сопровождающіяся чувствомъ активности. Съ точки зрѣнія независимаго ряда — волевая дѣятельность сводится къ распространенію первоначальной жизнеразности на двигательные центры мозга, а слѣдовательно и на мускулы. Эти мускульныя движенія, выполнѣ ли выраженные, или лишь зачаточно намѣченныя, вновь отражаются въ системѣ *C* и сознаниі, передавая переживаніямъ особый характеръ, который Авенариусъ наз. виртуальнымъ.

Такимъ образомъ воля является по Авенариусу лишь модификаціей виртуала.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію развитія ощущенія произвольности въ понятіе свободной воли, мы постараемся охарактеризовать такъ-наз. „проблему воли“, и при этомъ воспользуемся словами Петцольда.

„Когда-то будутъ удивляться, какимъ образомъ возможна была проблема воли; лишь съ трудомъ, прослѣживая пути психологической мысли, можно будетъ понять, какъ случилось, что мышленіе цѣлаго ряда поколѣній находило камень преткновенія въ мнимой несоединимости свободы воли и детерминизма. Съ нашей точки зрѣнія, полагающей полную опредѣленность каждаго явленія за необходимое условіе возможности существованія человѣчества, не можетъ возникнуть ни на минуту сомнѣнія въ томъ, что каждое человѣческое дѣяніе совершенно опредѣлено во всѣхъ своихъ мельчайшихъ частяхъ... Незачѣмъ особенно настаивать здѣсь на томъ, что такое воззрѣніе не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ, т. е. съ ученіемъ, что никто не можетъ уйти отъ своей судьбы, чтобы онъ ни предпринималъ. Фатализмъ считаетъ дѣятельность человѣка совершенно безплодной и безрезультатной, а это какъ разъ про-

тиворѣчить детерминизму, считающему всякое явленіе не только опредѣленнымъ, но и опредѣляющимъ; судьба человѣка въ значительной мѣрѣ опредѣлена именно его поступками и непременно была бы иной, если бы они были другими. Совершенно ясно, что свобода воли, если придавать этому словосочетанію точное значеніе, а не обозначать имъ чистѣйшую фикцію, отнюдь не отрицается детерминизмомъ.

„Свобода воли выступаетъ, по мнѣнію господъ, понимающихъ закономерность въ природѣ, какъ насильственный порядокъ, яснѣе всего въ свободѣ выбора, т.-е. тамъ, гдѣ человѣкъ стоитъ передъ лицомъ нѣсколькихъ возможностей. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе человѣка, по ихъ мнѣнію, совершенно свободно, т.-е. совершенно отлично отъ явленій природы; это значитъ, что оно должно быть ничѣмъ не опредѣлено. Признаніемъ такого рода характера за выборомъ человѣка хотятъ оправдать идею ответственности его, но отнюдь не достигаютъ этой цѣли: какъ можно ставить человѣку въ вину поступокъ, ничѣмъ не опредѣленный, столь же, слѣдовательно, неожиданный, какъ ударъ молніи съ голубого неба. Если же намъ отвѣтять, что воля дѣйствуетъ не по необъяснимому капризу, но на основаніи болѣе или менѣе продолжительнаго обсужденія, то тѣмъ самымъ признаютъ, что воля детерминирована именно этимъ обсужденіемъ. Ясно, что сторонники фиктивной свободы воли сами не знаютъ, что собственно разумѣютъ они подъ этимъ терминомъ. Они создали лишь слово, для котораго нѣтъ соотвѣтственнаго понятія. Припомнимъ всевозможные случаи, когда мы чувствовали наши поступки совершенно свободными, постараемся, какъ можно точнѣе аналитически разложить ихъ, и мы нигдѣ не найдемъ противорѣчія между утвержденіемъ этого чувства свободы и полной детерминированностью нашихъ мыслей и поступковъ“.

„Понятія свобода и недетерминированность, какъ и понятія принужденіе и детерминированность не имѣютъ между собою ничего общаго. Та свобода воли—*liberum arbitrium* схоластиковъ—просто фантазія. Психологическій опытъ знаетъ одну только свободу, которой противоположно принужденіе, но отнюдь не

опредѣленность и закономѣрность. Принужденіе же активная личность находитъ тамъ, гдѣ имѣются такіе опредѣляющіе ея дѣятельность моменты, которые противорѣчатъ ея цѣлямъ и желаніямъ. Такіе мотивы могутъ лежать и внутри индивида, и внѣ его. Если индивиду удастся устранить ихъ или, въ случаѣ ихъ полной неустрашимости, примириться съ ними, то онъ становится свободнымъ. Никакой другой свободы не можетъ быть, потому что не можетъ быть никакого другого принужденія“ *).

И затѣмъ Петцольдъ ставитъ единственную имѣющую дѣйствительное значеніе проблему воли: каковы тѣ комплексы переживаній и соотвѣствующихъ имъ явленій независимаго ряда, которые мы называемъ волей. Для этого намъ прежде всего нужно обратить вниманіе на внѣшніе волевые акты—поступки; понявъ ихъ, мы проникнемъ и въ тайну внутренней воли, воли въ формѣ желанія.

Ясно, что волевые акты развились изъ родственныхъ имъ бессознательныхъ рефлексовъ. Авенаріусъ различаетъ пять ступеней, ведущихъ отъ бессознательнаго рефлекса къ вполне развитой волѣ.

При этомъ онъ кладетъ въ основу своего изслѣдованія наблюденія надъ ребенкомъ, уже различающимъ отдѣльные части среды, являющіяся ему въ соотвѣстныхъ аффекціональныхъ окраскахъ; даны также ощущенія коаффекціональныя и виртуальныя.

Когда голодный ребенокъ видитъ передъ собою пищу, принятіе которой раньше прекращало голодъ, доставляя тѣмъ удовольствіе, то самый видъ ея вызываетъ въ немъ нѣкоторое родственное насыщенію удовольствіе; жизнеразность, вызванная голодомъ, вообще выражается цѣлымъ рядомъ беспорядочныхъ движеній, которыя усиливаются вслѣдствіе новыхъ процессовъ въ мозгу, вызванныхъ видомъ пищи и воспоминаніемъ о ея дѣйстви. Эти движенія (и крики) продолжаются до тѣхъ поръ, пока пища не будетъ поднесена ко рту. Но ребенокъ еще не сознаетъ связи между своими движеніями и насыщеніемъ, стремленіе еще

*) Petzold. *Eh. d. r.* E. 125. Переводъ мѣстами приблизительный.

отсутствует, потому мы имѣемъ здѣсь передъ собою только аффективный, но еще не аппетитивный рядъ (такъ наз. Авенариусъ волевой рядъ).

1) Когда ребенокъ случайно, или съ чужою помощью схватываетъ пищу и подноситъ ее ко рту, то на лицо имѣется „успѣшное движеніе“. При дальнѣйшемъ повтореніи его составныя части, не имѣющія отношенія къ его успѣшности, могутъ быть каждый разъ иными, а потому они не упрочиваются и отпадаютъ, успѣшное движеніе такимъ образомъ укрѣпляется и очищается отъ ненужныхъ сопутствующихъ ему движеній. Психическая сторона этого наиболѣе несовершеннаго аппетитивнаго ряда такова: ощущеніе голода; зрѣлище пищи, охарактеризованное удовольствіемъ; воспоминаніе о прежнихъ актахъ насыщенія; чувство ожиданія; воспріятіе собственнаго движенія (виртуаль), воспріятіе „вниманія“ и напряженности (коаффеціоналы); и наконецъ ощущенія и характеры, связанные съ самымъ пріятіемъ пищи.

Собственныя движенія воспринимаются частью посредствомъ осязанія и зрѣнія, частью при помощи мускульнаго чувства. Весь этотъ рядъ явленій, взятый вмѣстѣ, Авенариусъ называетъ акціокомплексомъ. Комплексъ этотъ особенно ярко окрашенъ виртуальнымъ характеромъ. Собственныя движенія воспринимаются иначе, чѣмъ внѣшнія движенія, они связаны съ такъ называемымъ чувствомъ работы, т.-е. съ радостнымъ чувствомъ свободной дѣятельности, тратящей свободные запасы энергіи, или непріятнымъ чувствомъ перерасхода энергіи, или наконецъ вынужденнаго бездѣйствія. Связь ихъ съ аффеціональными характерами, а также связь съ вызывающими ихъ потребностями, нуждами и съ слѣдующими за ними пріятно окрашенными устраненіями этихъ жизнеразностей—выдѣляетъ ихъ въ совершенно особую группу, надѣляя ихъ характеромъ активности и тѣсной связности съ комплексомъ „я“.

Итакъ виртуальнымъ характеромъ по Авенариусу окрашены всѣ тѣ явленія, которыя мы характеризуемъ, какъ отъ насъ исходящія.

Если мы воспринимаемъ какое-нибудь наше произвольное движеніе, то конечно виртуальный характеръ при этомъ

будетъ ничтоженъ: воспріятіе такого движенія отличается отъ воспріятія не нашего движенія, такъ какъ связано съ мускульнымъ чувствомъ, но оно находится внѣ связи съ теченіемъ нашихъ представленій, т. е. потребностей, воспоминаній, надеждъ и тому под. Именно непосредственная связь между этими „внутренними“ явленіями и нашими движеніями, заставляетъ насъ квалифицировать послѣднія, какъ активныя, произвольныя и т. п.

Выше мы употребили выраженія: чувство ожиданія, вниманія, и напряженности. Когда рядъ явленій А, В, С становится привычнымъ, то при наступленіи членовъ А, В въ мозгу возникаетъ особый процессъ, отражающійся въ психикѣ, какъ представленіе С; такого рода постановка представленія называется ожиданіемъ явленія С. Вниманіе же и напряженность суть коэффекціоналы, источникомъ которыхъ является сокращеніе мускуловъ головы и въ особенности мускуловъ глазного аппарата.

Когда мы имѣемъ на лицо чувство активности и вмѣстѣ съ тѣмъ ожиданіе, вниманіе и напряженность, то такой комплексъ мы называемъ стремленіемъ.

2) Если мы удалимъ отъ ребенка пищу настолько далеко, что тѣ „успѣшныя движенія“, къ которымъ онъ привыкъ, уже не приводятъ къ удовлетворенію, то мы будемъ наблюдать вторую ступень развитія аппетитавнаго жизненнаго ряда. Движенія, происходящія отъ иррадіаціи основной жизнеразности, усилятся. Мы уже имѣемъ стремленіе къ пищѣ, здѣсь оно будетъ проявляться въ усиленной формѣ и при томъ безуспѣшно. Ряды разнообразныхъ движеній будутъ слѣдовать въ этомъ случаѣ одинъ за другимъ, пока наконецъ не выработается новый акціокомплексъ, отличный отъ предыдущаго. Нѣкоторые его компоненты могутъ прямо противорѣчить прежде выработанному акціокомплексу, такъ что оба акціокомплекса окажутся взаимно-исключающими другъ друга.

3) Теперь при повтореніяхъ опыта могутъ явиться оба акціокомплекса, но только въ формѣ мысли, т. е. въ видѣ незаконченныхъ иннервацій. Если эти, сразу воспослѣдовавшія иннерваціи окажутся одинаково сильными, то въ виду того, что они исключаютъ другъ друга, не можетъ воспослѣ-

довать никакого результата, наступает, „моторный конфликт“, который может закончиться лишь вслѣдствіе усиленія или ослабленія одной изъ группъ иннервацій. Психически это отразится, какъ колебаніе. Итакъ для 3-й ступени типично „взвѣшиваніе нѣсколькихъ средствъ“, могущихъ служить для достиженія „цѣли“.

4) Четвертая ступень будетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ пища появится передъ ребенкомъ, не какъ объективное явленіе, а какъ представленіе. Чередованіе чувства голода и воспріятія пищи стало привычнымъ, и теперь жизнеразность „голодь“ распространяется на ту частную систему мозга, которая функционировала прежде вслѣдствіе появленія въ средѣ пищи, теперь эта частная система ослабленно функционируетъ подобнымъ же образомъ, получая импульсъ изнутри отъ жизнеразности „голодь“, — въ сознаніи появляется психическій образъ пищи. Обычные акціокомплексы разыгрываются теперь такъ же какъ „внутренніе процессы“. Возникаетъ несравненно больше мыслей и т. п., чѣмъ когда пища имѣлась въ дѣйствительности на лицо. Когда пища дана въ дѣйствительности, то возбуждаются главнымъ образомъ двигательные центры, что сопровождается рѣзкими аффеціональными характеристиками; если же она является лишь въ формѣ представленія, то въ возбужденіе приходятъ главнымъ образомъ центры чувствительные, т. е. тѣ, которые обыкновенно дѣйствуютъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій, въ каковомъ случаѣ это отражается въ зависимомъ ряду, какъ разнаго рода воспріятія, въ случаѣ же опосредствованнаго внутренняго возбужденія, функции ихъ отражаются какъ представленія, болѣе или менѣе абстрактныя, являются воспоминанія, фантастическіе образы, грезы и т. д. Модификація виртуала, наступающая въ случаѣ перевѣса „мыслей“ надъ „дѣйствіями“, наз. желаніемъ.

5) Пятая ступень есть хотѣніе или воля. Этотъ рядъ мы имѣемъ тамъ, гдѣ при наличности желанія вниманіе направлено на препятствія къ его осуществленію. Въ нашемъ примѣрѣ пища можетъ находиться, положимъ, въ шкапу. Дитя схватываетъ дверцу шкапа и тянетъ ее къ себѣ; это не удается, желаніе направляется теперь на устраненіе препятствія т. е. дверцы; образованный уже раньше характеръ стремленія

является теперь модифицированнымъ, какъ стремленіе устранить препятствія, но стремиться устранить препятствіе, считать это препятствіе устранимымъ, значить сознать за собою „силу“, „мощь“, борющуюся съ препятствіемъ. Этимъ заканчивается развитіе аппетитивнаго ряда.

Воля есть такимъ образомъ сложная модификація двигательнаго ощущенія. Свобода есть чувство мощи, т. е. чувство свободы возникаетъ тамъ, гдѣ происходитъ успѣшное устраненіе препятствій къ достиженію цѣлей.

Индивидъ, сознающій за собою возможность устранить всѣ препятствія къ достиженію поставленной имъ себѣ цѣли — чувствуетъ себя свободнымъ, могучимъ. Это чувство можетъ быть обусловлено лишь наличностью громаднхъ, постоянно обновляемыхъ, прекрасно-организованныхъ запасовъ энергіи, что даетъ себя знать постоянными положительными коаффеціоналами. Если же какому-нибудь органу будетъ недоставать работы, и питанію поэтому угрожать дезорганизация въ результатѣ перенасыщенности элементовъ даннаго органа, то, вопреки А. Богданову, возникнетъ жизнеразность весьма тягостная, которая можетъ быть устранена прежде всего соотвѣтственнымъ упражненіемъ.

Надѣмся, что читатель оцѣнитъ огромное ориентирующее значеніе изложенныхъ здѣсь теорій аффеціонала, коаффеціонала и виртуала.

6. ПРЕВАЛЕНЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Всякій знаетъ изъ простѣйшаго самонаблюденія, что поле нашего сознанія, какъ и поле зрѣнія неравномѣрно; какъ въ полѣ зрѣнія мы ясно видимъ лишь ограниченную часть всего цѣлаго, а периферія его становится по мѣрѣ удаленія отъ пункта наияснѣйшаго зрѣнія все болѣе туманной, такъ и въ сознаніи мое вниманіе занято всегда однимъ какимъ-нибудь внѣшнимъ или внутреннимъ процессомъ, другіе остаются какъ-бы полусознательными, а нѣкоторые лежатъ и вовсе за границею сознанія. Постоянное присутствіе ихъ сказывается только постоянной возможностью направить или точнѣе перенести вниманіе и на нихъ. Тѣ элементы, которые лежатъ ниже порога сознанія, но могутъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ подняться до него, Авенаріусъ называетъ мертвыми величинами. Среди нихъ какъ-бы возвышается ограниченная группа вполне сознаваемыхъ элементовъ. Словно свѣтъ прожектора освѣщаетъ одни мѣстности, оставляя остальные во мракѣ. При нормальныхъ условіяхъ вниманіе наше скользитъ, такъ что прежде вполне сознаваемое переходитъ въ темноту, падаетъ до степени мертвой величины, а мертвыя величины поднимаются до сознательности.

На это явленіе можетъ быть двѣ точки зрѣнія. Сторонники Вундтовской теоріи апперцепціи понимаютъ его именно по аналогіи съ прожекторомъ: мы активно направляемъ вниманіе такъ или иначе, вещи же совершенно пассивны; наоборотъ школа Гербардта считаетъ фактъ направленія вниманія лишь результатомъ борьбы самихъ воспріятій, представленій и т. д.

Они какъ-бы толпятся, по Гербардту, отталкивая и попирая одно другое, заключая иногда союзы, достигая свѣтлой вершины и срываясь оттуда. По Вундту, вниманіе подвижно и выбираетъ въ мірѣ—что бы такое ему освѣтить;

по Гербардту, вниманіе есть озаренная свѣтомъ узенькая площадка, на которую давятъ, къ которой стремятся со всѣхъ сторонъ различные элементы міра.

Авенариусъ называетъ различную степень сознаваемости того или другого явленія—преваленціальнымъ характеромъ его. Преваленціальный характеръ начинается отъ смутной сознаваемости, лежащей рядомъ съ „мертвыми величинами“, проходитъ высшую ясность сознанія: внимательное изслѣдованіе явленія, — и можетъ перейти снова въ состояніе безсознательности, въ томъ случаѣ, если рядомъ съ даннымъ явленіемъ возникаетъ множество другихъ, одинаково зовущихъ наше вниманіе, настойчивыхъ и яркихъ: при такомъ богатствѣ элементовъ, обладающихъ равно высокимъ преваленціаломъ, наступаетъ головокруженіе, растерянность и иногда даже обморокъ.

Итакъ Авенариусъ констатируетъ паденіе элементовъ (превращеніе ихъ въ мертвую величину), возвышеніе ихъ до сознательности и превышеніе границы сознанія при возвышеніи (одновременномъ) несоразмѣрно большого числа элементовъ.

По отношенію къ обѣимъ вышеупомянутымъ точкамъ зрѣнія Авенариусъ занимаетъ среднее и высшее положеніе.

Это ясно конечно уже изъ общаго взгляда Авенариуса на жизнь мозга.

Если раздраженія среды привычны и вызываютъ только жизнеразности перваго порядка, то мы будемъ имѣть состояніе тусклаго сознанія, среда будетъ восприниматься, какъ нѣчто безразлично ровное; состояніе равнозначимости переживаній свидѣтельствуетъ о наличности исключительно жизнеразностей перваго порядка.

Съ возбужденіемъ жизнеразности высшаго порядка равнозначимость прекращается; тѣ элементы среды, которые возбудили жизнеразность высшаго порядка, окажутся въ центрѣ вниманія, они подымутся до ясной сознаваемости. При этомъ организмъ можетъ быть пассивнымъ; напр., я иду по дорогѣ въ состояніи безразличія, внезапно черезъ дорогу стрѣлой проносится заяцъ; я испуганъ, я не понимаю, что это такое? потомъ догадываюсь, что это былъ за-

ящъ,—жизнеразность разрѣшена, а энергичная работа, возбужденная испугомъ прекращается иррадіаціей нервной энергіи на ближайшіе двигательные центры: я смѣюсь надъ неосновательностью моего испуга.

Но предметъ можетъ подняться до значительнаго преваленціала, вслѣдствіе внутреннихъ органическихъ условій, въ каковомъ случаѣ мы полагаемъ, что активно направили на него вниманіе, напр.; въ мозгу моемъ медленно протекаютъ почти не отражающіеся въ сознаніи процессы, но вотъ органы пищеваренія даютъ знать при посредствѣ центростремительныхъ нервовъ объ отсутствіи въ нихъ запасовъ „полуфабрикатовъ“ пищи; возникаетъ жизнеразность голода, для устраненія которой особую цѣнность представляютъ пищевые продукты, которые поэтому поднимаются до сознаваемости. Итакъ въ тѣхъ случаяхъ, когда элементъ среды поднимается въ нашемъ сознаніи, т.-е. возбуждаетъ жизнеразность высшаго порядка неожиданно для насъ, т.-е. внѣ связи съ предыдущими жизнеразностями, мы говоримъ, что онъ „обращаетъ на себя наше вниманіе“. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда преваленціальная цѣнность элемента среды поднялась благодаря наличности жизнеразности, вытекшей изъ состоянія нашего организма, поднялась благодаря роли, которую можетъ сыграть этотъ элементъ въ устраненіи данной жизнеразности, мы говоримъ, что „обратили на него наше вниманіе“.

Любопытно, что сознаваемость переживаній, т.-е. общій преваленціалъ даннаго момента возрастаетъ сначала въ зависимости отъ количества жизнеразностей высшаго порядка. Если мы говоримъ, что живемъ полной, содержательной и сознательной жизнью, то это значитъ, что у насъ возникаетъ постоянно много жизнеразностей высшихъ порядковъ, при этомъ если жизнеразности эти быстро и свободно разрѣшаются, то мы будемъ чувствовать себя побѣдоносными, торжествующими, упоенными борьбой и т. д. Если же большинство этихъ жизнеразностей не приходитъ къ концу, а напротивъ растетъ, то аффекціоналъ будетъ отрицательнымъ: мы будемъ чувствовать себя вѣчно озабоченными, исполненными тревоги и т. д. Но допустимъ, что количество одновременныхъ жизнеразностей высшаго по-

рядка все возрастаетъ, наступить моментъ, когда питаніе не будетъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ запросамъ. Особенно легко наступить этотъ моментъ при неразрѣшимыхъ, тяжелыхъ жизнеразностяхъ: у человѣка „голова кругомъ идетъ отъ тяжелыхъ думъ“, онъ „теряется“, онъ „подавленъ“, онъ „измученъ“, „близокъ къ умопомѣшательству“, въ острые моменты онъ можетъ потерять сознание.

Но въ рѣдкихъ случаяхъ даже легко разрѣшимыя жизнеразности могутъ повести къ потерѣ сознанія, такой толпой могутъ они хлынуть на насъ. Особенно для слабыхъ организмовъ, напр. женщинъ, возможно, что „голова закружится“ отъ радости, успѣха и т. п. Внезапная и очень большая радость возбуждаетъ въ мозгу столь огромную дѣятельность, столь большую массу различныхъ жизнеразностей, что можетъ такъ же вызвать обморокъ, какъ и огромное горе.

Возьмемъ примѣръ. Мать увѣрилась, что сынъ ея утонулъ во время морского путешествія. Извѣстіе объ этомъ нѣкогда сразу вызвало обморокъ. Теперь она живетъ пониженной жизнью, въ нѣкоторыхъ частныхъ системахъ ея мозга идетъ постоянная работа: каждый взглядъ на его комнату, его вещи, на другихъ сыновей ея и т. д. напоминаетъ о потерѣ и вызываетъ въ сознаніи, подымаетъ преваляенціально представленіе о томъ, что онъ мертвъ, что это дорогое тѣло ѣдятъ теперь рыбы на днѣ океана, что она никогда ужъ не приласкаетъ его, не улыбнется ему.

Представленіе о дорогой личности есть нѣчто вошедшее въ равновѣсіе мозга, какъ необходимое условіе его гармоничной жизни; масса привычныхъ реакцій, представлений, чувствъ и идей связано съ сознаніемъ того, что живетъ эта дорогая личность: отнимите ее — планы рушатся, нѣжность не удовлетворяется и обычные представленія ассоціативно связываются съ ужасными образами смерти, разложенія и т. д.

Организмъ матери теперь снова пришелъ въ равновѣсіе, но пониженное. Часть отпавленій дезорганизована. Системы, функціонированіе которыхъ отражалось въ нѣжныхъ ласкахъ и заботахъ, внезапно перестаютъ дѣйствовать. Сна-

чала жизнеразность перенакопления энергии въ нихъ выражалась въ страстныхъ порывахъ, сновидѣнiяхъ и галлюцинаціяхъ, въ безумныхъ поцѣлующъ, расточаемыхъ его вещамъ. Потомъ послѣдовала частичная атрофія ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ системъ. Жизнь почти вся „утеряла интересъ“, т. е. многое преваленціально упало и перестало аффекціонально окрашиваться, такъ какъ все это возбуждало вниманіе и удовольствіе или неудовольствіе только какъ нужное „ему“, который былъ такъ нуженъ. Его нѣтъ теперь, и все стало безразличнымъ.

Запросъ на питаніе уменьшается. Отсюда паденіе аппетита, отражающееся ослабленіемъ и на другихъ органахъ, общая вялость и недомоганіе является естественнымъ результатомъ этого.

И вдругъ, мнимо погибшій возвращается и съ крикомъ: „мама!“ бросается къ матери. Вся нервная система ея приходитъ въ движеніе,—все то, что отмерло, всѣ полузаржавѣвшія колеса механизма.

Постоянная рана, огромная жизнеразность, отражавшаяся какъ мысль: „его нѣтъ, чѣмъ же жить?“ — сразу разрѣшена. Возникаетъ цѣлое смятеніе, вѣсть какъ бы передается во всѣ закоулки мозга, и все принимается за работу. Кровь приливаетъ къ мозгу, но ея не можетъ хватить на покрытие громадныхъ запросовъ, на разрѣшеніе тысячъ жизнеразностей, внезапно снова возникшихъ въ мозгу.

Основной аффекціональный тонъ — радость,—отвѣчаетъ устраненію коренной жизнеразности, превратившейся было въ хроническую брешь, черезъ которую уходила жизнь соотвѣтствующихъ системъ. Но рядомъ возникаютъ новыя жизнеразности: онъ живъ, эта идея, сразу устранившая главную причину скорби, ведетъ за собою множество вопросовъ: здоровъ ли онъ? не изстрадался ли слишкомъ? въ какихъ ужасныхъ положеніяхъ былъ? И вмѣстѣ съ тѣмъ работа всѣхъ системъ нѣжности, надежды, материнской гордости возобновляется съ болѣе чѣмъ прежней силой, между тѣмъ, какъ доставка питанія къ нимъ давно понижена. Всѣ эти жизнеразности легко устранимы: надо только задать тысячу вопросовъ сразу, осыпать тысячью ласкъ, назвать тысячью нѣжнѣйшихъ именъ, и накормить, и дать отдохнуть,

и налюбоваться, и все рассказать, что было пережито. Все это легко и приятно, но возникающихъ мыслей и желаній (жизнеразностей) такъ много, что разрѣшая одну, оставляешь неразрѣшенными тысячи другихъ.

„Ты живъ!“ восклицаетъ мать, бросаясь къ нему. Тысяча мыслей, образовъ, опасеній, желаній мелькаетъ въ ея головѣ, все идетъ кругомъ, и она падаетъ безъ сознанія: организмъ властно требуетъ отдыха отъ губительной траты силъ, и прибѣгаетъ къ крайнему жизненному приспособленію, къ временной приостановкѣ жизни мозга.

Итакъ наивысшая сознательность отвѣчаетъ средней возбужденности, существуетъ недовозбужденность и перевозбужденность. Недовозбужденность можетъ перейти въ сонъ, т.-е. мозгъ можетъ прекратить работу за отсутствіемъ надобности въ ней; перевозбужденность въ обморокъ, причемъ работа прекращается вслѣдствіе чрезмѣрныхъ тратъ ею возбуждаемыхъ. Въ основѣ того и другого явленія лежитъ вѣроятно недостаточное питаніе центровъ сознанія. Въ первомъ случаѣ работа такъ незначительна, что притокъ питанія уменьшается, пока то и другое не падаетъ ниже опредѣленнаго порога, порога бодрствованія; во второмъ случаѣ всѣ запасы расходуются со страшною быстротой, и работа прекращается за отсутствіемъ силъ. Очевидно, что въ этомъ второмъ случаѣ человѣкъ долженъ „очнуться“ немедленно, какъ только кровообращеніе нѣсколько возстановитъ силы.

Что касается пониженной жизни, могущей привести къ сну, то надобно отмѣтить, что, если пониженная жизнь, абсолютная равнозначимость впечатлѣній, т. е. отсутствіе жизнеразностей высшаго порядка; наступаетъ тамъ, гдѣ въ наличности не имѣется предыдущаго общаго перерасхода (утомленія), то организмъ протестуетъ, является въ сознаніи особое чувство досады, скуки, даже утомительной скуки — признаки жизнеразности перенакопленія. Однако, если убѣжать отъ этой скуки некуда, если вы осуждены напримѣръ, сидя въ полутемной киркѣ слушать длиннѣйшую, монотоннѣйшую моральную проповѣдь весьма почтеннаго стараго пастора, то поискавъ глазами чего-нибудь интереснаго, подумавъ о томъ, о другомъ, подосадовавъ, вы зѣвнете разъ и другой, и десятый и, наконецъ, засыпаете

быть может. Это такъ сказать насильственное пониженіе сознанія, гипнозъ, приостановка работы мозга путемъ монотонности внѣшнихъ впечатлѣній и полной невозможности найти исходъ для накопленныхъ силъ, хотя-бы онѣ и имѣлись.

Напротивъ, при наличности перерасхода, т.-е. когда вы утомлены, вы жаждете тихой, темной комнаты, чтобы скорѣе прекратить вредную теперь работу, вы гоните мысли и твердите: „не думать теперь — утро вечера мудренѣе“. И если шумъ, свѣтъ, мысли будятъ васъ, или не даютъ заснуть, вы опять-таки испытываете досаду и говорите, что вамъ надоѣдаютъ, докучаютъ и т. д.

И такъ паденіе преваленціальной характеристики сопровождается отрицательнымъ аффекціоналомъ при наличности, перенасыщенности элементовъ системы С., — оно сопровождается положительнымъ аффекціоналомъ при перерасходѣ. При перерасходѣ съ другой стороны преваленціалы имѣютъ склонность къ пониженію, переживанія уравниваются до равнозначимости; при перевѣсѣ же ассимиляціи переживанія представляютъ изъ себя какъ бы весьма волнообразную поверхность, гдѣ многое рѣзко приподнято и интенсивно освѣщается сознаніемъ.

Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ важный для теоріи искусства: для лицъ, группъ и классовъ, страдающихъ перерасходомъ, искусство должно создавать тихія и успокаивающія, полныя „настроенія“ произведенія, не только гармонизирующія но и понижающія работу мозга. Для лицъ, полныхъ силъ, такое искусство было бы скучнымъ. Наоборотъ, требуемое послѣдними искусство, повышающее работу мозга, для утомленныхъ эстетовъ грубо, навязчиво, крикливо и т. п.

Всѣ эти явленія врядъ ли могутъ такъ объясняться съ точки зрѣнія г. Богданова.

Кромѣ общаго формальнаго преваленціала, Авенаріусъ устанавливаетъ еще матеріальный, который основывается на явленіяхъ т. наз. контраста. Такъ, красный цвѣтъ менѣе замѣтенъ на оранжевомъ фонѣ, чѣмъ на сине-зеленомъ, любой звукъ кажется громче въ тишинѣ, любой свѣтъ ярче въ темнотѣ и т. д.

Формальный преваленціалъ зависитъ отъ значительности соотвѣтственной жизнеразности высшаго порядка, матеріальный отъ несходства формы и величины данной жизнеразности съ формой и величиной предыдущей. Это совершенно понятно само собою. Въ самомъ дѣлѣ, жизнеразности первого порядка суть привычныя жизнеразности. Итакъ, преваленціально болѣе яркое переживаніе находится въ зависимости отъ несходства соотвѣтствующей жизнеразности съ привычными; но привычка есть вещь относительная: ко всякому переживанію мы привыкаемъ, какая угодно жизнеразность, разъ она не угрожаетъ существованію организма и превращается въ хроническую, или періодически устраняется и вновь возникаетъ, — неминуемо падаетъ въ преваленціальномъ отношеніи. Я вообще привыкъ къ извѣстной обстановкѣ; но дождь мороситъ только съ сегодняшняго утра, однако я уже привыкъ къ нему, уже примирился съ нимъ, и если солнце вдругъ засіяетъ, то этотъ неожиданный фактъ тѣмъ ярче отразится въ моемъ сознаніи. Эфемерная привычность отличается отъ общей привычности лишь степенью. Когда я наблюдаю оранжевый фонъ, то создается какъ-бы поверхностная привычка глаза, которую родственный красный цвѣтъ нарушаетъ меньше, чѣмъ контрастирующій сине-зеленый.

Всякое измѣненіе функцій какой либо частной системы, чтобы быть замѣтнымъ, должно быть значительнымъ. Извѣстна шутка Гаварни съ превращеніемъ портрета Луи-Филиппа въ изображеніе груши при посредствѣ ряда едва замѣтныхъ переходовъ на сотнѣ рисунковъ.

Рѣзкое измѣненіе функціи испытывается какъ непріятный толчекъ, ибо требуетъ сразу значительной затраты силъ, измѣненіе же замѣтное, но по характеру близкое предыдущему процессу составляетъ съ нимъ гармонію. Монотонность пріятна для усталого, но утомительна для системы С. насыщенной энергіею; гармоничныя модуляціи при нормальныхъ условіяхъ наиболѣе пріятны, т. к. онѣ разряжаютъ накопленную энергію въ случаѣ насыщенности системы, и умѣряютъ расходъ въ случаѣ утомленности ея, замѣняя собою беспорядочную смѣну переживаній. Задачей искусства поэтому является организовать гармоничную

смѣну переживаній, какъ простѣйшихъ (красокъ, тоновъ, линій и т. д.) такъ и сложныхъ (идей, чувствъ). Логика искусства—это умѣніе давать такія смѣны, которыя мы, по аналогіи съ наиболѣе экономной смѣной идей называемъ логичными.

Контрастъ вообще болѣзненъ, если только мы не имѣемъ нужды въ расходованіи силъ или не стремимся заглушить какую-нибудь жизнеразность, хотъ временно-болѣе сильною, словомъ, если мы не „ищемъ бурь“.

Мы можемъ сказать, что преваленціалъ (степень сознаваемости) даннаго переживанія зависитъ отъ степени различія его отъ привычныхъ переживаній вообще и отъ предыдущихъ въ частности.

Естественно поэтому, что, отмѣчая какое-нибудь явленіе, мы отмѣчаемъ именно то въ немъ, что отличаетъ его отъ другихъ.

Называніе вещи есть словесная модификація преваленціала: мы называемъ вещь, поскольку мы ее желаемъ отличить отъ другихъ. Если же мы захотимъ дать названной вещи опредѣленіе, то мы вынуждены будемъ именно перечислить ея отличія.

Когда я говорю „тѣло“, то я свидѣтельствую этимъ, что различаю въ данномъ явленіи непреходящіе, постоянные его элементы, совокупность которыхъ я выдѣляю и обозначаю словомъ „тѣло“. Ести я буду опредѣлять понятіе тѣло, т. е. раскрывать его содержаніе, то я опредѣляю его, какъ то, что „остается неизмѣннымъ въ данномъ потокѣ воспріятій“. Такимъ образомъ опредѣленіе сводится къ возможно краткому и полному перечисленію отличій опредѣляемаго, т. е. того именно, на чемъ основана его преваленціальная цѣнность.

Силошь и рядомъ, въ повседневной жизни, опредѣленія даются „поверхностные“, т. е. исходящіе изъ субъективнаго и лишь данному моменту свойственнаго преваленціала.

Напр., желая обратить вниманіе во время ночной выюги на смутно чернѣющій вдали предметъ, я восклицаю: „человѣкъ!“ и опредѣляя это слово: „человѣкъ“—вонъ это, что чернѣетъ (въ отличіе отъ мутно-бѣлаго фона), вотъ то, что подвинулось направо (въ отличіе отъ неподвижнаго) и т. д.

При другихъ условіяхъ я могу сказать: „всякій человекъ возмутится этимъ насиліемъ“. И если меня попросятъ опредѣлить, что я разумѣю подъ словомъ „человѣкъ“, я скажу: „человѣкомъ я называю тѣхъ представителей вида Homo Sapiens, которые умѣютъ себя ставить на мѣсто другого, тѣхъ же, кто можетъ равнодушно проходить мимо чужого страданія и униженія я называю животными безчеловѣчными.“

Очевидно, что все это субъективныя опредѣленія, опредѣленія ad hoc. Полное же научное опредѣленіе означало бы перечисленіе тѣхъ отличій опредѣляемаго, которыя свойственны всему классу, обозначаемому даннымъ терминомъ, и наличности которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достаточно для отнесенія опредѣляемаго къ данному классу.

Изъ этого видно, что научная классификація покоится на критически очищенномъ и возвышенномъ до всеобщности преваленціалѣ.

АДАПТИВНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Адаптивными характерами Авенаріусъ наз. въ высшей степени важный рядъ особыхъ психическихъ окрасокъ, въ которыхъ являются намъ элементы среды, именно окрасокъ чего-то извѣстнаго или неизвѣстнаго, привычнаго или непривычнаго и т. д.

Познаніе не есть во всемъ своемъ объемѣ логическій и чисто раціональный процессъ, — базисы познанія даны въ непосредственномъ опытѣ, какъ факты чувственно-психологическаго характера: непознанное и незнакомое съ одной стороны и познанное, извѣстное съ другой. Лишь путемъ критической организаціи человѣческаго опыта мы приходимъ къ высшимъ, яснымъ и чистымъ понятіямъ неизвѣстнаго и познаннаго, первоначально же, въ сферѣ субъективнаго или группового неорганизованнаго опыта роль ирраціональнаго чувства „извѣстности“, „ясности“, „привычности“ была громадна, и теперь еще научное представленіе о познаніи не мыслимо безъ осторожной критики

адаптивныхъ характеровъ, часто ведущихъ людей совершенно ложными путями.

Адаптивные характеры распадаются на двѣ основныя группы: на иденціалы и фиденціалы.

Человѣкъ имѣетъ способность узнавать предметы и явленія, т.-е. находить сходство и различія. Если мы сравниваемъ два сложныхъ объекта, то конечно мы продѣлываемъ при этомъ особую умственную операцію; однако сущность ея сводится къ разложенію объектовъ на элементы и къ сравненію простѣйшихъ элементовъ, которое не можетъ имѣть въ своей основѣ ничего иного, какъ особое чувство тождества.

Физиологически мы имѣмъ передъ собою процессы, совпадающіе или несовпадающіе между собою, психически же объекты являются намъ въ особой окраскѣ: окраску различности Авенаріусъ наз. гетеротой, окраски тождества таутотой.

Когда передъ нами оказывается какой-нибудь объектъ, обладающій болѣе или менѣе высокимъ преваленціальнымъ характеромъ и мы узнаемъ его, признаемъ за тотъ же самый, это значитъ, что первоначально возникшая жизнеразность, опредѣляется т.-е. вступаетъ на путь раньше имѣвшей мѣсто жизнеразности; въ обратномъ случаѣ, т.-е. когда возникаетъ чувство различія съ нѣкоторымъ другимъ объектомъ, это означаетъ, что жизнеразность не опредѣленная и въ общихъ чертахъ сходная съ раньше имѣвшей мѣсто опредѣляется, какъ иная во многихъ или во всѣхъ своихъ компонентахъ. Так. обр. гетеротѣ и таутотѣ физиологически соотвѣтствуютъ колебанія данной жизнеразности отъ нѣкоторой другой, болѣе или менѣе привычной, или по направленію къ ней.

Кромѣ безусловныхъ характеровъ гетероты и таутоты имѣется конечное ихъ смѣшеніе, когда нѣкоторые компоненты сравниваемыхъ объектовъ совпадаютъ, а другіе разнятся. Так. обр. огромное количество важныхъ психическихъ явленій оказывается модификаціями иденціала. Такъ напр. измѣненіе (продолжающееся сходство большого количества компонентовъ при возникающемъ несходствѣ меньшаго), число (поскольку оно цѣликомъ основывается

на повтореніи тождественнаго), движеніе (послѣдовательная комбинація тождественнаго съ различными пространственными воспріятіями). Сюда же относится обобщеніе (причемъ сходные компоненты приобрѣтають преимущественную преваленціальную окраску), а также понятія правила и исключенія и т. д.

Очень важно слѣдующее замѣчаніе Авенаріуса. Если какая-ниб. психическая цѣнность слита въ сознаніи какого-либо индивида съ характеромъ чего-то познанныго, несомнѣннаго и т. д., а другой индивидъ выставляетъ противоположную психическую цѣнность какъ обладающую тѣми же характерами, или если такія противоположныя психическія цѣнности приобрѣли въ сознаніи одного и того же индивида, но въ разное время, такіе характеры, а потомъ вдругъ возникаютъ одновременно, — то въ сознаніи немедленно возбуждается большее или меньшее замѣшательство и беспорядочная смѣна переживаній, характерная для особаго рода жизнеразности, дѣлающейся все болѣе несносной и мучительной; это состояніе духа мы называемъ сомнѣніемъ или сознаніемъ противорѣчія.

Такъ какъ для возникновенія такого душевнаго состоянія необходимо противопоставленіе различныхъ мнѣній, т.-е. „отраженій“ дѣйствительности, то сомнѣніе по Авенаріусу является словесной или „діалектической эпихарактеристикой“. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь очевидно въ окраскѣ гетероты являются два акта сознанія, которые словесно характеризуются та у то той. Психическая цѣнность А отличается отъ психической цѣнности В, даже находится съ нею въ контрастѣ, но въ то же время и А и В должны быть адекватными отраженіями того же самаго истиннаго, а это невозможно. Въ основѣ сомнѣнія лежитъ идея существованія истины, подлинной дѣйствительности, и ея отраженій—теорій, мнѣній и т. д. Ниже мы еще разъ остановимся на анализѣ діалектическихъ эпихарактеристикъ,—по поводу самой важной изъ нихъ—истины.

Что касается фиденціала, то онъ существенно отличается отъ иденціала тѣмъ, что первый указываетъ на отношенія между двумя или нѣсколькими объектами (сходство

и несходство), второй лишь на отношеніе между объектомъ и сознаніемъ (извѣстное и неизвѣстное) и т. п.

Фиденціальные характеры бываютъ трехъ родовъ: экзистенціальныя, секуральныя, нотальныя.

Въ мірѣ опыта человѣкъ различаетъ существующее, дѣйствительное и лишь кажущееся. При этомъ имѣются цѣлыя градаціи: солнце, которое сейчасъ свѣтитъ на небѣ обладаетъ высокимъ экзистенціаломъ, оно есть нѣчто несомнѣнно сущее; солнце, свѣтившее вчера, обладаетъ меньшимъ экзистенціаломъ, оно относится къ области прошлаго, а все настоящее представляется болѣе живымъ, болѣе достовѣрно сущимъ. Нарисованное солнце еще менѣе экзистенціально охарактеризовано, мы говоримъ о такомъ солнцѣ, что оно „не настоящее“, наконецъ, приснившееся солнце, или тѣ семь солнцъ, которыя свѣтятъ въ негритянскомъ аду, не обладаютъ равно никакимъ непосредственнымъ экзистенціаломъ,—это фикціи. При этомъ одна и та же вещь въ разное время и для разныхъ людей является въ болѣе или менѣе яркой экзистенціальной окраскѣ.

Главное фізіологическое основаніе экзистенціала—привычность характеризуемаго объекта.

Путешественникъ, вернувшійся изъ далекаго странствія рассказываетъ о всемъ видѣнномъ своимъ домохозяйкамъ сосѣдкамъ. Пока онъ передаетъ о такихъ нравахъ, которые не слишкомъ разнятся отъ привычекъ его слушателей, все рассказываемое имъ является для нихъ въ окраскѣ „дѣйствительно сущаго“.

Но чѣмъ „неслыханнѣе“ становятся комплексы элементовъ, которые вынуждаетъ у слушателей рассказчикъ, тѣмъ яснѣе показываютъ ихъ скрытыя усмѣшки и переглядыванія, что по ихъ мнѣнію ихъ хотятъ заставить принять за дѣйствительность — выдумку. Безсовѣстный карьеристъ легко предполагаетъ безпринципность и грубый расчетъ въ другихъ, идеальныя стремленія кажутся ему чѣмъ-то не реальнымъ, фиктивнымъ, и выраженіе ихъ онъ признаетъ по этому притворствомъ *).

*) Примѣры принадлежатъ Авенариусу.

Но причины экзистенціала не исчисляются степенями привычности. Позднѣ при анализѣ позиціонала мы увидимъ, что особенно высокой экзистенціальной окраской обладаетъ все, что воспринимается въ данный моментъ посредствомъ внѣшнихъ органовъ чувствъ, то что „здѣсь и нынѣ дано“.

Однако же всѣ эти экзистенціальные характеры, возникающіе въ силу привычности или непосредственности и яркости воспріятія объектовъ, сплошь и рядомъ приводятъ къ противорѣчіямъ. Человѣкъ постепенно становится выше руководства непосредственного экзистенціала.

Человѣкъ привыкъ видѣть движеніе солнца и ощущать неподвижность земли, онъ можетъ видѣть и ощущать то и другое въ данный моментъ, и тѣмъ не менѣе онъ знаетъ, что движеніе солнца и покой земли суть явленія кажущіяся, а въ дѣйствительности земля движется вокругъ солнца.

Здѣсь мы имѣемъ экзистенціалъ въ новой формѣ, здѣсь онъ уже не зависитъ отъ грубыхъ и непосредственныхъ физиологическихъ причинъ: дѣйствительнымъ является то, что безъ противорѣчія можетъ быть включено въ социальный опытъ, т. е. въ науку. Это важно отмѣтить. Благодаря этому непосредственный экзистенціалъ перестаетъ имѣть руководящее значеніе. Наука должна охватить все, а потому все въ ея глазахъ одинаково сущее, но то, что въ непосредственномъ опытѣ является въ одномъ отношеніи ко всему объему опыта, въ научномъ опытѣ пріобрѣтаетъ совсѣмъ иное положеніе. Движеніе солнца вокругъ земли тоже фактъ, конечно, но фактъ не физическій, а психическій: физически, т. е. поскольку мы изучаемъ солнце и землю въ ихъ отношеніяхъ по всему міру внѣшнихъ явленій, поскольку мы строимъ картину міра чуждую противорѣчій и обязательную для всѣхъ, т. е. поскольку организуемъ всеобщій опытъ относительно солнца и земли, послѣднее движется вокругъ перваго; въ сознаніи же отдѣльнаго человѣка, благодаря совершенно опредѣленнымъ условіямъ, возникаетъ ощущеніе движенія солнца: это тоже фактъ столь же дѣйствительный, только дѣйствительно-то это движеніе солнца именно какъ индивидуальное ощущеніе.

Отраженная въ зеркалѣ свѣча, конечно, дѣйствительна, но только какъ отраженіе. Безумень былъ бы тотъ, кто захотѣлъ бы закурить о нее папиросу; какъ свѣча эта свѣча конечно не настоящая, ибо она лишь отраженіе свѣчи, но она есть совершенно несомнѣнный фактъ. Въ индивидуальномъ сознаніи обѣ могутъ казаться подобными, въ наличномъ сознаніи обѣ будутъ считаться дѣйствительностью, но займутъ въ картинѣ міра совершенно разное мѣсто.

Читатель долженъ сдѣлать отсюда выводъ, что наука согласно эмпириокритицизму не можетъ и не должна ставить вопроса о сущности міра, о истинно сущемъ въ явленіяхъ и т. д. Всякое содержаніе опыта—сущее, все сознаваемое есть бытіе, но изъ этого всебытія мы выдѣляемъ и организуемъ объективное представленіе о мірѣ, т. е. строимъ такую картину міра, въ которой всѣ элементы опыта занимаютъ свои мѣста стройно и безъ противорѣчій, притомъ картину, удовлетворяющую всякій нормальный умъ. При этомъ окажется, что нѣкоторые элементы опыта занимаютъ совершенно опредѣленное мѣсто въ геометрическомъ пространствѣ, другіе же являются внѣ пространственными, лишь единичному субъекту доступными образами, которымъ пространственно соотвѣтствуютъ опредѣленные функціи мозга.

Вопросъ значить сводится теперь не къ тому, что бы руководясь колебаніями экзистенціала, найти наиболѣе экзистенціально цѣнное, т. е. истинно сущее, а къ тому, что бы организовать весь міръ опыта.

Это самый громаднѣйшій переворотъ, какой когда либо имѣлъ мѣсто въ духовной жизни человѣчества. Фактически онъ медленно совершался въ одной области за другой, но ясно формализованъ былъ лишь философами-натуралистами послѣдняго времени, главнымъ образомъ эмпириокритиками.

Изгнаніе экзистенціальной характеристики изъ познанія есть дѣло позитивизма, всякая метафизика цѣликомъ основывается на экзистенціалѣ (теорія силъ, сущностей и т. п.).

Лучше всего пойметъ читатель насколько возвышается

эмпириокритицизмъ надъ другими философскими направленіями изъ слѣдующихъ примѣровъ Авенариуса: „Схоласту богослову Богъ представлялся наивысшею реальностью, остальные вещи едва существующими“, иногда же весь міръ: „разъ онъ не вѣченъ“ казался „равнымъ ничто“. Тѣ мыслители, которые мало изслѣдовали индивидуальное, признавали истинно сущимъ лишь вѣчно возвращающееся, „общее понятіе“, „законъ“, „родъ“, потому что это постоянно возвращающееся, какъ болѣе для нихъ привычное, приобрѣтало болѣе сильную экзистенціальную окраску. Чѣмъ выше „родовое понятіе“, тѣмъ чаще, тѣмъ въ большемъ количествѣ отдѣльныхъ случаевъ можетъ оно быть примѣнено въ неизмѣнномъ видѣ, тѣмъ болѣе характеризуется въ словахъ нашего мыслителя, какъ „неизмѣнное“, „постоянное“, „необходимое“, тѣмъ ближе подходитъ къ наивысшему сущему. Высшая ступень экзистенціальности можетъ быть достигнута лишь такимъ „родомъ“, который не имѣетъ рядомъ съ собою никакого другого, но охватываетъ собою всѣ остальные. А съ тѣмъ вмѣстѣ высшее существо должно быть признано за неизмѣнное, вѣчное, за абсолютно абсолютное. Но формальная всеобщность есть въ тоже время матеріальная пустота, ибо съ ростомъ объема понятій уменьшается его содержаніе, и вотъ наступаетъ изумительный пунктъ въ исторіи человѣческаго духа, когда абсолютъ и ничто совпадаютъ, когда бытіе, оказывается равнымъ небытію (особенно философія восточнаго пантеизма).

Напротивъ мыслители, останавливающіе свое вниманіе на индивидуальномъ, естественно воспринимали въ экзистенціальной окраскѣ совершенно другое. Явленія сознанія, весьма измѣнчивыя и подвижныя, казались имъ менѣе истинно сущими, чѣмъ относительно постоянные комплексы элементовъ, т. е. тѣла. Создалась привычка считать истинно сущимъ лишь тѣлесное, психическое же, если и не равнымъ „ничто“, то крайне шаткимъ и экзистенціально индифферентнымъ. Различали дѣйствительность и мысль. Дошли до того, что желая придать и „духовному“ характеръ „сущаго“, опредѣляли его, какъ утонченно-тѣлесное. (Демокритъ, напр.). Если же мыслитель изучаетъ по пре-

имуществу отдѣльные факты сознанія, то высшій экзистенціаль пріобрѣтаетъ „сознаніе“, „ощущеніе“, „представленіе“.

Читатель представляетъ себѣ, какъ облегченно можемъ мы вздохнуть, отбросивъ всѣ эти школьные предразсудки, забывъ эти поиски „сущаго“, признавъ все равносущимъ, поставивъ себѣ лишь опредѣленную цѣль организовать всечеловѣческій опытъ полно, цѣлостно и гармонично.

Еще яснѣе сдѣлается это читателю по ознакомленіи съ понятіями Авенаріуса объ истинномъ.

Читатель помнитъ описаніе явленія моторнаго конфликта. Совершенно очевидно, что въ привычной для насъ обстановкѣ явленіе это имѣетъ мѣсто лишь крайне рѣдко, привычная обстановка вызываетъ лишь привычныя реакціи, напротивъ появленіе въ непосредственной средѣ нашей какого-либо непривычнаго элемента, немедленно вызываетъ колебанія, возникшая жизнеразность не находитъ сразу привычной моторной реакціи, возникаетъ сразу нѣсколько попытокъ устраненія жизнеразности, такъ какъ она распространяется одновременно на цѣлый рядъ частныхъ нервныхъ системъ по равно непривычнымъ путямъ. Такое фізіологическое явленіе отражается въ сознаніи тѣмъ, что непривычные элементы среды являются намъ въ этомъ случаѣ въ окраскѣ чего-то небезопаснаго, обезпокаивающаго, тревожнаго, не внушающаго довѣрія. При возвращеніи къ привычной обстановкѣ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается, что одна изъ привычныхъ реакцій въ силахъ устранить возбужденную непривычнымъ элементомъ среды жизнеразность,—появляется положительный аффекціональ, сопровождающій особое чувство вновь обрѣтенной увѣренности въ себѣ и въ средѣ.

Характеръ непривычнаго, тревожнаго и т. п. Авенаріусъ называетъ отрицательнымъ секуралемъ, характеръ привычнаго, внушающаго довѣрія положительнымъ секуралемъ.

Ребенокъ, привыкшій плотно прижиматься къ матери, выражаетъ явное чувство неувѣренности, когда она держитъ его въ отдаленіи отъ тѣла, и успокаивается, когда его опять обнимутъ.

При перемѣнѣ мѣста жительства, языка, при примѣне-

ніи новаго правописанія каждый ощущаетъ массу своеобразныхъ колебаній и общее пониженіе секуральныхъ цѣнностей. Секураль есть такимъ образомъ явленіе, зависящее отъ большей или меньшей привычности соотвѣтственнаго мозгового процесса. Отъ экзистенціала онъ отличается тѣмъ, что имѣетъ прямое отношеніе къ двигательнымъ реакціямъ, характеризуетъ объекты, такъ сказать, практически.

Ноталь объемлетъ собою характеры извѣстнаго и неизвѣстнаго и имъ подобныя. При этомъ не надо смѣшивать извѣстнаго и знакомаго какъ двухъ разновидностей нотла. Кто не служилъ въ военной службѣ, для того она не знакома, хотя, конечно, извѣстна. Для психологовъ-метафизиковъ душа была чѣмъ-то знакомымъ, для насъ она нѣчто незнакомое, хотя, конечно, намъ извѣстны ихъ опредѣленія души.

Нѣмецкіе термины „Bekannt“ и „Gekannt“ точнѣ нашихъ. Нѣмецкому; „kennst du NN?“ соотвѣтствуетъ русское: „слыхалъ ты о NN?“ т. е. знаешь ли ты, что онъ существуетъ, располагаешь ли вообще соотвѣтственнымъ слову NN понятіемъ? Нѣмецкому: „ist dir NN bekannt?“ соотвѣтствуетъ русское: „знакомъ ты съ NN?“

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою познавательную градацию. Все, что вообще присутствуетъ въ моемъ сознаніи, тѣмъ самымъ извѣстно мнѣ (ist gekannt), но далеко не все это мнѣ знакомо (bekannt); я долженъ еще привыкнуть къ извѣстному вообще, побѣдить въ немъ все явно окрашенное гатеротой при сравненіи со всѣми остальными элементами моего „познаннаго міра“, устранить отрицательный секураль, если таковой имѣется въ наличности, поставить его въ связь со всѣмъ міромъ моего опыта. Мнѣ извѣстно все, что я перцепирую, что механически присоединилось къ моему опыту, но знакомо мнѣ лишь то, что я апперцепирую, т. е. что основательно связывается, органически соединяется съ тѣмъ капиталомъ опыта, какимъ я располагаю.

Все, что я узнаю, я стремлюсь познать. Все, что вновь приводить въ мое сознаніе, что расширяетъ его границы—узнано мною, познано же лишь то, что возбуждаетъ

жизнеразность, устранимую привычными, урегулированными путями. По мѣрѣ того, какъ жизнеразность изъ непривычной, трудноустранимой превращается въ привычную, входитъ въ систему обычныхъ функцій мозга, мы констатируемъ въ сознаніи процессъ такъ называемаго познания.

Совершенно ясно однако, что переходъ отъ первоначальнаго нотала (первоначальнаго ознакомленія съ какимъ-либо элементомъ среды) къ окончательному ноталу вовсе не всегда совпадаетъ съ процессомъ научнаго познания. Какъ послѣдняя цѣнность этого процесса получается само собою понятное, самоочевидное, что далеко не всегда совпадаетъ съ научно познаннымъ.

Напримѣръ для дикаря переходъ послѣ смерти въ иной, но подобной нашему міръ, былъ чѣмъ-то само-собою понятнымъ. Для наивнаго сенсуалиста вещи и явленія суть нѣчто самоочевидное, для кантіанца-же какъ феномены такъ и ноумены являются сплошными загадками. Нашимъ предкамъ казалось самоочевиднымъ, что катящійся шаръ мало-по-малу останавливается самъ собою, для насъ-же это абсурдъ, а очевидно наоборотъ, что катящійся шаръ остановиться самъ собою не можетъ.

Въ результатѣ того-же процесса наивнаго субъективнаго познания, какъ его діалектическая модификація, является характеристика высказываній (теорій и т. п.), какъ самопонятныхъ, или абсурдныхъ, въ зависимости отъ того, насколько быстро и всесторонне возможно связать ихъ съ обычными нашими представленіями..

Человѣкъ, руководящійся непосредственнымъ наталомъ имѣетъ поэтому мало общаго съ критически мыслящимъ человѣкомъ. Самый яркій положительный наталъ можетъ окрашивать для него какую-нибудь теорію, абсурдную въ глазахъ науки, и напротивъ строго научная теорія можетъ обладать въ глазахъ того или иного лица рѣзко отрицательнымъ наталомъ.

Впрочемъ уже и наивно мыслящій человѣкъ можетъ производить цѣлыя сложныя познавательныя операціи. Напримѣръ онъ можетъ познать что-нибудь т. е. создать со-ответственную какому-нибудь явленію умственную реакцію,

и затѣмъ найти, что это „познаніе“ явно противорѣчитъ другому его „познанію“, вслѣдствіе чего стремясь разрѣшить возникшую жизнеразность сомнѣнія, онъ можетъ создать теорію примиряющую обѣ предъидущія.

Если мы имѣемъ дѣло по преимуществу съ умственными реакціями (эндосистематическими), а не двигательными (экзосистематическими), и если процессъ пріобрѣтаетъ волевой характеръ (т. е. сопровождается чувствомъ усилія и ожиданія), то мы имѣемъ передъ собою размышленіе, т. е. мышленіе, сопровождаемое стремленіемъ познать.

Если исходный пунктъ размышленія характеризуется въ высокой степени какъ „сомнительное“, „загадочное“, „неясное“, „умопомрачительное“, какъ „угнетающее и тревожащее“; если самый процессъ имѣетъ яркую окраску „исканія“, „борьбы“—то это значитъ, что отражающіеся въ сознаніи какъ „проблема“ физическіе ряды чрезвычайно удалены отъ привычныхъ, затронуты ими частныя системы обладаютъ большимъ значеніемъ въ организмѣ, уклонившіеся отъ обычныхъ путей процессы многочисленны, и вся сложная жизнеразность не могло быть устранена уже въ теченіи значительнаго времени. Перечисленные явленія сознанія и физическіе процессы растутъ и падаютъ параллельно. Быстрое же наступленіе конечнаго измѣненія, устраняющаго жизнеразность, отражается въ сознаніи, какъ рѣшеніе проблемы и сопровождается высокимъ положительнымъ аффекціоналомъ.

И такъ въ познаваніи, въ познавательномъ мышленіи мы имѣемъ передъ собою сложный процессъ самогармонизаціи мозга, выведеннаго какою либо причиною изъ подвижнаго равновѣсія, ему присущаго.

Человѣку кажется, что онъ ищетъ „познанія“, „истины“; но что это значитъ фізіологически?—Это значитъ лишь то, что конечное состояніе мозга, т. е. новая форма подвижнаго равновѣсія его и зависящее отсюда состояніе сознанія будутъ характеризоваться, какъ „истина“, какъ „познаніе“; такимъ образомъ характеръ, необходимо сопровождающій конечный пунктъ процесса, обманчиво является въ видѣ цѣли, ради которой процессъ начать. Но какъ наслажде-

ніе не есть цѣль физическаго ряда, обусловливающая этотъ родъ, а лишь характеръ сопровождающій достиженіе равновѣсія, такъ и истинность есть лишь эпихарактеристика завершенія опредѣленнаго рода жизненнаго ряда. Физически мозгъ не ищетъ наслажденія, или истины, а лишь уравнивается, психически процессъ самоуравновѣшенія мозга воспринимается какъ волевой актъ, а конечный характеръ какъ его цѣль.

Съ появленіемъ въ сознаніи характеристики „истина“ связаны и координированы другіе иденціальные и фиденціальные характеры; они часто провозглашаются за критеріи „истины“,—указатели того, что „истина“ дѣйствительно достигнута мышленіемъ. Ясность, опредѣленность, совпаденіе умственного отраженія съ реальностью, отсутствіе противорѣчій.. Все это выдвигается какъ критерій истины. Между тѣмъ неясность и неопредѣленность, такъ-же какъ и наличность всякаго рода противорѣчій указываютъ просто на то, что процессъ гармонизаціи мозга еще не законченъ.

Теперь намъ совершенно ясна разница между наивнымъ мыслителемъ (будь онъ хоть профессоръ философіи) и эмпириокритикомъ. Первый фетишизируетъ характеры, сопровождающіе конечное состояніе мозга, а потому принимаетъ отраженное въ сознаніи, достигнутое его мозгомъ равновѣсіе—за объективную и абсолютную истину. Второй считаетъ явленіе познанія за то, что оно есть: всякое познаніе, всякое міровоззрѣніе есть для него результатъ приспособленія мозга къ средѣ. Отсюда вытекаетъ для него и идеаль познанія: идеальное познаніе есть очевидно отраженіе въ сознаніи конечныхъ состояній такого подвижнаго равновѣсія мозга, которое приспособлено было бы ко всѣмъ явленіямъ среды, или иными словами сознаніе, соотвѣтствующее такому положенію, при которомъ вся дѣйствительность, вся вселенная являлась бы логичной и понятной, а это предполагаетъ и практическое приспособленіе къ міру; въ результатъ такого положенія міръ сознавался бы нами какъ идеальная среда, какъ святилище сохраненія жизни, какъ космосъ, покорный человѣку, находящійся съ нимъ въ полной гармоніи.

Нотальные характеры поэтому не принимаются непосред-

ственно въ расчетъ, а практически провѣряются, субъективныя основанія нотальныхъ характеристикъ вскрываются, приобретається новый, очищенный коллективной критикой ноталь, ноталь объективно логическій, сопровождающій мышление о мірѣ согласное съ принципомъ наименьшей траты силъ.

Лишь то считаемъ мы за познанное научно, что укладывается въ рамки наиболѣе экономнаго міросозерцанія изъ всѣхъ пока намъ доступныхъ, т. е. міросозерцанія, наиболѣе полно охватывающаго явленія природы, наиболѣе точно имъ соотвѣтствующаго, наиболѣе внутренне организованнаго. Въ настоящее время такое міросозерцаніе рисуется намъ какъ идеаль,—наука могуче стремится къ завершенію монистическаго мировоззрѣнія, рассматривающаго всѣ явленія міра, какъ количественно соизмѣримыя и взаимно опредѣленныя. Въ идеаль познанія входитъ математическое описаніе міра, т. е. формулировка законовъ всѣхъ явленій въ простыхъ математически точныхъ формулахъ, такъ, чтобы на основаніи строго математическихъ операцій надъ этими формулами мы могли умозаключать къ будущимъ или не доступнымъ намъ далекимъ и скрытымъ явленіямъ. Весь міръ съ одной стороны и, какъ гармонизація его, строгій рядъ математическихъ формулъ съ другой, это было-бы примиреніе многообразія вселенной и строго экономической закономерности нашего мозга, это было-бы „обмозгованіе міра“.

Очевидно однако, что съ измѣненіемъ мозга или появленіемъ совершенно новыхъ явленій въ средѣ и эта „истина“ пошатнулась бы, почему эмпириокритики и ее никогда не назовутъ „абсолютной“.

Фиденціальныя характеры зависятъ отъ степени привычности соотвѣтственныхъ жизненныхъ рядовъ. Степень отклоненія даннаго ряда отъ привычнаго Авенариусъ называетъ трансэкзерциціей, степень привычности, такъ сказ. проторенности пути даннаго ряда экзерцитатомъ я. Итакъ фиденціальныя характеры зависятъ отъ экзерцитата. Несомнѣнно и научное названіе сводитъ массу разнообразныхъ и непривычныхъ рядовъ къ привычнымъ, но не къ какому угодно лишь-бы только субъективно привычнымъ, а къ вполне опредѣленному, наиболѣе привыч-

нымъ для человѣчества, а такими являются именно математическіе ряды, именно въ силу своего высокаго экзерцитата они обладаютъ той достовѣрностью и наглядностью, которая заставила многихъ мыслителей считать ихъ за нѣчто, принципиально отличное отъ всѣхъ другихъ явленій сознанія.

8. ПОЗИЦИОНАЛЬ. ЧИСТЫЙ ОПЫТЪ.

Авенариусъ устанавливаетъ, что какъ комплексы элементовъ, такъ и характеры могутъ являться въ сознаніи въ двухъ совершенно разныхъ формахъ, именно въ формѣ вещи и въ формѣ мысли.

То, признаемъ ли мы тотъ или другой элементъ нашего сознанія за мысль, т. е. часть нашего субъективнаго міра, или за вещь, т. е. часть нашей среды—является результатомъ особенной окраски, особеннаго характера называемаго Авенариусомъ—п о з и ц і о н а л ь н о м ъ.

Цвѣтъ, боль, сходство могутъ являться намъ какъ непосредственное воспріятіе, или какъ представленіе.

Считать ли разницу между синевой неба какъ воспріятіемъ и синевой неба какъ представленіемъ, разницей характера или элементарной разницей—вопросъ второстепенный: позиціональное различіе является несомнѣннымъ фактомъ дѣйствительности.

Вещь характеризуется тѣмъ, что она воспринимается черезъ посредство внѣшнихъ органовъ чувствъ. Мысль является отраженіемъ въ сознаніи внутреннихъ мозговыхъ процессовъ. Сознаніе вещи есть отраженіе измѣненія системы С., обусловленнаго периферически, сознаніе мысли отраженіе того же измѣненія, но обусловленнаго внутренними причинами.

При этомъ надо конечно отмѣтить, что позиціональ, какъ субъективное чувство, не всегда правильно руководить человѣкомъ: нѣкоторыя галлюцинаціи, яркія сновидѣнія, иллюзіи характеризуются позиціонально какъ вещи; лишь критически провѣренный коллективный опытъ устанавливаетъ окончательную, научную позиціональную цѣнность изслѣдуемаго явленія.

Понятіе „опытъ“ является по Авенаріусу модификаціей позиціонала.

Чтобы выяснитъ психическую цѣнность выражаемую словомъ „опытъ“, Авенаріусъ, согласно своему обыкновенію, игнорируетъ всѣ „научныя“ теоріи опыта, всѣ его логическія опредѣленія, а обращается къ наблюденію наивныхъ въ с к а з ы в а н і й психическихъ фактовъ, непосредственныхъ выраженій состояній сознанія. Согласно общему методу „критики чистаго опыта“ Авенаріусъ не занимается также самоанализомъ. Личнымъ своимъ „ощущеніемъ опыта“ онъ пользуется лишь для того, чтобы истолковать себѣ свои наблюденія надъ окружающими.

Такимъ образомъ Авенаріусъ устанавливаетъ прежде всего не то, что отдѣльные мыслители п о н и м а ю т ъ подъ словомъ опытъ, а то, что индивиды в ы с к а з ы в а ю т ъ посредствомъ этого слова. Отсюда уже онъ выводитъ тотъ специфическій моментъ, который характеренъ для психическаго явленія „опытъ“.

Несомнѣнно, что въ обыденной жизни люди далеки отъ того, чтобы подъ видомъ опыта передавать лишь дѣйствительно воспринятые ими вещи и явленія, и сплошь и рядомъ включаютъ въ свой „опытъ“ и то, что имъ показалось, невольно присочиняя многое отъ себя, выдавая иногда за „опытъ“ такіе комплексы элементовъ, которые въ дѣйствительности не возможны.

„Дикари передаютъ какъ опытъ, что живого человѣка можно втащить въ воду за его тѣнь, между тѣмъ мертвецъ не отбрасываетъ тѣни, или что душа можетъ входить въ тѣло и выходить изъ него. Въ наше время передаютъ какъ фактъ опыта, что существуютъ „движущія силы“ и къ таковымъ относятся „воля“ и „духъ“.

Значительный классъ явленій, констатированныхъ опытомъ, образуютъ услышанныя молитвы, чудесныя исцѣленія, исполненія сновъ и предчувствій, явленія духовъ, изгнанія бѣсовъ и т. п. *).

Авенаріусъ насчитываетъ три отличительныхъ черты, характерныхъ для всякаго опыта: 1) Все, что люди отно-

*) Примѣры принадлежатъ Авенаріусу.

сять къ опыту, принимается ими за нѣчто существующее или существовавшее; 2) оно признается ими за нѣчто ими воспринимаемое или воспринятое; 3) оно выдается ими за нѣчто пассивно воспринятое, найденное, за нѣчто данное имъ, а не созданное ихъ воображеніемъ.

Между тѣмъ ясно, что далеко не все, характеризующее въ сознаніи того или другого лица высокимъ экзистенціаломъ (напр. скрытые духи для анимиста) или позиціоналомъ вещиности (напр. яркая галлюцинація) можетъ считаться за правомѣрный элементъ чистаго опыта. Таковымъ можетъ считаться лишь то, что строжайшимъ образомъ удовлетворяетъ третьему условію. Въ этомъ же отношеніи пробнымъ камнемъ можетъ служить лишь коллективная взаимопровѣрка.

Путемъ такой критической коллективной провѣрки результатовъ индивидуальнаго опыта мы очищаемъ ихъ и поднимаемъ до степени чистаго опыта. Но и здѣсь мы должны различать еще болѣе широкое понятіе опыта, включающее въ свой составъ не только вещи, но и мысли, поскольку онѣ воспринимаются съ характеромъ данности или вещиности,—и болѣе узкое понятіе опыта чисто объективнаго, компонентами котораго могутъ являться лишь вещи, опыта физическаго.

Итакъ высказываніе индивида мы можемъ считать за чистый опытъ лишь въ томъ случаѣ если высказываніе это является выраженіемъ измѣненій системы С., обусловленныхъ во всѣхъ своихъ компонентахъ частями среды.

Критическое понятіе опыта есть такимъ образомъ высокая, очищенная модификація позиціонала.

Болѣе широкое понятіе опыта, какъ включающаго въ себѣ и мысли, несомнѣнно также законно. Однако въ этомъ случаѣ для того, чтобы оставаться чистымъ, опытъ долженъ включать въ себя „мысли“ непремѣнно съ тою позиціональной окраской, которая присуща имъ объективно, т. е. по критической коллективной провѣркѣ.

Центавръ не можетъ считаться даннымъ въ опытѣ, въ узкомъ смыслѣ слова опытъ, въ опытѣ — же въ широкомъ смыслѣ онъ данъ, но именно какъ мысль, т. е. какъ элементъ субъективнаго сознанія ряда индивидовъ, которому

фізически соотвѣтствуетъ лишь внутренній мозговой процессъ.

Всякая вольная или невольная попытка провести въ чистый опытъ „мысль“ подъ маской вещи есть фальсификація опыта. Очищеніе опыта отъ фетишизированныхъ мыслей являются насущнѣйшей задачей истинной критической философіи.

Эмпирическое познаніе есть не что иное, какъ отраженіе въ сознаніи измѣненій системы С., обусловленныхъ во всѣхъ своихъ компонентахъ частями среды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дальнѣйшая обработка эмпирическаго матерьяла т. е. среднія звенья жизненныхъ рядовъ, вызванныхъ воздѣйствіями среды, могутъ далеко уклониться въ сторону и дать въ результатъ опытъ субъективно искаженный. Лишь ту организацію опыта можемъ мы считать за законную его обработку, которая ничего не прибавляетъ и не убавляетъ, но отражаетъ элементы среды въ сознаніи съ наибольшею простотою.

9. ЛОГИЧЕСКІЯ ОПЕРАЦІИ. ИСТИНА.

Логическими операціями мы называемъ процессы мышленія, обладающіе волевымъ характеромъ и направленные къ выясненію истины. Разумѣется всѣ логическіе операціи для Авенаріуса суть лишь отраженія опредѣленныхъ способовъ самогармонизаціи мозга и при ближайшемъ анализѣ оказываются словесными модификаціями все тѣхъ-же адаптивныхъ и аффекціональныхъ характеровъ.

Механизмъ рѣчи имѣетъ своимъ слѣдствіемъ передачу психическихъ цѣнностей одного индивида другимъ. Переданныя при посредствѣ слова психическія цѣнности могутъ стать источникомъ новыхъ жизненныхъ рядовъ въ воспринявшемъ ихъ индивидѣ. Они будутъ характеризоваться аффективно и адаптивно, но характеры эти появятся въ модифицированномъ видѣ. Есть несомнѣнная разница между собственными переживаніями и чѣмъ-нибудь, сообщеннымъ другимъ лицомъ. Кромѣ того при взаимномъ обмѣнѣ впечатлѣній индивидуальныя особенности и ошибки

отбрасываются, психическое содержаніе какъ-бы шлифуется, пріобрѣтая интраиндивидуальную, соціальную модификацію.

Явленія сплошь и рядомъ пріобрѣтають совсѣмъ другіе характеры въ томъ случаѣ, если мы узнали о нихъ отъ другого лица, чѣмъ если-бы мы сами испытали ихъ.

Каждый ясно отличаетъ то, что кто-нибудь утверждаетъ. Высказыванія другого вовсе не вызываютъ въ насъ немедленно тѣхъ-же адаптивныхъ характеровъ, какими сопровождается личный нашъ опытъ. Высказанное кѣмъ-нибудь не есть еще тѣмъ самымъ нѣчто сущее, внушающее довѣріе и знакомое. Напротивъ тотчасъ-же выступаютъ другіе характеры: сомнѣнія, противорѣчія, а съ устраненіемъ ихъ: правдивости, вѣроятности и т. п.

Итакъ личный опытъ въ большинствѣ случаевъ сразу окрашивается въ положительный фиденціалъ, напротивъ высказанный намъ кѣмъ-либо опытъ сначала такъ сказать примѣривается къ личному и черезъ критическую провѣрку пріобрѣтаетъ уже не психически непосредственный, а логически опосредствованный, модифицированный фиденціалъ истинности, правдивости и т. п.

Истины, на которыя мы полагаемся, или которымъ вѣримъ, суть элементы опыта, окрашенные модифицированнымъ фиденціаломъ. Позднѣе человѣкъ начинаетъ относиться къ своему опыту такъ же, какъ и къ чужому. Онъ спрашиваетъ себя: истинно-ли то, что передаютъ мнѣ мои чувства, или они обманываютъ меня; онъ сомнѣвается въ ихъ свидѣтельствѣ, продѣлываетъ съ ихъ показаніями тѣ-же операціи провѣрки, примѣрки къ остальной массѣ опыта, какими онъ встрѣчаетъ высказыванія другихъ лицъ. Такъ зарождается наряду съ критикой теорій научная критика непосредственнаго опыта, ведущая къ его очищенію.

Первоначально, какъ думаетъ Авенаріусъ, все переданное индивидуумомъ считалось достовѣрнымъ или сомнительнымъ въ зависимости отъ того, кто передаетъ намъ, лицо ли, заслуживающее довѣрія, или нѣтъ. Свидѣтельство знакомаго, правдиваго человѣка, есть первоначально рѣшающій моментъ, прекращающій всякія сомнѣнія.

Насколько этот критерій истины можетъ быть силенъ, видно изъ того, что даже свидѣтельство чувствъ подвергалось критикѣ съ точки зрѣнія откровенія, какъ показанія наиправдивѣйшаго Существа; еще Декартъ обосновывалъ истинность нашихъ воспріятій на правдивости Бога. Возникло даже представленіе, что „знаніе вещей невидимыхъ“ достовѣрнѣе чувственного знанія видимыхъ вещей, т. к. первое засвидѣтельствовано Божествомъ, вторыя же, какъ извѣстно изъ опыта, часто обманываютъ. Когда вѣра въ божественное свидѣтельство поколебалась, то познаніе чувственного міра превратилось въ единственное истинное познаніе, а все основанное на откровеніи стало осуждаться какъ самообманъ.

Но провѣрка показаній свидѣтелей производилась и производится также непосредственнымъ сравненіемъ съ собственнымъ опытомъ: „Не повѣрю, пока не вложу руку мою въ ребра Его“. И если свидѣтельство совпадаетъ съ провѣрочнымъ опытомъ, тогда только признается оно истиной; даже свидѣтельство глаза можетъ провѣряться свидѣтельствомъ осязанія, можно „не вѣрить своимъ глазамъ“. Очевидность есть именно критерій такого происхожденія, осязательность — его дальнѣйшая ступень. Однако же безусловная провѣрка свидѣтельства можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ мы имѣемъ какой-нибудь неоспоримый фактъ, который является пробнымъ камнемъ для всего остального; т. к. свидѣтельство осязанія также можетъ быть заподозрѣно, то научнымъ критеріемъ истины можетъ быть только согласованность всѣхъ показаній: истинно все то, что свободно, не возбуждая противорѣчій занимаетъ мѣсто въ коллективно установленномъ и организованномъ человѣческомъ опытѣ. Истина о мірѣ есть именно весь организованный коллективный опытъ человѣчества — онъ-то и становится тѣмъ пробнымъ камнемъ, къ которому мы прибѣгаемъ въ конечномъ счетѣ, чтобы убѣдиться въ истинности любого явленія или высказыванія *).

Такъ вырабатывается убѣжденіе; но что же такое

*) Надо отмѣтить, что Петцольдъ не оцѣнилъ этого превосходнаго ученія Авенариуса.

вѣра? Вѣра, по Авенаріусу, есть ослабленное знаніе. Истинны вѣры суть эпихарактеристики болѣе блѣдныя, чѣмъ истины знанія. „Это я знаю, а тому лишь вѣрю“.

Напр. натуралистъ знаетъ, что міръ внѣ его существуетъ, но если какому-нибудь философу удастся полуубѣдить его въ томъ, что міръ есть „лишь представленіе“, то натуралисту, поколебленному въ прежнихъ воззрѣніяхъ, остается развѣ только вѣрить въ существованіе внѣшняго міра. Врачъ вѣритъ въ истинность своего діагноза, но лишь послѣ аутопсіи онъ знаетъ, что не ошибся *).

Въ общемъ вѣра имѣетъ мѣсто всюду, гдѣ отсутствуетъ свидѣтельство чувствъ, непосредственный опытъ. Все недоступное непосредственному опыту можетъ быть лишь предметомъ болѣе или менѣе высокой степени вѣры. Въ особенности яркій характеръ принимаетъ вѣра, когда много (напр. глубокая правдивость свидѣтельствующаго) говоритъ за истинность даннаго высказыванія, между тѣмъ какъ оно не совмѣщается съ опытомъ: тогда вѣра противорѣчитъ разуму, каковой конфликтъ можетъ быть устраненъ лишь подчиненіемъ разуму вѣрѣ.

Современные намъ вѣрующіе идеалисты врядъ-ли рѣшились-бы призывать къ прямому подчиненію разума вѣрѣ, но они очень не прочь возвеличить вѣру тамъ, гдѣ разумъ молчитъ, и гдѣ вѣра угодливо идетъ навстрѣчу желанію. Для позитивистовъ же нѣтъ другой области вѣры, кромѣ области вѣроятнаго; на вѣроятное можно полагаться, но лишь съ степенью риска, обратно пропорціональной степени вѣроятности.

Прежде чѣмъ прійти къ признанью всѣхъ элементовъ опыта или извѣстной группы ихъ за истину, человѣкъ обыкновенно переживаетъ мучительный періодъ сомнѣній; др. словами, характеристика „истины“ знаменуетъ собою въ процессѣ мышленія конецъ дисгармоніи, сопровождавшейся отрицательнымъ аффекціоналомъ. Аффекціоналъ можетъ быть какъ-бы руководителемъ въ логическихъ операціяхъ: логично такое мышленіе, которое скорѣе всякаго другого ведетъ къ прочному устраненію жизнеразности и потому сопровож-

*) Примѣръ принадлежитъ Авенаріусу.

дается положительнымъ аффекціоналомъ; запутанное мышление — мучительно, логичное — пріятно, оно вноситъ свѣтъ и порядокъ въ наше сознаніе.

Однако лишь изрѣдка процессы мышленія заканчиваются такимъ т. ск. апофеозомъ тѣхъ или другихъ элементовъ сознанія, входящихъ на Олимпъ прекрасныхъ и божественно долговѣчныхъ истинъ. Зачастую мы принуждены останавливаться на полпути, чувствуя, что процессъ не пришелъ еще къ своему полному завершенію.

Такъ, напр., мы отрицаемъ всякій плюрализмъ и даже дуализмъ, мы стремимся къ совершенному единству міропониманія. И мы увѣрены въ возможности достигнуть вѣнчающаго конца нашихъ исканій, но сейчасъ мы находимся въ положеніи переходномъ, мы чувствуемъ „незакоченность нашего мышленія“. Естественно, что все, что приближаетъ насъ къ поставленной нами себѣ цѣли, будетъ восприниматься какъ „истина“.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ „матеріальными истинами“ не съ провѣркой тѣхъ или иныхъ элементовъ личнаго опыта или человѣческихъ высказываній, но съ „формальными истинами“, съ новыми концепціями того-же опыта. Тамъ нами руководилъ фиденціалъ (заслуживаетъ ли это довѣрія?) и иденціалъ (похоже ли это на уже извѣстное?) — здѣсь же лишь особаго рода аффекціалъ: удовольствіе, сопровождающее приближеніе къ устраненію жизнеразности.

Мышленіе о мірѣ полно противорѣчій, т.-е. постоянно возбуждаетъ въ насъ огромную массу жизнеразностей, лишь временно устраняемыхъ путемъ пониженія ихъ сознаваемости т.-е. преваленціала, путемъ временнаго ихъ забвенія; но они, эти противорѣчія, возникаютъ вновь и вновь, мозгъ стремится къ гармонизаціи своихъ отправленій, міръ же дезорганизуеъ его, возбуждаетъ въ немъ безпорядокъ, диссонансы, и понижаетъ тѣмъ его жизнеспособность.

Все, что ведетъ къ новой концепціи среды, дающей возможность охватить множество фактовъ въ нѣкоторое единство т.-е. выработка всякой такой сложной реакціи, которая можетъ безъ ущерба для жизни быть противопоставленной цѣлому разнообразному ряду раздраженій, сопровождается, какъ это и понятно, положительнымъ аффекціоналомъ.

Въ процессѣ мышленія о мірѣ, мозгъ вырабатываетъ новыя формы подвижнаго равновѣсія, внутренне закономерныя, обладающія необходимымъ для жизни характеромъ стройности и связности, и въ то же время отвѣчающія требованіямъ многообразной среды. Въ сознаніи успѣхъ этой выработки высшей формы равновѣсія сказывается какъ умственный ростъ, какъ закономерное познаніе природы; каждый шагъ по пути къ этому познанію, именно какъ шагъ къ устраненію мучительнаго разстройства и замѣнѣ его единствомъ, испытывается какъ высокое наслажденіе. Если въдобавокъ работа совершенствованія и усложненія гармоніи мозга идетъ за счетъ тѣхъ частныхъ системъ, въ которыхъ накоплено настолько значитильное количество потенциальной энергіи, что уже замѣчается жизнеразность перенакопленія, — то захватывающая прелесть логическаго познавательнаго мышленія вырастаетъ до того умственнаго восторга, который освященъ греками именемъ „философіи“, т.-е. любви къ мудрости. То же явленіе лежитъ въ основѣ спинозовской „*amor intellectualis*“.

Мы можемъ выразить первый критерій истины такъ: всякая истина должна отвѣчать дѣйствительности или, что то же, всякая истина должна находиться въ гармоніи съ научно организованнымъ коллективнымъ опытомъ человѣчества; вторымъ критеріемъ является слѣдующій: изъ двухъ концепцій, повидимому, одинаково отвѣчающихъ дѣйствительности, истинна та, которая даетъ возможность охватить факты опыта съ меньшею затратой силъ, т.-е. истиной является всегда наиболѣе экономная изъ теорій, точно и полно копирующихъ дѣйствительность. Такая истина будетъ наиболѣе примѣнима въ жизни безъ возникновенія противорѣчій съ элементами среды или другими безспорными истинами.

Теперь намъ предстоитъ разяснить сущность того механизма, при помощи котораго непрерывному потоку дѣйствительности „здѣсь и нынѣ даннаго“ противопоставляется міръ познанный т.-е. міръ понятій и законовъ, вырастающій мало-по-малу въ человѣческое научное міропониманіе.

Что такое понятіе? По Авенариусу понятіе есть нѣкоторый комплексъ элементовъ, связанный неразрывно съ нѣ-

которымъ словеснымъ знакомъ, комплексъ, который противопоставляется сознаниемъ цѣлому ряду внѣшнихъ и внутреннихъ раздраженій; физиологически этому соотвѣтствуетъ нѣкоторая неизмѣнная реакція системы С.; эту реакцію вмѣстѣ съ зависимымъ отъ нея понятіемъ Авенаріусъ называетъ „мультипониблью“. Понятіе зависимое отъ мультипониблии представляетъ собою не простое подобіе какихъ-либо элементовъ среды, но абстракцію, т.-е. блѣдное отображеніе, заключающее въ себѣ лишь черты общіе цѣлому классу явленій. Такимъ образомъ понятіе есть модификація таутооты..

Все, что нами подводится подъ какое-либо понятіе, т.-е. связывается съ рядомъ явленій, ранѣе намъ извѣстныхъ рядомъ, обозначеннымъ опредѣленнымъ словомъ, — мы называемъ понятнымъ. Пониманіе въ этомъ смыслѣ есть модификація нотала.

Когда дитя называетъ cadaго взрослого мужчину „папа“ или каждое четвероногое животное „собака“—это значитъ, что у него выработалась нѣкоторая мультипонибль; охватываемые такой мультипониблью предметы и явленія вообще не являются для ребенка различными. Взрослому европейцу всѣ негры также кажутся сначала одинаковыми, лишь дальнѣйшій опытъ заставляетъ его различать ихъ и варіировать первоначальную мультипонибль. Мультипонибль, т. е. устраненіе жизнеразности привычнымъ путемъ который устанавливается сразу,—въ первыхъ своихъ звѣньяхъ заключаетъ въ ослабленномъ видѣ повтореніе прежде имѣвшихъ мѣсто процессовъ, которые и оказываются совпадающими съ имѣющимся на лицо: въ сознаниі это отражается, какъ таутоотная цѣпь, т. е. блѣдный рядъ воспоминаній, сливающихся въ одно, благодаря покрывающей всѣ различія таутоотѣ.

Главный признакъ и главное значеніе понятій заключается именно въ возможности успѣшно противопоставлять ихъ цѣлому множеству внѣшнихъ раздраженій.

Петцольдъ говоритъ по этому поводу: „какъ разнообразны непосредственно зрительныя воспріятія, напр., отъ буквы а. И однако я узнаю ее въ различнѣйшихъ подчеркахъ и шрифтахъ, на множество повидимому разнообразныхъ зна-

ковъ я отвѣчаю звукомъ *а*, и такъ повсюду. Чего только не обозначаетъ каждый словомъ „долгъ“, „низость“, „сущее“, „прекрасное“ *).

Эта повторяемость понятія основывается на томъ, что во всѣхъ членахъ объема понятія мы встрѣчаемъ тѣ же компоненты. Одинаковое же, какъ чаще повторяемое, какъ болѣе привычное, крѣпче запоминается и легче репродуцируется, и такимъ обр. становится общимъ признакомъ всѣхъ членовъ объема понятія.

Физиологически же мультипонибль обусловливается наиболѣе повторяющимися элементами широкаго круга комбинацій частей среды и является повторяющейся формой измѣненія системы *С*.

Выработка системы мультипониблей идетъ или путемъ варіированія единой первоначальной мультипонибли, когда повторный опытъ, ближайшее знакомство заставляетъ различать оттѣнки тамъ, гдѣ первоначально предполагалось полное сходство; или путемъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ мультипониблей, какъ варіацій одной высшей. Это случается тамъ, гдѣ благодаря повторному опыту преваленціально выдвинулись общіе компоненты первоначально различныхъ мультипониблей.

Когда присматриваясь къ неграмъ иностранецъ открываетъ среди нихъ разные типы, происходитъ процессъ перваго рода, когда киты и имъ подобные объединяются напр. съ кошками общимъ понятіемъ млекопитающаго,—происходить процессъ второго рода.

Петцольдъ изображаетъ систему понятій, какъ физиологическій механизмъ слѣдующимъ образомъ:

„Система понятій представляетъ многообразнѣйшее и сложнѣйшее сплетеніе отдѣльныхъ образованій клѣтокъ центральной нервной системы. Намъ должно охватить удивленіе, болѣе могучее, чѣмъ удивленіе передъ звѣзднымъ небомъ, когда мы бросимъ взглядъ на неимоверное количество связей и распорядковъ, на искуснѣйшее строеніе этой изумительнѣйшей изъ всѣхъ тканей вселенной: то небо, полное бурно несущихся міровъ, есть лишь первое условіе

*) Petzold. op. cit s. 269.

для этого маленькаго и въ то же время столь великаго мозгового міра, это только корни дерева природы, несущаго свои соки высшему цвѣтку ея—живому мозгу. Намъ нечего колебаться приписать рѣдкостному сплетенію миллионовъ и миллиардовъ гангліозныхъ клѣтокъ полную способность выполнять тѣ сложныя функціи, которыя приписываетъ имъ психофизиологія. Даже единичная клѣтка, которая при нормальныхъ условіяхъ безусловно подчиняется цѣлому, является для насъ трудной и глубокой проблемой, что же сказать объ общей жизни этихъ высокосовершенныхъ индивидуальностей; мы вѣроятно даже не предчувствуемъ, какова сложность и глубокое взаимоотраженіе процессовъ имѣющихъ здѣсь мѣсто. Нѣтъ поэтому дѣла столь высокаго, которое было бы на нашъ взглядъ невыполнимо этимъ высшимъ продуктомъ природы: самая смѣлая фантазія не въ силахъ постигнуть скрывающейся здѣсь возможности“.

„Какъ бы поэтому ни сложны были соотношенія понятій рядомъ другъ съ другомъ или въ подчиненіи другъ къ другу, какъ-бы ни многообразны были тѣ понятія, которымъ можетъ одновременно принадлежать каждый комплексъ элементовъ, какъ-бы часто не повторялся онъ во всей совокупности понятій индивида и въ отдѣльных частяхъ ея сложнѣйшихъ взаимоотношеній, — мы должны быть увѣрены, что физическая параллель центральной нервной системы точно отражаетъ собою всю эту организацію“.

„Мы хотимъ еще обратить вниманіе читателя“, продолжаетъ Петцольдъ, „на то, что центральная нервная система такъ же мало подлежитъ единому руководству, какъ мало подлежитъ единому руководству какого-либо понятія — міръ понятій. Привыкли считать животный организмъ, въ особенности высшій, за монархію: всѣ части тѣла подчинены руководству сѣрой коры мозга, а мозгъ въ то же время является первымъ слугою организма. Это невѣрно уже исторически. Организмъ достигаетъ значительнаго совершенства еще у низко стоящихъ птицъ и низшихъ млекопитающихъ, когда мозгъ еще далекъ отъ своей конечной организаціи. Восходя по лѣстницѣ существъ мы встрѣчаемъ ускореніе прогресса мозга какъ разъ тамъ, гдѣ растительная система организма достигла почти полнаго своего

завершенія. Такимъ образомъ мозгъ отнюдь не служить растительной части организма, онъ такъ сказать преслѣдуетъ свои цѣли, имѣетъ свои потребности. Какъ земная кора есть предпосылка и носительница животнаго міра, такъ совокупность растительныхъ приспособленій (системы костей, мускуловъ, кожи, органы чувствъ, аппараты пищеваренія, дыханія и кровообращенія, а также низшія нервныя системы) являются носителями и предпосылками высшаго изъ всего, что мы находимъ въ опытѣ — сѣраго покрова мозга“ *).

„Мозгъ, какъ цѣлое, не служить, но господствуетъ,— именно растительный организмъ есть слуга его. Но этотъ мозгъ какъ цѣлое распадается на цѣлый рядъ группъ, отдѣльныхъ нервныхъ индивидуальностей. Развѣ есть между ними одна господствующая? Не съ монархіей, но съ развитой демократіей пришлось бы намъ сравнивать мозгъ, и быть можетъ онъ болѣе всего напоминаетъ ту идеальную норму ея, въ которой высота совершенства и развитой умъ гражданъ дѣлаетъ ненужной какую-бы то ни было власть. Развѣ не сливаются другъ съ другомъ. не вливаются какъ-бы другъ въ друга мозговые клѣтки, т. сказать совершенно добровольно? Развѣ не разрѣшаютъ они жизнеразности мирнымъ путемъ жизненныхъ рядовъ, избѣгая взаимнаго раздора и разногласія? Къ чему ихъ государству или ихъ обществу нужна еще положительная власть?“

Читатель не посѣтуетъ на насъ за эту длинную но интересную цитату изъ книги Петцольда.

Мы однако не можемъ еще считать, что покончили съ біологическимъ объясненіемъ механизма мышленія.

Почему данное раздраженіе вызываетъ именно данный процессъ въ мозгу, хотя мыслимы весьма разнообразные результаты. Вѣдь въ разное время и разные мозги реагируютъ на одиноковое раздраженіе совершенно различно?

*) Петцольдъ отнюдь не хочетъ сказать этимъ, что кѣмъ-то имѣлось такъ сказать заранѣе ввиду создать мозгъ при созданіи его предпосылокъ; онъ лишь подчеркиваетъ, что какъ животный міръ есть самоцѣль, а не нѣчто служебное, по отношенію къ неживой вселенной, такъ и мозгъ есть самоцѣль по отношенію къ растительному организму.

Здѣсь намъ надо познакомить читателя съ важнымъ ученіемъ Авенаріуса о предрасположеніи и самонаправленіи мозга.

Мозгъ никогда не бываетъ *tabula rasa*. Внѣшнее воздѣйствіе является лишь величиной, приводящей въ сложную систему процессовъ, поэтому естественно то или иное теченіе рядовъ, вызванныхъ внѣшними воздѣйствіями, опредѣляется не только ими, но и всѣми особенностями жизни мозга въ данный моментъ, всѣмъ предрасположеніемъ мозга. Явленія апперцепіи, т. е. особаго превалентнаго выдѣленія однихъ какихъ-либо элементовъ среды, явленія ассоціаціи, т. е. появленія въ сознаніи тѣхъ или иныхъ элементовъ, по сходствѣ или смежности съ воспринимаемыми, явленія иллюзіи, т. е. ложнаго воспріятія явленія, какъ иного, къ воспріятію котораго въ данное время болѣе подготовленъ мозгъ—все это проявленія предрасположеній системы С.

Предрасположеніе варьируетъ въ смыслѣ качества и въ смыслѣ величины.

Авенаріусъ перечисляетъ нѣкоторые роды качественныхъ предрасположеній: система С. можетъ быть предрасположена тѣмъ, что она только-что восприняла, напр. вы только что присутствовали при похоронахъ; вой вѣтра въ трубѣ кажется вамъ теперь похороннымъ напѣвомъ. Въ качествѣ вліянія обуславливающаго предрасположеніе является также привычка: напр. вамъ кажется что только-что умершій человѣкъ продолжаетъ дышать.

Сила какого-либо впечатлѣнія, какой-либо катастрофы долго послѣ окрашиваетъ все въ свой цвѣтъ; напр. вы впервые анатомировали трупъ въ анатомическомъ театрѣ—и воспринимаете долго каждый непріятный запахъ какъ трупный. Предрасположеніе зависитъ также отъ особенностей и высоты развитія даннаго индивида; напр. талантливый художникъ видитъ интересный типъ закутанннй въ лохмотья тамъ, гдѣ буржуа видитъ внушающаго опасеніе бродягу. Сумасшедшій слышитъ въ щебетаніи воробьевъ и карканьи воронъ у своего окна дразняція его насмѣшливыя фразы.

Количественнымъ предрасположеніемъ Авенаріусъ на-

зываетъ зависимость системы С. отъ частоты воспріятія того или иного элемента. Обыкновенно мы воспринимаемъ лишь общее и сходное, черты же различія легко ускользаютъ отъ насъ. Общее, сходное—значить наичаще встрѣчающееся, наиболѣе привычное (затверженное). Кто можетъ различить особенности каждой овцы въ стадѣ? Онѣ представляются совершенно сходными, однако это не такъ, и ни одинъ пастухъ съ этимъ не согласится. Поскольку сходное есть въ то же время привычное, т. е. болѣе близкое, прочное—оно и занимаетъ въ умахъ первое мѣсто, выше менѣе замѣчаемыхъ, колеблющихся чертъ несходства. Потому то и возникаютъ такіа понятія какъ идеи Платона, которыя якобы предшествуютъ эмпирическимъ вещамъ, будучи тѣмъ всеобщимъ, что отражается въ эмпирическомъ мірѣ въ искаженномъ, т. е. индивидуализированномъ видѣ. Общее часто повторяющееся составляетъ своего рода аристократію въ нашемъ сознаніи и претендуетъ не только на приоритетъ (на предсуществованіе отдѣльнымъ вещамъ въ качествѣ типовъ), но и на апріорность (т. е. на происхожденіе до опытное).

Болѣе привычный ходъ измѣненій системы С., или любой частной системы, всегда имѣетъ преимущество во времени передъ менѣе привычнымъ, т. е. наступаетъ и протекаетъ скорѣе. Однако такой болѣе привычный рядъ зачастую не можетъ выполнить своего назначенія: устранить данную жизнеразность. Тогда за нимъ наступитъ другой рядъ измѣненій, менѣе привычный, и такъ далѣе по направленію къ болѣе и болѣе оригинальнымъ и новымъ способамъ устраненія жизнеразностей вплоть до достиженія равновѣсія. Такъ напр., встрѣтивъ человѣка въ пальто, похоложемъ на пальто вашего друга, вы принимаете его сначала, именно за него, лишь потомъ вы воспринимаете отличія встрѣченнаго отъ вашего друга.

Зачастую человѣкъ лишь въ нѣсколько пріемовъ составляетъ себѣ правильное сужденіе о какомъ либо явленіи. именно благодаря вышеуказанному закону. Я вижу передъ собою парящую въ небѣ птицу, присматриваюсь—и замѣчаю что это только кусочекъ сухой еловой иглы, повисшій на паутинѣ передъ самымъ моимъ глазомъ. Сюда же относятся

такія явленія, какъ напр. истолкованіе грома, какъ грохота колесницы, затѣмъ какъ выраженіе гнѣва и угрозы, и наконецъ, какъ сотрясенія воздуха отъ разряженія электричества.

Многочисленные опыты вполне подтверждаютъ, что тотъ же послѣдовательный переходъ отъ привычныхъ реакцій къ менѣе привычнымъ свойственъ также и низшимъ нервнымъ центрамъ.

Гольцъ клалъ на столъ обезглавленную лягушку, поднималъ ея заднія лапы такъ, чтобы бедра ихъ составляли прямой уголъ съ тѣломъ и опиралъ внутреннюю часть колѣнъ на гвоздики; затѣмъ онъ смазывалъ уксусной кислотой пальцы обѣихъ лапокъ; при этомъ обыкновенно обезглавленная лягушка третъ одну лапу о другую, но въ данномъ случаѣ она не въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ гвоздики не допускаютъ движенія лапъ назадъ; тогда лягушка дѣлаетъ попытки сдвинуть гвоздики, когда же и это не удастся, она прибѣгаетъ къ гораздо менѣе привычному движенію, именно подымаетъ лапы впередъ, прижимаетъ ихъ къ тѣлу, вытягиваетъ назадъ минуя гвоздики и третъ одна о другую. Очевидно здѣсь мы имѣемъ такъ сказать механическую смѣну реакцій, и именно въ смыслѣ вышеуказаннаго закона *).

Авенариусъ не видитъ принципиальнаго различія между этими явленіями и философскимъ мышленіемъ какого нибудь Платона или Канта. Мышленіе ихъ также точно переходитъ отъ привычныхъ къ менѣе привычнымъ приемамъ.

Вся философія по Авенариусу есть тысячелѣтній жизненный рядъ, переходившій отъ поколѣній къ поколѣніямъ, отъ народовъ къ народамъ. Общій законъ развитія при этомъ все тотъ же. Міровая загадка разрѣшалась наиболѣе привычнымъ образомъ, и лишь явная противорѣчивость отдѣльныхъ частей теоріи между собою или всей теоріи съ фактами, гнала мысль далѣе къ менѣе привычнымъ методамъ. Конечно измѣненіе методовъ мышленія и объясненія зависѣло не только отъ этого, потому что измѣнялась также экономическая, а съ тѣмъ вмѣстѣ соціальная обстановка

*) Крит. чист. опыта т. I, стр. 210.

человѣка, его общественная среда; одни привычки упразд-
нялись другими, привычное прежде дѣлалось архаическимъ
прежнее новшество превращалось въ обыкновеніе, и фило-
софскія теоріи часто уступали и рушились не въ силу
внутренней неурядицы или выяснивагося для всѣхъ не-
соотвѣтствія съ фактами, но такъ сказать обойденныя жиз-
нью съ тылу, жизнью, создающей новыя привычки въ дру-
гихъ областяхъ кромѣ мышленія, и мощно вліяющей отсюда
и на эту область. Заманчива задача изобразить исторію фи-
лософіи, какъ жизненный рядъ находящійся въ зависимости
не только отъ основныхъ свойствъ мозга и особенностей
міровой среды, но и отъ направленія привычекъ жизни,
обусловленныхъ высотой хозяйственной техники и способами
производства у даннаго народа въ данную эпоху. Только
по выполненіи этой задачи мы будемъ имѣть настоящую ис-
торію философіи.

Физическая параллель этихъ крупныхъ явленій сознанія
должна быть вполне подобной процессамъ въ спинномъ
мозгу лягушки. Какъ въ движеніи небесныхъ тѣлъ отра-
жается тотъ же законъ, что и въ полетѣ брошеннаго камня,
такъ и въ молниеносной мыслительной работѣ философскаго
генія мы узнаемъ тотъ же законъ, который проявляется въ
движеніяхъ какого-нибудь червя. Петцольдъ утверждаетъ,
что законъ механическаго перехода отъ болѣе привычныхъ
къ менѣе привычнымъ реакціямъ можетъ претендовать на
всеобщее признаніе въ той же мѣрѣ, какъ и законъ Нью-
тона.

Единство и связность развитія человѣческаго индивиду-
ума, и человѣческихъ обществъ покоится на томъ, что вся-
кое развитіе возможно только въ направленіи, опредѣля-
емомъ предрасположеніями системы С., или кон-
грегальной системы т. е. общества.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что опытъ индивидуума
необходимо носить на себѣ печать особенностей и высоты
его предрасположеній.

Законъ предрасположеній объясняетъ намъ въ доста-
точной степени, почему то или иное воздѣйствіе, могущее
имѣть весьма различные результаты въ системѣ С., направ-
ляется именно по данному, совершенно опредѣленному пути.

Но рядомъ съ этими фактами наблюдаются другіе не менѣ важные. Уже въ главѣ о преваленціалѣ мы отмѣчали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы какъ бы активно выбираемъ изъ всей окружающей среды какой-нибудь объектъ для наблюденія, ставимъ его въ фокусъ нашего вниманія.

Такой объектъ мы называемъ при этомъ интереснымъ. Но что же соответствуетъ физиологически этому высказыванію „интересный“. Интереснымъ называемъ мы такой комплексъ элементовъ среды, который способенъ поставить или устранить значительную жизнеразность. Отсюда слѣдуетъ, что при существованіи ряда значительныхъ жизнеразностей индивидъ будетъ т. сказать жадно искать и выдѣлять все то, что имѣетъ значеніе для смягченія или устраненія ихъ. При томъ онъ всегда будетъ отвлекать свое вниманіе отъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ менѣ важной изъ предсуществовавшихъ жизнеразностей, и направлять его на предметы, исцѣляющія болѣе существенныя. Это то явленіе Авенаріусъ и называетъ самонаправленіемъ системы С. Самонаправленіе опредѣляется такимъ обр. предсуществовавшими жизнеразностями: это особый, важный видъ предрасположеній.

Каждое движеніе производимое индивидуумомъ съ цѣлью удалиться отъ неинтересныхъ предметовъ и приблизиться къ интереснымъ, есть самонаправленіе системы С., при томъ эктосистематическаго характера. Когда мы слушаемъ лекцію и задумываемся надъ какой-нибудь мыслью, вскользь брошенною лекторомъ, пропуская „мимо ушей“ дальнѣйшія его слова—это другой родъ самонаправленія—эндосистематическій, т. е. внутренній.

Выражаясь образно можно сказать, что самонаправленіе есть результатъ конкуренціи жизнеразностей. Главная, основная жизнеразность, налагающая свою печать на все поведеніе индивида, въ духъ которой онъ дѣйствуетъ въ данное время, называется у Авенаріуса доминантой. Пессимизмъ и оптимизмъ могутъ служить прекрасными образчиками того, какъ тотъ же матеріалъ можетъ совершенно разнo восприниматься и обрабатываться при разныхъ доминантахъ.

Вообще различныя партіи, философскія школы, рели-

гіозныя напраўленія і т. п. являюцца выражэннем разлічных домінант, сама жэ домінанта, т. е. савакупнасць глaвнaхъ жызнеразностей апрадѣляецца средой, — воспітаніемъ і въ асабеннасці класавымъ палажэннемъ въ абшчествѣ.

Теперь мы закончили психологическій анализъ процессовъ мозга въ его повседневныхъ функціяхъ, и перейдемъ отъ тѣхъ функцій, которыя аоставляютъ строеніе системы С. болѣе или менѣе неизмѣннымъ, къ фактамъ развитія этой системы.

10. ПСИХОБИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.

Нельзя провести строгой границы между процессами, протекающими въ рамкахъ даннаго подвижнаго равновѣсія и процессами прогрессивно ихъ переступающими. Признакомъ развитія является прежде всего, конечно, переходъ отъ привычныхъ способовъ реагирования къ совершенно новымъ.

Чѣмъ менѣе сходства находимъ мы между какимъ-либо переживаніемъ и всѣмъ, что мы знаемъ, тѣмъ труднѣе намъ связать это новое со старымъ, т. е. понять его, отвести ему извѣстное мѣсто въ нашемъ міропредставленіи. Это значитъ, что возбужденный этимъ элементомъ жизненный рядъ ведетъ къ равновѣсію системы С. окольными и непривычными путями. Это обогащаетъ нашъ запасъ реакцій и такимъ образомъ является факторомъ развитія.

Ньютонъ почувствовалъ сходство между движеніями луны и брошеннаго камня. Но чтобы познать это сходство, т. е. прояснить это чувство, дать ему точное опредѣленіе и связать его съ другими частями своего опыта, онъ долженъ былъ вступить на новый путь мышленья. Когда благодаря построенію цѣлаго ряда промежуточныхъ звеньевъ сходство оказалось доказаннымъ, то самъ Ньютонъ поднялся ступенью выше по лѣстницѣ развитія. А такъ какъ его воззрѣнія выдержали критическій разборъ, и лежали въ направленіи общаго развитія знаній, то подъемъ

распространился на мозги всѣхъ образованныхъ людей вообще. Гегель нашелъ сходство между звѣздами и сыпью на человѣческой кожѣ, заявивъ, что для него онѣ только свѣтовая сыпь, которой не стоитъ придавать значенія. Для мозга Гегеля это было развитіемъ, оно освобождало его отъ лишней обузы, нарушавшей стройность его натур-философской системы; но теорія свѣтовой сыпи Берлинскаго мудреца отнюдь не подняла развитія человѣческаго мозга вообще.

Итакъ психическимъ развитіемъ называется приобрѣтеніе всякаго новаго понятія, всякой новой реакціи, дающей возможность объединить раньше разъединенное, особенно же часто присоединить къ раньше извѣстному нѣчто новое. Такіе процессы видоизмѣняютъ весь мыслительный аппаратъ въ направленіи новаго богатства и въ тоже время большаго единства его функцій. Такъ, напр., открытіе Ньютона обогатило нашъ опытъ новыми воззрѣніями на движеніе луны, и въ то же время охватило его воедино съ фактомъ паденія камня на землю. При этомъ и все понятіе „паденія“ приобрѣло другое содержаніе и измѣнилось.

Мы уже знаемъ, что жизнеразность есть прежде всего затрата энергіи, превышающая притокъ ея въ видѣ питанія. Если жизнеразность періодически возвращается и организмъ противопоставляетъ ей устраняющую ее реакцію, т. е. такъ или иначе покрываетъ временный перерасходъ, такая комбинація носить у Авенаріуса названіе комоментъ. Если какая-нибудь частная жизнеразность поднимается до степени регулярнаго комомента,—это называется положительнымъ коментированіемъ, паденіе же комомента до степени разрозненныхъ случайныхъ жизнеразностей—отрицательнымъ коментированіемъ.

Выше описанное развитіе, т. е. обогащеніе и объединеніе мыслительнаго аппарата есть не что иное, какъ замѣстительство комоментовъ.

Возьмемъ примѣръ Авенаріуса.

Софистъ Антисфенъ часто видѣлъ море. Воспріятіе моря отнюдь не вызывало въ немъ жизнеразности. Наоборотъ,—море стало для него привычнымъ, онъ любилъ его, оно казалось ему красивымъ и возвышеннымъ, вос-

пріятіе моря окрашивалось положительнымъ аффекціо-
номъ, т. е. очевидно разрѣшало жизнеразность перенакоп-
ленія. Но однажды море произвело на него совсѣмъ другое
впечатлѣніе. Благодаря какому-то стеченію обстоятельствъ
передъ нимъ сталъ вопросъ: „Да что такое собственно мо-
ре?“ Отвѣтъ, что это просто нѣчто данное отнюдь не
удовлетворилъ его. Возникла жизнеразность высшаго по-
рядка и начался длинный и тревожный жизненный рядъ,
попытки связать „море“ съ чѣмъ-нибудь, что не возбужда-
ло-бы сомнѣній и тревогъ, и къ чему оно могло бы быть
сведено. Переходя къ все болѣе далекимъ и непривычнымъ
формамъ измѣненій системы С,—удалось наконецъ достичь
устраненія жизнеразности, благодаря противопоставленію
жизнеразности, сказывавшейся въ сознаніи вопросомъ: „Что-
же такое море?“ одного изъ установившихся комоментовъ,
при очень незначительномъ его измѣненіи: „тѣло покры-
вается влагой благодаря потѣнію, очевидно, что и море
есть потъ тѣла земли!“ Такимъ образомъ прочный комо-
ментъ, отражающійся въ сознаніи отвѣтомъ, „это потъ“—
оказался примѣнимымъ къ морю, и замѣстилъ собою
неудовлетворявшій больше комоментъ: „это просто море“.

Петцольдъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что рядомъ съ
замѣстительствомъ комоментовъ происходитъ нѣкоторое
видоизмѣненіе замѣщающаго, что можетъ быть обозначено
терминомъ приспособленіе комоментовъ.

Замѣстительство комоментовъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ
при неизмѣнной средѣ измѣняется отношеніе къ ней сис-
темы С, что дѣлаетъ ранѣе существовавшій комоментъ не-
удовлетворительнымъ. Въ томъ же случаѣ, когда въ средѣ
появляется новый прочный комплексъ элементовъ, то въ дан-
ной частной системѣ вырабатывается новый комоментъ. Авена-
ріусъ называетъ это пріобрѣтеніемъ комомента. Въ
сознаніи замѣстительству соотвѣтствуетъ расширеніе поня-
тія, пріобрѣтенію—образование понятія.

Система С. приспособляется къ новому въ средѣ путемъ
образования новаго понятія, причемъ время превращаетъ
потомъ непривычное въ привычное, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ
обыкновенное и понятное.

Особою причиною развитія можетъ быть также то, что

подмѣчается новая, до того незамѣченная черта, какого-нибудь члена объема понятія или цѣлой группы такихъ членовъ. Это приводитъ къ дифференціаціи первоначальнаго понятія, къ образованію новаго подчиненнаго понятія подвѣда. Физиологически этому соответствуетъ приобрѣтеніе комомента, но отличающагося отъ раньше практиковавшагося лишь нѣкоторыми компонентами.

Такимъ образомъ подчиненіе понятій низшихъ высшимъ вытекаетъ прямо изъ замѣстительства комоментовъ и изъ приобрѣтенія частично уклоняющихся комоментовъ.

Всѣ перечисленные факты развитія являются выработкой особыхъ формъ, измѣненій системы С въ зависимости отъ какакихъ-либо частныхъ жизнеразностей. Но система С сама способна вырабатывать особые предохранительныя формы, противопоставляемыя самой возможности варіацій привычныхъ формъ.

Свойства отъ ихъ формъ таковы, что измѣненіе среды не въ состояніи измѣнить ихъ; между тѣмъ они способны устранить множество жизнеразностей, неустранимыхъ частными комоментами.

Авенаріусъ указываетъ на два рода предохранительныхъ формъ.

Независимый рядъ перваго рода предохранительныхъ формъ находится внѣ зависимости отъ среды: напр. представленіе дикарей о духахъ, живущихъ въ растеніяхъ и камняхъ, не можетъ быть поколеблено никакимъ опытомъ. Равнымъ образомъ никакія части среды не могутъ принудить культурнаго человѣка вернуться къ этому представленію. Также точно немислимо ни доказать, ни отвергнуть „міръ идей“ Платона, такъ какъ эти предохранительныя формы не покоятся на прямомъ опытѣ. Этотъ родъ предохранительныхъ формъ Авенаріусъ называетъ *индепендентами*. Индепенденты, будучи сами независимы отъ воздѣйствій варіирующей среды, въ то же время примѣняются для рѣшенія разныхъ загадокъ, путемъ замѣстительства. Всѣ метафизическія обьясненія міра суть не что иное, какъ попытки замѣстить неудовлетворяющіе комоменты наивнаго реализма комоментами индепендентъ, и поставить ихъ такимъ образомъ внѣ опасности отъ сюрпризовъ шаткой эмпириі.

Переворотъ въ наукѣ, опредѣляемый какъ крушеніе догматизма, сводится къ дискредитаціи индипендентъ. Мѣсто ихъ замѣнила другая предохранительная форма: форма общихъ понятій. Эта форма всецѣло зависитъ отъ опыта, т. е. отражаетъ несомнѣнные факты, но только то въ этихъ фактахъ, что обще имъ, всѣ же частности отбрасываются. Очевидно, что разнаго рода колебанія опыта ничуть не вредны для общаго понятія именно потому, что оно зиждится на игнорированіи уклоняющихся въ сторону чертъ. Эти частности квалифицируются какъ „незначительныя“, „неважныя“. Такъ, напр., отсутствіе единообразія въ эмпирическихъ кругахъ не мѣшаетъ нашему общему понятію „кругъ“ пребывать неизблемымъ, какъ и отсутствіе единообразія розъ не уничтожаетъ общаго понятія „роза“.

Высшія понятія, т.-е. вершины абстракціи, являются самими независимыми изъ всѣхъ понятій, и потому они особенно часто играютъ роль предохранительныхъ формъ.

Стремленія такъ называемой критической философіи (кантовской и неокантіанской) характеризуются главнымъ образомъ выдѣленіемъ высшихъ абстракцій въ особую группу совершенно независимыхъ отъ опыта апріорныхъ категорій и замѣной ими метафизическихъ индипендентъ. Выработка системы общихъ понятій является также одной изъ важнѣйшихъ задачъ науки и научной философіи. При этомъ однако онѣ отдають себѣ отчетъ въ томъ, что общее понятіе есть именно абстракція, лишь слово обнимающее собою группу на дѣлѣ варьирующихъ объектовъ.

Правило есть также не что иное, какъ общее понятіе выведенное путемъ абстракціи изъ цѣлаго ряда явленій, это—предохранительная форма совершенно того же рода, что и общія понятія вообще. Совсѣмъ другое дѣло—научный законъ. Формально—научный законъ также предохранительная форма, но по существу разниа огромна. Изъ правилъ возможны исключенія, которыя просто игнорируются изъ законовъ—отнюдь. Законъ есть математически точное выраженіе взаимозависимости явленій природы. По существу своему законъ вовсе не есть абстракція, а описаніе того, какъ явленіе на самомъ дѣлѣ происходитъ, точная копія явленія въ его чистой формѣ. Такая копія посту-

лируется затѣмъ, какъ обязательный прообразъ (т.-е. именно какъ законъ) для всякаго другого явленія при повтореніи точно тѣхъ же предпосылокъ.

Напр., мы устанавливаемъ: точное наблюденіе показываетъ намъ, что паденіе массы вѣсомъ въ килограммъ съ высоты 424 метровъ на неэластичную подставку переходить въ количество теплоты, способное нагрѣть одинъ килограммъ воды на одинъ 1° по Ц. Точное описаніе этого факта уже и есть законъ, т.-е. при равныхъ условіяхъ паденіе массы въ одинъ килограммъ не можетъ породить ни больше, ни меньше теплоты чѣмъ указанное. Убѣдившись изъ нѣсколькихъ наблюденій въ томъ, что количество теплоты варьируетъ вмѣстѣ съ величиной массы и скоростью паденія, мы описываемъ все явленіе въ его самой общей формѣ — формулой $\frac{mv^2}{2} = E.Q.$

Итакъ научный законъ есть точное описаніе фактовъ. Но именно необходимость точнаго описанія заставляетъ насъ анализировать дѣйствительность, разлагать ея явленія на простѣйшіе элементы, лишь таковыя можемъ мы описать съ достаточною точностью. А такъ какъ каждый такой элементъ на дѣлѣ является въ весьма сложной связи съ другими, то міръ научныхъ законовъ и кажется абстрактнымъ. По существу своему міръ законовъ есть конкретнѣйшій міръ, потому что законъ есть простое описаніе совершающагося плюсъ увѣренность въ единообразіи процессовъ природы (или, что то же, въ сохраненіи энергіи). Но такъ какъ мы не можемъ охватить явленій природы цѣликомъ въ одномъ законѣ, а принуждены разлагать ихъ для этого, то создается иллюзія пропасти между „сѣрой теоріей“ и „цвѣтушимъ деревомъ жизни“.

Мышленіе въ терминахъ законовъ есть предохранительная форма, такъ какъ она знаменуетъ собою увѣренность въ существованіи общаго и постояннаго въ самыхъ причудливыхъ и измѣнчивыхъ явленіяхъ, и такимъ образомъ способствуетъ предварительному смягченію жизнеразностей чудеснаго, непостижимаго, таинственнаго. Идея математической закономерности природы есть общее понятіе той же категоріи, что и геометрическое пространство и аримети-

ческое время; это высшее обобщеніе изъ міра опыта, но каждое частное его примѣненіе, каждый отдѣльный законъ не есть правило, которое удерживается лишь путемъ игнорированія мелкихъ исключеній, но точное описаніе строго опредѣленнаго, аналитически очищеннаго явленія.

Примѣняя идею законмѣрности въ повседневной жизни, мы конечно пользуемся ею, какъ предохранительной формой, т.-е. игнорируя кажущіяся отклоненія отъ этой общей идеи; но наука основана не на игнорированіи деталей, а на выдѣленіи отдѣльныхъ рядовъ явленій. Всякая деталь, игнорируемая съ одной точки зрѣнія, должна найти собственное законмѣрное описаніе съ другой. Такъ напр. примѣняя законъ равноускореннаго паденія къ реальнымъ падающимъ тѣламъ, мы игнорируемъ сопротивленіе воздуха и тому подобныя препятствія къ проявленію этого закона (а экспериментаторъ старается по мѣрѣ силъ устранить ихъ); но сопротивленіе воздуха данной плотности само подлежитъ вычисленію и сведенію на простѣйшіе законы.

Такимъ образомъ если человѣкъ, мыслящій природу какъ законмѣрное сочетаніе явленій, пользуется предохранительной формой типа общаго понятія, и разрѣшаетъ отдѣльныя жизнеразности, замѣщая неудовлетворяющіе комоменты этой формой, то все же между нимъ и человѣкомъ, пользующимся для этого простыми правилами, есть большая разница. Противопоставляя правила мы успокаиваемся; полагая же данное явленіе законмѣрнымъ, мы только правильно ставимъ задачу.

Примѣръ: мой знакомый, больной чахоткой, почувствовалъ себя значительно лучше, и вдругъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого умеръ. Отсюда жизнеразность: „чѣмъ объяснить это явленіе?“ И вотъ я читаю въ какой-нибудь популярно-медицинской книгѣ: „чахоточные всегда чувствуютъ себя лучше передъ смертью“. Это общее правило я принимаю къ свѣдѣнію и фактъ кажется теперь мнѣ понятнымъ. Но еслибы я хотѣлъ объяснить себѣ мое наблюденіе, выразивъ его въ терминахъ простыхъ и математическихъ законовъ, передо мной открылось бы необъятное поле изслѣдованія: мнѣ надо было бы изслѣдовать отчего

непосредственно зависить самочувствіе, при чемъ выразить относящіяся сюда явленія независимаго ряда въ точнѣйшихъ физико-химическихъ терминахъ, а затѣмъ путемъ построенія тщательной физико-химической картины развитія хаотичности объяснить изъ коренныхъ ея процессовъ деминуемое наступленіе въ независимомъ ряду вышеупомянутаго чувства облегченія. Только тогда имѣлъ бы я дѣло съ объясненіемъ явленія при посредствѣ законовъ.

Мы особенно остановились на этомъ пунктѣ потому, что изъ положенія Авенариуса можно сдѣлать крайне неправильное умозаключеніе, будто бы наука строится путемъ простой абстракціи, путемъ выдѣленія общаго и игнорирования частнаго: такъ строится лишь научная классификація, но отнюдь не научно-закономѣрное познаніе природы.

Научное стремленіе къ монизму поэтому формально родственно поискамъ единоспасающей, искупляющей, вѣчной истины, такъ какъ общая формула, которая охватила бы всѣ явленія міра была бы предохранительной формой наивысшаго мыслимаго порядка: каждое явленіе легко укладывалось бы въ нее, какъ математически точный модусъ ея; но между ними есть и огромная разница: идеаль науки—міровая формула—должна охватить всѣ явленія безъ исключенія, т. е. связать все многообразіе природы, выяснивъ строгую взаимопредѣленность всѣхъ ея сторонъ; единоспасающая же, метафизическая истина выдѣляетъ изъ міра вообще то, что въ немъ „существенно“, „вѣчно“ и т. п.

Жажда нирваны у Будды, Эросъ, какъ неутолимое стремленіе къ высшей Идеѣ, у Платона, тоска по искупленію, спасенію отъ юдоли преходящаго у христіанъ, „*amor ergo rem aeternam et infinitam*“, метафизиковъ, нытье о вѣчностяхъ и безконечностяхъ у декадентовъ, и стремленіе къ монизму у натуралистовъ дѣйствительно имѣютъ общую черту: все это формы одинаго стремленія выработать мультипонибель возможно наивысшаго порядка, общій комоментъ, и спастись такимъ образомъ разъ навсегда отъ постановки средою познавательныхъ жизнеразностей, но въ то время, какъ у метафизиковъ это стремленіе носить дѣйствительно чисто оборонительный характеръ, и идутъ они къ нему превознося

существенное и закрывая глаза на остальное, у реалистов стремление къ монизму носить характеръ наступательный, это—стремление освѣтить и объединить в сѹ дѣйствительность. Надо сознаться, что это недостаточно выдѣлено и подчеркнуто у Авенаріуса.

Мы можемъ сказать, что развитіе идетъ не только путемъ выработки предохранительныхъ формъ вообще, но и путемъ перехода отъ низшихъ предохранительныхъ формъ къ высшимъ, и наконецъ къ выработкѣ міровой формулы, которая пока является лишь идеаломъ познанія. Итакъ, развитіе, по Авенаріусу, представляетъ изъ себя постепенное, все болѣе точное приспособленіе системы С къ средѣ, причемъ всѣ элементы среды, всѣ комбинаціи ихъ отражаются въ мозгу какъ комоменты, какъ акты планомѣрной гармонической жизни мозга.

Отсюда Авенаріусъ дѣлаетъ выводъ, что прогрессъ не безконеченъ. Предоставленная самой себѣ, т. е. непрерываемая никакой гибельной катастрофой, работа системы С неминуемо должна привести къ полному „обмогванію“ т. ск. міра, къ полной гармонизаціи соотвѣтственно выросшихъ и расширившихся функцій мозга, и всѣхъ возможныхъ явленій среды. Человѣчество не движется въ безконечность, но идетъ къ вполне опредѣленной, поставленной самымъ устройствомъ системы С цѣли, именно къ гармонизаціи ея отправленій въ нашей многообразной средѣ, къ претворенію такимъ образомъ среды въ „святилищѣ сохраненія жизни“. При этомъ человѣкъ оказался бы въ собственныхъ глазахъ вѣнцомъ, зрѣлымъ плодомъ міра, міръ воспринимался бы какъ совершенно, насквозь понятный, и при томъ какъ источникъ наслажденія. Надо отмѣтить, что божеское состояніе всезнанія и власти надъ міромъ, въ смыслѣ возможности удовлетворить всѣмъ желаніямъ (ибо желанія невозможныя просто не будутъ тогда возникать) отнюдь не должно по смыслу ученія Авенаріуса сопровождаться пониженіемъ преваленціаловъ и афекціоналовъ, т. е. интереса къ жизни и ощущенія радости бытія. Можно было бы думать такъ, потому что жизнеразности высшаго порядка уже не будутъ тогда возбуждаться въ людяхъ средою: человѣка ничто уже не удивитъ, не испугаетъ и т. д. Но не

надо забывать, что будетъ имѣть мѣсто постоянно вновь и вновь возникающая жизнеразность перенакопленія, которая постоянно и роскошно будетъ устраняться созерцаемъ и творчествомъ прекрасныхъ формъ и всѣми наслажденіями любви и другихъ прелестей физической и духовной жизни. достигающей все болѣе грандіознаго розмаха.

Къ идеалу всеблаженства и всевѣдѣнія Авенаріусъ относится не какъ къ регулятивной идеѣ, не какъ къ недостижимой, чисто формальной путеводной звѣздѣ человечества, но какъ къ неизбежному фазису его развитія. Отвлечаясь отъ космическихъ катастрофъ (внезапныхъ, или медленныхъ), онъ провидитъ человеко-бога какъ естественный вѣнецъ исторіи.

Многое можно возразить противъ этого представленія Авенаріуса. Можно вмѣстѣ съ Гефдинггомъ предположить, что вселенная сама незакончена, что въ ней постоянно развиваются новыя формы, что она постоянно будетъ ставить познанію новыя и новыя задачи. Можно указать на такой факторъ движенія, какъ орудія производства, включая сюда и орудія изслѣдованія: измѣняясь сами, они измѣняютъ какъ природу такъ и человека, создаютъ новыя взаимоотношенія и приводятъ къ результатамъ, которые въ свою очередь становятся причиной новаго развитія орудій; можно указать на пространственную безграничность вселенной и на предстоящую быть можетъ человечеству борьбу за междупланетныя пространства, борьбу, которая отодвинетъ предусматриваемую Авенаріусомъ уравниовѣшенность въ безконечную отдаленность. Можно открыть головокружительныя перспективы мірового величія. Гдѣ и когда остановилось бы развитіе всечеловѣческой системы С., если бы никакая катастрофа, вродѣ, напр., угасанія солнца, не положила ему предѣла, невозможно предвидѣть *). Но несомнѣнно одно, и въ этомъ отношеніи Авенаріусъ глубоко правъ: то „нормальное сознаніе“, о которомъ толкуетъ Виндельбандъ, тотъ идеаль, который по Фейербаху человекъ проѣцировалъ въ небеса—есть не что иное, какъ отраженіе въ сознаніи біологическихъ тенденцій мозга. Вершины экстазовъ чело-

*) Ср. „Новая теорія позитивнаго идеализма“, гл. VI, конецъ.

вѣщества, величайшія эсхатологическія пророчества суть антиципаціи отраженнаго въ сознаніи біологическаго факта конечной гармонизаціи мозга.

Гармонизація мозга происходитъ двумя путями.—1) Путемъ естественнаго упрощенія среднихъ членовъ независимыхъ рядовъ: члены ряда, бесполезные для цѣли устраненія жизнеразностей, будутъ постепенно выпадать, остаются же лишь необходимые и наиболѣе быстро ведущіе къ желанному результату. Законъ этотъ Авенаріусъ формулируетъ такъ: „жизненные ряды все болѣе и болѣе ограничиваются тѣми членами, которые совершенно необходимы для наискорѣйшаго, наипростѣйшаго и полнаго завершенія ряда“.

2) Другимъ путемъ гармонизаціи мозга является установка все болѣе устойчивыхъ, все болѣе всеобъемлющихъ мультипониблей, приближеніе къ совершенной константѣ.

Урегулированный міръ понятій, эта гармонизованная картина міра въ мозгу, путемъ дифференціаціи и интеграціи организуется въ систему все болѣе непоколебимую.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ пріемахъ, путемъ которыхъ въ колеблющемся и непостоянномъ мірѣ опыта мы выдѣляемъ непоколебимые законы. Мы уже говорили объ этомъ. Еще разъ отмѣтимъ лишь, что Авенаріусъ постоянно подчеркиваетъ методъ абстракціи, т. е. выдѣленія общаго, какъ болѣе постояннаго, изъ случайнаго, что можетъ навести на мысль, будто случайное просто игнорируется наукой. Это было бы совершенно невѣрно. Вѣдь прыжки мячика нисколько не заставляютъ меня сомнѣваться въ законѣ паденія и не потому, чтобы я игнорировалъ фактъ движенія мячика отъ земли, а потому, что формулируя законъ паденія, я бралъ это явленіе въ его чистомъ видѣ внѣ вліянія другихъ явленій, напр., явленія упругости, формулированныхъ въ другихъ законахъ. Мы разлагаемъ міръ на основные, закономерные ряды: слѣдя за одною цѣпью энергетическаго процесса, мы нигдѣ не найдемъ ничего случайнаго, случайны съ точки зрѣнія этой цѣпи лишь пересѣченія ея съ другими энергетическими цѣпями въ пестрой ткани бытія. Объясняя фактъ, т. е. сводя его къ законамъ,

я не выдѣляю существеннаго изъ несущественнаго, а рассматриваю его какъ узелъ; распутывая каждый, я получаю отдѣльныя, математически законмѣрныя, энергетическія цѣпи. Въ этомъ пунктѣ, повторяемъ, Авенаріусъ можетъ дать поводъ къ недоразумѣнію.

Такимъ-то образомъ вырабатываются тѣ высшія мультипонибли, которыми пользуется человѣкъ во всей большей мѣрѣ. Высшая мультипонибль не есть простое отраженіе наичаще встрѣчающагося въ нашей средѣ явленія; напротивъ, явленія въ чистомъ законмѣрномъ видѣ встрѣчаются крайне рѣдко, иногда лишь въ кабинетѣ экспериментатора: въ процессѣ познанія, разлагая явленія, мы будемъ находить его законмѣрные элементы, которымъ и соответствують мультипонибли. Міръ, подвергнутый научному анализу, разлагается на нѣкоторое количество (притомъ все болѣе уменьшающееся) основныхъ элементовъ; въ этомъ смыслѣ отвѣчающія этимъ элементамъ понятія являются высшими мультипониблями. Но имѣются мультипонибли еще и другого характера, т. н. общія правила, отражающія часто встрѣчающіяся комплексы элементовъ въ цѣломъ, безъ анализа. Въ наукѣ такія правила могутъ имѣть мѣсто лишь въ количествѣ предварительныхъ построеній. Кантъ болѣе привыкъ къ прогулкѣ въ извѣстный часъ, чѣмъ къ тому, что тѣла, разъ получившія движеніе, движутся равномерно и прямолинейно до бесконечности; факта подобнаго рода движенія онъ, конечно, ни разу не наблюдалъ, а прогулокъ не измѣнялъ въ теченіи полустолѣтія; однако, онъ, конечно, никогда не призналъ бы, что мультипонибль: „въ такомъ-то часу я гуляю“, можетъ конкурировать въ смыслѣ прочности съ мультипониблью—закономъ инерціи.

Всякія поверхностныя комбинаціи въ процессѣ общественнаго обмѣна идей, въ особенности при широкомъ обмѣнѣ въ широкомъ обществѣ, разлагаются и рушатся какъ бы онѣ не были привычны, постепенно-же вырабатываемые законы, т.-е. высшія научныя мультипонибли, становятся болѣе лишь всенезыблемыми. Индивидуальное стирается, всеобщее утверждается. Въ борьбѣ идей между собою, какъ въ индивидуумѣ, такъ и въ обществѣ, выживаютъ тѣ, которыя позволяютъ съ наибольшей легкостью охватить возможно больше

фактовъ, т.-е. получить въ результатъ анализа явленій основные законы, элементарные компоненты, изъ которыхъ можно математически синтезировать самыя явленія.

Этотъ законъ Авенариусъ формулируетъ такъ: „чѣмъ болѣе широки въ пространствѣ и времени условія положительнаго развитія индивидуальных системъ С, поколѣній, народовъ, человѣчества, тѣмъ болѣе совпадаютъ конечныя состоянія системъ С (т.-е. конечные члены жизненныхъ рядовъ) съ наивысшими мультипонибиями (самыми основными и тѣмъ самымъ и всеобщими законами) тѣмъ болѣе приближаются они къ совершенной константѣ“.

Пока культура развивается въ уголкѣ, пока господствуетъ домашнее производство и потребление, мы видимъ въ мышленіи человѣчества множество идіосиндемъ т.-е. оригинальныхъ, индивидуальных или групповыхъ міровоззрѣній, по мѣрѣ же обобществленія производства и объединенія человѣческой культуры идіосиндемы, исчезая, теряя во взаимоотношеніи свои острые углы, или сливаясь между собою, все болѣе гармонизируются въ единое общечеловѣческое міровоззрѣніе.

Въ наукѣ разнообразіе изучаемыхъ явленій достигаетъ максимума, охватываетъ постепенно все, что вообще существуетъ для человѣка, и въ то же время, формально, различія этихъ явленій сводятся къ минимуму. Въ разнороднѣйшихъ явленіяхъ мы усматриваемъ все тѣ же элементы, тѣ же законы, мы всюду устанавливаемъ великую научную таутогу.

Наука при растущемъ обиліи и разнообразіи матерьяла все болѣе его монитизируетъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Намъ кажется, что предлагаемая работа не нуждается въ резюмированіи. Общія резюме мы дали въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Читатели, надѣмся, ясно представляютъ себѣ біологическую картину функцій и развитія мозга, а въ созданіи стройной біологической картины и въ освѣщеніи черезъ посредство ея жизни сознанія—главная заслуга Авенариуса.

Что же касается собственно теоретико - познавательнаго вывода Авенариуса, то намъ легче всего формулировать его въ видѣ отвѣтовъ на тѣ три основные вопроса, которые Авенариусъ поставилъ во главѣ сочиненія, и которые перечислены у насъ въ нашемъ введеніи.

Вопросъ I. Въ какомъ смыслѣ и какомъ объемѣ можемъ мы принимать части, окружающей насъ среды за предпосылки опыта?

Отвѣтъ: Только въ смыслѣ дополнительныхъ условій для конечныхъ состояній системы С, и то лишь тогда когда высказываемыя психическія цѣнности зависятъ непосредственно именно отъ этихъ конечныхъ состояній. Это значитъ, что сознаваемое нами и высказываемое нами за опытъ не есть нѣчто чисто объективное, чисто внѣшнее, отраженное нами, какъ отражаетъ зеркало, нѣтъ, — мы познаемъ и высказываемъ лишь состоянія системы С, обусловленные всѣми внутренними особенностями строенія ея и всѣми особенностями переживаемаго момента, плусъ воздѣйствія внѣшней среды; чѣмъ въ меньшей мѣрѣ привходятъ въ условія этого состоянія индивидуальныя и временныя особенности системы С, тѣмъ чище опытъ, и тѣмъ болѣе совпадаетъ онъ съ опытомъ общечеловѣческимъ. Итакъ, устраняя результаты внутреннихъ индивидуальныхъ процессовъ изъ нашихъ высказываній мы приближаемся къ чистому опыту.

Вопросъ II. Въ какомъ смыслѣ и объемѣ можемъ мы признать за опытъ человѣческія высказыванія?

Опытомъ люди называютъ все, что они находятъ въ окружающей средѣ въ отличіе отъ того, что они активно создаютъ своимъ воображеніемъ. Очевидно, однако, что такой опытъ, соотвѣтствующій аналитическому его опредѣленію, не всегда соотвѣтствуетъ синтетическому опредѣленію, т. е. идеалу чистаго опыта. Чистый опытъ долженъ отражать въ себѣ лишь вещи или мысли, поскольку они воспринимаются именно съ характеромъ вещиности, какъ объективное, просто данное, и потому доступное каждому нормальному человѣку, и каждымъ таковымъ воспринимаемое одинаково. Лишь путемъ критической взаимопровѣрки выдѣляемъ мы изъ разрозненнаго міра человѣческихъ опытовъ вообще, единый общезначимый чистый опытъ.

Вопросъ III. Въ какомъ смыслѣ и объемѣ совпадаютъ синтетическое и аналитическое опредѣленіе опыта?

Мы уже дали отвѣтъ на этотъ вопросъ. Совпаденіе высказываемаго нами опыта съ чистымъ возможно лишь въ томъ случаѣ, когда методологическія предпосылки наблюденія и обработки опыта гарантируютъ совершенное отсутствіе всякихъ индивидуальных примысловъ или искаженій. Научный опытъ открываетъ передъ нами объективный міръ, т. е., основываясь на немъ, мы можемъ безбоязненно конструировать будущее, при чемъ такая конструкція, какъ послѣдняя критическая провѣрка не можетъ поколебать его, какъ не поколеблется онъ отъ критической свѣрки съ опытами другихъ индивидовъ. Опытъ вообще можетъ оказаться неправильнымъ при примѣненіи логическихъ выводовъ изъ его данныхъ къ дѣйствительности, онъ можетъ оказаться невѣрнымъ при сравненіи его съ опытомъ болѣе наблюдательнаго индивида: ничто подобное невозможно для чистаго опыта. Въ предѣлахъ чистаго опыта уже невозможна борьба вѣрныхъ или невѣрныхъ представленій, а лишь болѣе и менѣе удобныхъ, болѣе и менѣе экономныхъ концепцій опыта; побѣда остается, конечно, за все болѣе удобными, т. е. за все болѣе экономными.

А вещь въ себѣ? Но она нигдѣ не дана намъ. Намъ даны лишь человѣческія существа, и ихъ воспріятія; каждый человѣкъ имѣетъ свои воспріятія и свое представленіе

среды: въ этихъ воспріятіяхъ и представленіяхъ одни компоненты совпадаютъ, другіе разнятся; процессъ міропознанія есть процессъ гармонизаціи конгрегативной системы системъ С, или всечеловѣческаго сознанія.

Когда люди будутъ воспринимать объективный міръ, это будетъ значить, что система системъ С гармонизирована. Объективный міръ будетъ восприниматься, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно понятный, а со временемъ и совершенно покорный эдемъ, полный древъ познанія и древъ жизни.

Таковъ результатъ геніальнаго изслѣдованія Авенаріуса.

Закончимъ нашу книгу горячими совѣтами: 1) внимательно прочесть вслѣдъ за нашимъ изложеніемъ „Критики чистаго опыта“, — книгу Авенаріуса „Человѣческое міропониманіе“, которая имѣется въ русскомъ переводѣ. 2) Для всѣхъ, кому доступно, — проштудировать оригиналъ „Критики чистаго опыта“.

Пользуясь сравненіемъ Спенсера, мы можемъ сказать, что наше изложеніе даетъ такое же представленіе о самой книгѣ, какъ карта Швейцаріи о самой Швейцаріи. Ну пожалуй еще, какъ карта съ приложеніемъ альбома снимковъ.

Наша цѣль—какъ можно болѣе заинтересовать русскую публику оригинальнымъ и прекраснымъ міромъ идей Цюрихскаго мудреца. Мы счастливы, если поспособствуемъ росту этого интереса.

НОВАЯ ТЕОРІЯ ПОЗИТИВНАГО ИДЕАЛИЗМА.

(Panideal).

I.

Въ предыдущей совершенно самостоятельной части настоящей книги читатель нашелъ изложеніе самой передовой какъ намъ кажется, школы позитивной философіи.

Мы думаемъ однако, что жаждущій отвѣта на коренные свои запросы читатель не вполне удовлетворенъ нами.

Философія должна отвѣтить на вопросъ „какъ жить? для чего жить!“, она должна указать и обосновать жизненные цѣнности, между тѣмъ какъ мы говорили лишь о томъ, какъ познавать.

Имѣются ли у позитивистовъ тѣ путеводныя звѣзды, которыя сіяютъ на небѣ идеалистической философіи. Въ нашихъ сумеркахъ мы представляемъ себѣ философа, какъ высшую величавую фигуру, вырисовывающуюся на тускломъ фонѣ неба и великолѣпнымъ жестомъ указующаго на яркую кормчую звѣзду, льющую свой вѣчный свѣтъ сквозь колеблющіяся туманы полупрозрачной и преходящей дѣятельности.

А философъ-позитивистъ! Онъ наблюдаетъ, какъ познаютъ люди, и изъ наблюденій, холодныхъ и безстрастныхъ, дѣлаетъ свои выводы о правильномъ пути познанія. Это конечно хорошо, но смотрите: его гносеологическій канонъ повелѣваетъ намъ отвернуться отъ кормчихъ звѣздъ, онъ убѣдительно доказываетъ, что эти звѣзды—плодъ воображенія. И позитивистъ говоритъ „величавой фигурѣ“: „доволь-

но, братъ, ступай себѣ: сквозь туманы смотрятъ подводныя скалы, просвѣчиваютъ бѣлыя отмели: заглядѣвши на звѣзды ты рискуешь насадить на нихъ нашу ладью“.

Прекрасно: позитивистъ, быть можетъ, поможетъ намъ узнать скалы и отмели и найти фарватеръ, но намъ нужно знать, стоитъ-ли намъ вообще плыть? И куда, зачѣмъ плывемъ мы? Дайте отвѣтъ.

И мы даемъ отвѣтъ. Какъ правильный путь познанія указанъ нами по изслѣдованіи того, какъ познаютъ люди, такъ правильный путь жизни, указывается по изслѣдованіи того, о чемъ тоскуютъ, что хотятъ люди, къ чему реально движутся они.

Такое изслѣдованіе и далъ въ своей книгѣ „Panideal“ ученикъ Авенариуса Гольцапфель.

Въ предлагаемомъ сочиненіи мы дали послѣдовательное изложеніе этой замѣчательной работы. Но неоднократно намъ придется разойтись съ Гольцапфелемъ и съ нашей точки зрѣнія исправлять его.

II.

Въ своемъ предисловіи къ критически излагаемому нами сочиненію Гольцапфеля, Эрнстъ Махъ говоритъ между прочимъ: „Методы новѣйшей психологіи — экспериментъ и измѣреніе — цѣнятся по всей справедливости, но книга Гольцапфеля можетъ служить доказательствомъ, что и продуктивность простого рефлектирующаго самонаблюденія далеко не исчерпана“.

Было бы однако неправильно думать, что методъ Гольцапфеля есть самонаблюденіе. Онъ составляетъ лишь одинъ изъ источниковъ его выводовъ, рядомъ съ нимъ имѣютъ мѣсто и наблюденія надъ сочеловѣками, надъ индивидуальной и соціальной психологіей людей.

Однако фактическій матеріалъ скрытъ въ произведеніи Гольцапфеля, въ немъ мы имѣемъ передъ собою лишь строго-логическій анализъ нѣкоторыхъ основныхъ понятій.

По внѣшней конструкціи и изложенію „панидеаль“ напоминаетъ „критику чистаго опыта“ Авенариуса. Это строго-

последовательное, попунктное „копированіе“ фактовъ дѣйствительности. Но въ то время, какъ Авенаріусъ, имѣя предметомъ своего изслѣдованія „опытъ“, сразу начинается съ установленія необходимыхъ посылокъ „опыта“ и ихъ взаимоотношеній, Гольцапфель начинаетъ повидимому издалека.

Первая глава его книги называется „Одиночество“, послѣдующіе „Стремленіе“ (тоска—Sehnsucht), „Надежда“, „Молитва“, „Борьба“, „Совѣсть“, „Искусство“, „Міръ“ и наконецъ „Идеаль“, при чемъ эта послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ лишь 5 стр.

На первый взглядъ можетъ показаться, что эти отрывочные психологическіе этюды въ духѣ напр. Метерлинка, но это отнюдь не такъ. Система царитъ надъ книгой Гольцапфеля, но система очень своеобразная. „Одиночество“ служитъ исходнымъ пунктомъ изслѣдованія потому, что оно является главнымъ источникомъ „идеализма“, какъ настроенія. Гольцапфель очень широко понимаетъ одиночество. Въ общемъ онъ различаетъ слѣдующія его формы:

1) Простое уединеніе, при которомъ не чувствуется ни удовольствія, ни неудовольствія. 2) Уединеніе связанное съ радостнымъ чувствомъ освобожденія отъ оковъ непріятной среды, отъ необходимости продолжать тягостное общеніе и 3) Одиночество, связанное съ чувствомъ отверженности, отброшенности и т. п. непріятными эмоціями. Человѣкъ можетъ быть уединенъ или одинокъ и среди другихъ людей, среди шумной суеты, если онъ „замкнуть въ себѣ“ или скрываетъ свою настоящую личность за лицемѣрной маской.

Но свое одиночество, свою изолированность человѣкъ можетъ чувствовать и по отношенію къ себѣ самому; такъ, настоящій моментъ его жизни можетъ казаться ему отчужденнымъ, оторваннымъ отъ прошлаго, какой-нибудь его порывъ изолированнымъ, чуждымъ всему остальному строю его личности. Равнымъ образомъ человѣкъ можетъ чувствовать свое время, свою культуру чуждой прошлымъ культурамъ, которыя могутъ казаться прекрасными, еще чаще культурамъ будущаго. Антропоморфизирова окружающую среду человѣкъ легко можетъ ощущать отчужденность отъ природы, отъ Бога, отъ „вещей въ себѣ“, отъ „небесной жизни“.

Итакъ чувство „уединенности“ мы имѣемъ всюду, гдѣ человѣкъ ясно сознаетъ отсутствіе связи между собою и какимъ-нибудь объектомъ, чувство „одиначества“ всюду, гдѣ это отчужденіе испытывается индивидомъ, какъ нѣчто отрицательное, тягостное.

Отчужденіе индивида отъ другихъ людей, отъ своей соціальной среды, можетъ быть обусловлено лишь какой-нибудь болѣе или менѣе радикальной разницей въ ихъ развитіи, при чемъ разница эта можетъ быть какъ качественной такъ и количественной.

Обыкновенно одиночество оцѣнивается неправильно: на память приходятъ крупныя личности, бывшія какъ-бы островами среди мелкаго и подвижнаго житейскаго моря, возникаетъ представленіе о величавой и богатой природѣ, которая „говоритъ“ отшельнику и такъ контрастируетъ съ мелочной подвижностью людскаго базара; дефилируютъ всѣ чудныя поэмы и мелодіи, весь элегическій міръ внутренней жизни „отшельниковъ-художниковъ“, которые, удалившись отъ суеты міра „внемяютъ глаголамъ своей души“. „Одинокій“—не значить ли это „единственный“, „исключительный?“ „Непонятый“, не значить ли это „высшій?“

Между тѣмъ это далеко не всегда такъ. Не только бываютъ „одинокіе“ вслѣдствіе низшаго или извращеннаго развитія, но самое стремленіе къ „одиначеству“, какъ признаку почетной исключительности, бываетъ часто болѣзненнымъ геніальничаньемъ, иногда пустымъ и смѣшнымъ, иногда вреднымъ. Даже почтительное удивленіе поклонниковъ, какъ-бы многочисленны они не были, не гарантируетъ намъ, что мы не имѣемъ передъ собою отрицательной геніальности.

Однако, несомнѣнно, „одиначество“ часто порождается геніальностью положительной,

По мѣрѣ роста и развитія „высшаго человѣка“, по мѣрѣ того, какъ въ душѣ избраннаго восходитъ солнце и освѣщаетъ ему новые пути, онъ въ горестномъ изумленіи замѣчаетъ, что тотъ же свѣтъ раскрываетъ въ его глазахъ звѣроподобныя черты лицъ его окружающихъ. И часто имъ овладѣваетъ негодованіе, и онъ счастливъ, что можетъ замкнуться въ презрительное одиночество.

Иногда геній радостно призываетъ окружающихъ идти за нимъ новыми путями, и ожесточается, встрѣчая тупое непониманіе, или даже насмѣшки и ненависть.

И вотъ геній попадаетъ въ уединеніе (хотя-бы жилъ въ центрѣ модной столицы). Его психологія постепенно измѣняется. Все меньше содержанія притекаетъ извнѣ, внутренняя же жизнь колоссально вырастаетъ: многообразно и свободно комбинируются образы, работаетъ фантазія, рисуя массу новаго и въ томъ числѣ конечно массу желательнаго. Одинокій—по преимуществу новаторъ, творецъ и мечтатель. Самая повышенность его внутренней жизни естественнымъ дополненіемъ имѣетъ жажду проявиться активно, жажду осуществить свои грезы, дѣлиться ими, проводить ихъ въ жизнь. Дѣятельные инстинкты все крѣпнутъ и требуютъ удовлетворенія.

Бываетъ и иначе: изолированный индивидъ получаетъ все меньше впечатлѣній извнѣ, его внутренняя жизнь все блѣднѣетъ и чахнетъ отъ отсутствія питанія, и просыпается тоской по другу, по человѣку, по соціальной связанности и взаимодействию.

„Избранный“ удалившійся отъ людей, отрясшій прахъ отъ ногъ своихъ, сначала испытываетъ удовольствіе свободы, потомъ, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія объ обидахъ и порокахъ людей блѣднѣютъ въ памяти отшельника, его „уединеніе“ превращается въ „одиночество“ все болѣе гнетущее. Напрасно отшельникъ возбуждаетъ въ себѣ прежнее чувство презрѣнія къ людямъ, припоминая ихъ отрицательныя черты, ему все болѣе хочется людей, хочется или сойти къ нимъ, или чаще поднять ихъ до себя, внушить имъ стремленіе къ своимъ высотамъ, хотя бы борясь съ ними, какъ съ врагами.

Только чрезмѣрно долгое одиночество, пережившее острый кризисъ порыванія къ дѣлу, къ соціальному творчеству, начинаетъ вредить избранному и разрушаетъ постепенно его психику.

Достаточно ориентированный въ этихъ явленіяхъ чловѣкъ не будетъ судить объ одиночествѣ абсолютно. Онъ будетъ помнить что „одинокій“, даже по всѣмъ признакамъ „одинокій геній“, можетъ быть часто величиной отрицатель-

ной, что цѣнность одиночеству придаетъ не элегическая, поэтическая его обстановка, а его культурная значительность. Онъ будетъ также знать, что человѣку, полному впечатлѣній, уединеніе можетъ быть необходимо для законченной ихъ организациі и естественнаго перехода въ активную энергію, но что для натуры мало-активной и обладающей небольшимъ запасомъ опыта жизни, одиночество разрушительный ядъ.

Не поэтичность одиночества, не радость и не горести его, не его фразеологія и не его декорація должны служить базисами его біокритической оцѣнки, но тотъ процессъ аккумуляціи социальной энергіи, который является и результатомъ и причиной положительнаго одиночества. Стремленіе (тоска—*Sehnsucht*), надежды, молитвы и борьба все это возникаетъ изъ одиночества, изъ чувства изолированности какого-либо рода, т. е. съ современниками, собою самимъ, прошлымъ или будущимъ, природой, Богомъ и т. д. Для того чтобы съ жаромъ отдаться какой-либо задачѣ, нужно ощутить свою отдѣленность, отчужденность отъ ея объекта. Въ этомъ еще болѣе широкомъ смыслѣ, изолированность, чувство пропасти между собою и объектомъ желаній есть исходный моментъ идеализма, какъ настроенія.

Гольцапфель нѣсколько спутываетъ обѣ формы отчужденности. оторванности: болѣе узкую—одиночества среди людей, и болѣе широкую—неудовлетворенность вообще. Тѣмъ не менѣе онъ даетъ поразительно тонкій въ психологическомъ отношеніи анализъ „одиночества“ и его критику. Далѣе онъ переходитъ къ анализу „тоски“ въ смыслѣ стремленія къ чему-нибудь, поисковъ чего-нибудь, порыва.

Будемъ передавать нѣмецкое слово *Sehnsucht* словомъ „тоска“, разумѣя не „тоскливое настроеніе“, а „тоска по чему-нибудь“. По опредѣленію Гольцапфеля тоска есть желаніе чего-нибудь, что признается на вѣкъ или временно недостижимымъ. Существуютъ различныя формы тоски: тоска, сопровождаемая увѣренностью или болѣе или менѣе яркой надеждой на исполненіе желаемаго въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; тоска по абсолютно недостижимому. Между этими двумя формами масса переходовъ,

такъ какъ надежда имѣетъ всѣ оттѣнки отъ почти полной увѣренности до глухого отчаянія.

Тоска, сопровождаемая надеждой, прочнѣе, ибо абсолютно безнадежная тоска, часто благодаря утомленію, превращается просто въ грезу, не окрашенную уже желаніемъ, а затѣмъ отмираетъ.

Тѣмъ не менѣе всякая тоска, т. е. даже безнадежная, даже простая „греза“ можетъ быть продуктивной. Если она и не приводитъ къ осуществленію своего непосредственнаго объекта, то она можетъ вызвать ассоціативно другія мечты, другую тоску, другія активныя стремленія. Тоска рѣдко бываетъ совершенно безплодной, т. к. ее обыкновенно сообщаютъ другимъ людямъ устно, письменно или въ произведеніяхъ искусства.

Такъ или иначе, но она, представляя изъ себя психическую энергію, такъ сказать высокаго потенціала, непременно волнуетъ окружающую среду. Но когда имѣется налицо совершенно непродуктивная и безнадежная тоска—она неминуемо приводитъ къ апатіи или смерти, если не устраняется сама черезъ утомленіе.

Тоска по великому, хотя бы непосредственно неисполнимому, но сопровождаемая какою-бы то ни было степенью надежды, независимо отъ того, осуществляются-ли ея объекты теперь или лишь черезъ столѣтіе, даетъ силу и розмахъ, жизни, она утѣшаетъ въ личныхъ скорбяхъ, она поднимаетъ человѣка надъ уровнемъ повседневного и ставитъ его лицомъ къ лицу съ грандіознымъ, всемірноисторическимъ, могучимъ. Поэтому возбуждать въ человѣческихъ сердцахъ новыя потребности, тоску по новымъ мірамъ при посредствѣ искусства въ широчайшемъ смыслѣ этого слова—значитъ повышать жизнѣдѣтельность, энергію и красоту жизни человѣчества. Почти всякое великое искусство есть выраженіе страстной и интенсивной тоски по чему-нибудь высшему, желанному. Не надо думать однако, что тоска по непосредственно неосуществимому выражается лишь въ искусствѣ, она выражается также въ подготовительныхъ работахъ и въ воспитаніи будущихъ поколѣній къ ожидающей ихъ великой роли исполнителей нашихъ чаяній.

Мы уже отмѣчали, что тоска есть естественное дополненіе къ чувству изолированности по отношенію къ людямъ или „антропоморфизмамъ“. Избранная натура почти всегда отмѣчена своимъ относительнымъ одиночествомъ и богатствомъ и интенсивностью своихъ стремленій, своей тоски. Чрезвычайно важно одно явленіе, отмѣчаемое Гольцапфелемъ: часто какая-нибудь, чисто индивидуальная „тоска“, являясь очевидно безнадежной, служитъ источникомъ для возникновенія аналогичной социальной тоски, уже не безнадежной, и надежда сіяющая въ концѣ пути, указуемого этою второю тоской, какъ будто облегчаетъ лютое горе, вся-же энергія личного стремленія—изливается въ стремленіе социальное. Такая комбинація является преобладающимъ психологическимъ состояніемъ у борцовъ за будущее человѣчество, за его социальное развитіе. И широкая натура не можетъ примириться на непосредственно исполнимомъ, а потому особенно часто переноситъ свой интересъ со своей личности на сочеловѣковъ.

Гольцапфель старается дать общую формулу того идеала, по которому можетъ тосковать избранный, высоко-развитой человѣкъ. Эта формула его весьма замѣчательна: высшей формой тоски онъ считаетъ „тоску по представленію, воспріятію и осуществленію возможно болѣе сложныхъ человѣческихъ комбинацій въ искусствѣ и жизни“. Многимъ эта формула можетъ показаться странной. Неужели все дѣло въ возможно большей сложности жизни? Не явная ли это ошибка? Не бессмыслица ли даже? не безнравственность ли наконецъ?

Какъ, высшій типъ человѣка тоскуетъ и долженъ тосковать не по счастью? не по всеобщей любви и миру? не по гармоніи жизни?

На нашъ взглядъ Гольцапфель далъ очень вѣрную и очень богатую и интересную формулу высочайшаго человѣческаго желанія. Въ дальнѣйшемъ, при полномъ выясненіи содержанія панидеала становится яснымъ, что нужно разумѣть подъ сложностью.

Богатство, т. е. разнообразіе, тонкость, т. е. отчетливость и детальность, дифференцированность натуры въ связи съ интенсивностью всѣхъ силъ организма—вотъ несомнѣнные

признаки высокоразвитаго человѣка, въ этомъ и заключается формальное развитіе. Но требуя жизни, максимума возможно разнообразнѣйшихъ жизненныхъ комбинацій, мы тѣмъ самымъ требуемъ возможно высокаго и въ то же время возможно болѣе разнообразно индивидуализированнаго развитія всѣхъ людей. Формула Гольцапфеля выражаетъ собою требованіе maximum'a жизни.

Но такое объясненіе рѣдко кого удовлетворяетъ. Намъ скажутъ, что высшій человѣкъ не наиболѣе развитой формально (въ вышеуказанномъ смыслѣ), а напимѣръ наиболѣе кроткій и любвеобильный, или наиболѣе соціально-полезный, способный даже на самоотверженную борьбу и работу, или наиболѣе отрѣшившійся отъ жизни, поднявшійся до чисто духовнаго отношенія къ бытію и т. д.

Но все это, прежде всего, узко. Любви и кротости жаждутъ утомленные. Не потому жаждутъ люди любви и кротости, чтобы роскошь жизни: полеты ума и страсти, героическая борьба, сверкающее творчество, искусство и культура, дарующая власть надъ стихіями, — были бы не желательны, а потому, что эта роскошь жизни покупается, какъ думаютъ сердобольные и утомленные, цѣною слишкомъ большихъ жертвъ.

Въ отвѣтъ на диѳирамбы „роскоши жизни“, какой-нибудь изъ пророковъ любви воскликнулъ бы съ негодованіемъ: „Вы, именно, требуете жестокости! Громъ пушекъ, ручьи крови, вопли и вмѣстѣ вспышки безумной храбрости — не правда ли, развѣ не „роскошь жизни“? Работы въ рудникахъ, во всевозможныхъ промыслахъ, гдѣ гибнетъ жизнь и здоровье, а рядомъ коллосальныя богатства и разгулъ „предпринимательскаго генія“, это ли не „роскошь жизни“?

Вся соціальная дисгармонія съ ея трескомъ и блескомъ, стопами и схватками, съ ея вавилонской разноголосицей — она должна возбуждать вашъ восторгъ, вашъ эстетическій восторгъ“!

О, нѣтъ! тамъ гдѣ личность гибнетъ ради непонятныхъ ей цѣлей, цѣлей низменныхъ, не стоящихъ человѣческихъ жертвъ, гдѣ трудъ превращаетъ человѣка изъ полубога, какимъ мы хотимъ его видѣть, въ машину, мы отнюдь не

восхищаемся, и остаемся вполне логичными. Неужели Богъ и червь это большее разнообразіе чѣмъ два Бога! Въдѣ комбинаціи тѣмъ болѣе усложняются, чѣмъ больше развитыхъ личностей въ нихъ участвуютъ. Если въ обществѣ есть хоть одинъ рабъ, то мы требуемъ, чтобы ему дали не только свободу, но развили его до доступнаго ему максимума. Хаосъ не есть разнообразіе, беспорядочный бредъ не перлъ фантазіи. Да, мы за борьбу, за многообразіе и многоцвѣтность жизни, но мы за борьбу развивающую, а не оупляющую, и не позволимъ подъ флагомъ эстетической необходимости провозглашать приниженіе человѣка. Это мы предоставляемъ тѣмъ адептамъ пророковъ любви, которые находятъ, что борьба со зломъ тщетна и въ своихъ теодицеяхъ доказываютъ, что зло необходимый тонъ въ нравственной гармоніи.

Что касается способности жертвовать собою для блага человѣчества, то эта способность лишь тогда является достоинствомъ личнымъ, когда она сознательна и добровольна и вытекаетъ изъ всего строя личности. Сильный человѣкъ, человѣкъ развитой въ нашемъ смыслѣ, жертвуетъ собою своей тоскѣ по грандіозному, именно потому, что его личность выходитъ за предѣлы его тѣла и его индивидуальной жизни, обнимая вѣка и поколѣнія, а его цѣли, далекія, огромныя, остаются все же его цѣлями, и гибнетъ онъ не для другихъ, а вслѣдствіе требованій того плана борьбы за свой идеалъ, который онъ себѣ намѣтилъ.

Но типъ соціально-самоотверженныхъ людей, самопожертвованіе которыхъ вытекаетъ изъ слабой жизни, изъ чувства своего болѣзненнаго несовершенства и неприспособленности, отъ того, что ихъ жизнь имъ не нужна въ сущности, такіе люди могутъ быть полезны, какъ *chair a saop*, какъ полезны бывають домашнія животныя, но назвать ихъ прекрасными, какъ личности, мы отказываемся.

Что касается мнимой высоты „отшельниковъ“, то Гольцапфель справедливо замѣтилъ, что одиночество возвышенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является переходнымъ моментомъ и источникомъ усиленной соціальной дѣятельности.

Умиленіе передъ эгоистическими геніями — отшельни-

ками возникает лишь на почвѣ неправильнаго перенесенія на нихъ ореола „избранныхъ одинокихъ“.

Формула Гольцапфеля предполагаетъ наивысшую степень многообразнаго развитія всѣхъ людей и наивысшую связанность между всѣмъ человечествомъ. Формула Гольцапфеля есть формула maximum'a жизни въ развернутомъ видѣ.

Не всегда, однако, тоска является результатомъ интенсивности жизни, иногда жаждутъ генія, учителя, вождя, чувствуя свою безпомощность и слабость.

Очень правильно также замѣчаніе Гольцапфеля, что чѣмъ менѣе удовлетворяются требованія, представляемыя человекомъ къ людямъ (тоска по совершенному типу человека) тѣмъ легче развивается въ немъ тоска по „антропоморфизмамъ“, т. е. по человѣкоподобнымъ высшимъ существамъ; и наоборотъ—ростъ требованій къ человеку и надежды получить удовлетвореніе отъ прогресса человѣческаго типа въ корнѣ подкашиваетъ метафизическую тоску. Гольцапфель обозначаетъ словомъ Всетоска (Allsehnsucht) высшую форму тоски, ближе опредѣляя ее слѣдующимъ весьма точнымъ и интереснымъ образомъ: „тоска по идеалу, заключающему въ себѣ возможно большее число комбинацій, возможно большую ихъ сложность и въ то же время единство, по идеалу настолько исполнимому, что направленныя къ осуществленію его усилія въ состояніи удовлетворить самыя разнообразныя потребности къ дѣятельности,—является тоской по возможно высшему совершенству человечества или Всетоской“.

Нѣсколько страннымъ можетъ показаться въ этомъ опредѣленіи требованіе, одновременно и наивысшаго разнообразія, и наивысшаго единства идеала. Но конечно, единство, т. е. организованность, отнюдь не противорѣчитъ разнообразію; напротивъ, единство при многообразіи есть основное условіе красоты. Индивидъ можетъ включить въ свой идеаль огромный разнообразіе типовъ развитія, но конечно онъ исключить изъ него какъ все то, что противоритъ самому развитію, такъ и типы явно несовмѣстимые и непримиримые. Напр., онъ не можетъ одновременно допускать принципъ свободы и существованіе рабскихъ чувствъ; не можетъ при-

нять въ свой идеаль скарелности, трусости, низменнаго чревоугодства, издѣвательства надъ челоѳъческимъ достоинствомъ и жажды унижать сочелоѳъка, потому, что все это плоды недостаточнаго развитія и препятствія для дальнѣйшаго, а все что тормозить его должно быть отвергнуто. Тотъ же, кто подъ видомъ разнообразія принимаетъ въ свой идеаль всяческую дрянъ, кто подъ маской терпимости—неразборчивъ и норовить угодить всѣмъ желаніямъ и похотямъ, такъ что идеаль его оказывается составленный изъ самыхъ противорѣчивыхъ лоскутковъ, вовсе не является представителемъ Всетоски, но, по выраженію Гольцапфеля, алхимикомъ понятій и потребностей, жалкимъ выразителемъ „тоски всѣхъ и каждаго“.

Гольцапфель энергически протестуетъ противъ того не критически отрицательнаго сужденія о тоскѣ и мечтахъ, которое очень распространено среди ограниченныхъ позитивистовъ. Такое отношеніе показываетъ непониманіе „скрытыхъ ключей великихъ подвиговъ и произведеній“. Великіе идеалы кажутся въ эпоху лавочнической расчетливости — химерами, все стараются размѣнять на пятаки непосредственно-исполнимыхъ реформъ.

Но Гольцапфель вооружается также противъ самоуслажденія пустой мечтательностью, противъ склонности къ несомнѣннымъ химерамъ. Достаточно ориентированный въ вопросѣ о „тоскѣ“ челоѳъкъ не станетъ ни безусловно осуждать, ни безусловно одобрять ее, онъ будетъ понимать, что часто тоска является источникомъ силы, даже тогда, когда она утопична, что челоѳъчество страшно многимъ обязано неисполнившимся надеждамъ побѣжденныхъ идеалистовъ; но онъ будетъ знать также, что часто тоска является угнетающей силой, душевной раной, черезъ которую бесплодно уходятъ челоѳъческія силы. Съ этой точки зрѣнія всевозможныя культуры, религіи, философіи и произведенія искусства могутъ подвергаться очень плодотворной критикѣ, которая требуетъ однако и такта и воображенія, широты духа, но и полнаго отсутствія хваленной „терпимости“, т. е. эклектизма, подъ которымъ кроется добродушный индиферентизмъ, вещь хотя очень милая въ общежитіи и очень удобная для сосѣдей, но отвратительная и позорная въ области мысли.

III.

Чувство, обозначаемое словом Надежда, возникает изъ соединенія желанія съ однимъ изъ слѣдующихъ чувственно-познавательныхъ оттѣнковъ: мыслимости, возможности, предчувствія, предположенія, знанія, вѣроятности, вѣры и увѣренности относительно исполнимости желаемаго. Но надежда имѣетъ въ себѣ нѣчто отрицательное, даже когда она связана съ полнѣйшей степенью увѣренности; и это потому, что увѣренность въ такомъ случаѣ можетъ относиться лишь къ будущему, въ настоящемъ же субъектъ остается жертвой желанія, въ данное время неисполнимаго. Чѣмъ желаннѣе объектъ надежды, тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ сопровождается надежда. Чувство неудовлетворенности, нетерпѣнія, тоски, сопровождающее всякую надежду, тѣмъ слабѣе, чѣмъ несомнѣннѣе увѣренность и чѣмъ короче время, отдѣляющее настоящій моментъ отъ исполненія желаемаго.

Увѣренность же, играющая столь значительную роль въ вопросѣ о чувственномъ знакѣ надежды, сама тѣмъ меньше, чѣмъ выше и обширнѣе идеаль данной личности, тѣмъ больше, чѣмъ большими силами личность обладаетъ.

Впрочемъ тутъ надо замѣтить еще одно обстоятельство, почему-то упущенное изъ виду Гольцапфелемъ: исполнимость идеала, оттѣнокъ увѣренности отвѣчающей ему надежды, зависитъ не только отъ его высоты, но и отъ его качества. Вполнѣ осуществленный идеаль можетъ быть тѣмъ не менѣе и возвышеннѣе и шире какой-нибудь доволно жалкой утопіи.

Что вѣра въ осуществимость идеала зависитъ отъ силы жизни въ данной мѣстности, отъ его психической бодрости и работоспособности — это несомнѣнно, но Гольцапфель отводитъ рядомъ мѣсто особаго рода психической силѣ — силѣ иллюзіи.

Несомнѣнно, что сила иллюзіи, которая на нашъ взглядъ сводится къ подчиненію строго-оріентирующаго чистаго разума — волѣ, т. е. разуму практическому, во многихъ слу-

чаяхъ совершенно законна и крайне выгодна, въ другихъ однако она и невыгодна и незаконна. Гольцапфель на нашъ взглядъ недостаточно проанализировалъ положительное и отрицательное значеніе иллюзіи.

Онъ отмѣчаетъ, конечно, что иллюзія можетъ завести Богъ знаетъ куда—заставить даромъ тратить силы, но онъ тотчасъ же противопоставляетъ этому, что стремленіе къ осуществленію неосуществимаго (т. е. оказавшагося впоследствии неосуществимымъ), если оно могуче, приводитъ сплошь и рядомъ къ неожиданнымъ и плодотворнымъ невольнымъ и непредусмотрѣннымъ результатамъ.

Это, конечно, совершенно вѣрно. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы заблужденіе великихъ умовъ и сердецъ были желательны, потому, что гоняясь за блуждающими огнями, они случайно могутъ наткнуться на клады? Если бы мы могли взвѣсить всю бездну страданій, всю страшную сумму даромъ потраченной энергіи жертвъ иллюзіи съ одной стороны, и случайные результаты ихъ порывистаго исканія съ другой, то врядъ ли обѣ величины уравнились бы друга друга. Вообще въ Гольцапфель, эмпириокритикъ, высоко цѣнящимъ простое, научное ориентированіе, замѣчается немного чрезмѣрная приверженность къ силѣ иллюзіи.

Да не подумаютъ однако, читатели, что мы проповѣдуемъ жизнь безъ иллюзіи. Само собой понятно, что, если я призналъ какую-либо мою надежду—иллюзіей, то она уже теряетъ надо мною свою силу, или переходитъ въ безнадежную тоску. Стало быть, иллюзія для меня должна казаться истиной, или по меньшей мѣрѣ, вѣроятностью для того, чтобы она могла играть роль импульса въ моей жизни. Но какъ предохранить себя отъ ошибокъ? Вѣрить лишь въ факты? лишь въ математически несомнѣнное?—это дѣйствительно значило бы чрезвычайно сузить жизнь, потому что по справедливому замѣчанію Гольцапфеля: „лишь вѣра въ боговъ и пророковъ способна была придавать надеждамъ высочайшую степень достовѣрности; только копирующее, ориентирующее познаніе даетъ намъ лишь предположенія „мыслимости“. Предположеніе, мыслимость могутъ оказаться иллюзорными, но мы часто вынуждены ими руководиться. Умѣніе вѣрить въ осуществимость идеала, осуществленіе

котораго мыслимо, отдаваться ему безъ сомнѣній и часто губительныхъ колебаній, умѣние выносить эту вѣру изъ временныхъ испытаній, видѣть свою звѣзду сквозь заслоняющія ее отъ времени до времени тучи—вотъ безусловно законная, безусловно біологически и соціально полезная сила иллюзіи. Но если „иллюзіонеръ“ не поддается даже строго логическому доказательству безусловной и очевидной иллюзорности его стремленій,— это уже фактъ крайне болѣзненный. Защищать его соображеніемъ о возможности полезнаго результата значить совершенно не считаться съ требованіемъ экономіи въ борьбѣ и творествѣ. Намъ могутъ сказать, что быть можетъ данный индивидъ, потерявъ свою иллюзію, неминуемо долженъ погибнуть, а въ такомъ случаѣ не явится ли его способность вѣрить вопреки очевидности извѣстной силой? Дѣйствительно, если передъ нами два индивида, одинъ изъ которыхъ гибнетъ, потерявъ иллюзію, а другой держится за нее, вопреки очевидности, то мы пожалуй признаемъ, второго, болѣе сильнымъ, но это будетъ выборъ между двумя уродливыми явленіями; настоящій сильный человѣкъ не боится истины, самая мысль о страхѣ передъ нею для него унизительна, онъ обладаетъ достаточной творческой способностью, чтобы на развалинахъ иллюзіи создать новый идеаль. Только постепенная смѣна идеаловъ подъ дѣйствіемъ ориентирющаго познанія и самой жизни гарантируетъ истинный прогрессъ человѣчества. Гольцапфель, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, сознаетъ это, и тѣмъ не менѣе склоненъ сильно преувеличивать и неправильно истолковываетъ значеніе иллюзіи, или какъ онъ ихъ называетъ „неисполнимыхъ идеаловъ“.

„Неисполнимая надежда“, по мѣрѣ того, какъ ея сущность выясняется, переходитъ въ тоску по невозможному, въ мечту о немъ и исчезаетъ. Но Гольцапфель не отмѣчаетъ того случая, когда, превратившись въ мечту, она закаменѣваетъ, замѣняетъ дѣйствительность и становится глупымъ, мертвымъ балластомъ, мѣшающимъ развитію реальныхъ потребностей, препятствующимъ активному стремленію къ лучшему.

Совершенно справедливо отмѣчаетъ Гольцапфель, что „нетерпѣніе“, блѣдность надежды или безнадежность часто

имѣютъ своимъ результатомъ особаго рода ослабленіе воли къ чистому ориентирующему познанію, и порождаютъ иллюзіи.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, это быть можетъ спасаетъ отъ отчаянія, но въ общемъ, конечно, является болѣзнью и воли и разума.

Иногда „воля къ истинѣ“ можетъ оказаться вредной, но это случай столь же рѣдкій, какъ необходимость ампутировать руку, или удалить половину желудка. Въ нормальномъ ходѣ жизни и для человѣка вообще ослабленіе воли къ чистому познанію—регрессивно.

Самъ Гольцапфель признаетъ, что съ паденіемъ иллюзорныхъ надеждъ все большее значеніе приобрѣтаютъ наиболѣе интенсивныя и продуктивныя формы „тоски“ по крайней мѣрѣ отчасти исполнимой.

Тутъ же онъ отмѣчаетъ важный фактъ, что вообще легче вызвать новую иллюзію, чѣмъ возстановить старую. Но что значитъ создавать новыя иллюзіи?

Идеи самого Гольцапфеля на этотъ счетъ довольно неясны, и неясность ихъ проистекаетъ изъ двойственного значенія самого слова „иллюзія“.

Если вамъ кто-нибудь скажетъ, что онъ внушилъ кому нибудь иллюзію, то вы, конечно, поймете это въ томъ смыслѣ что онъ обманулъ это лицо. Быть можетъ это былъ „возвышающій“ обманъ. Гольцапфель отчасти одобряетъ внушеніе „возвышающихъ обмановъ“, но кромѣ того, онъ рассматриваетъ вопросъ объективно, а объективному наблюдателю можетъ напр. быть извѣстно, что вы внушаете вашему ученику иллюзію, въ то время какъ вы твердо вѣрите въ то, чему учитѣ.

„Создавать новыя иллюзіи“. Что это значитъ? Значитъ ли это придумывать новыя и новыя, болѣе тонкія и полезныя обманы, или это значитъ открывать новыя вдохновляющіе идеалы, исполнимость которыхъ лишь вѣроятна, лишь мыслима?

Гольцапфель признаетъ и первое и второе, мы же рѣшительно протестуемъ противъ полезныхъ обмановъ, свидѣтельствующихъ о клерикальномъ духѣ экзотеризма и недостаткѣ уваженія къ сочеловѣку.

Наше рѣшительное разногласіе съ Гольцапфелемъ въ

этомъ пунктѣ станетъ очень яснымъ, когда мы перейдемъ къ конкретнымъ примѣненіямъ его общихъ положеній.

Прежде всего онъ опредѣляетъ естественный личный идеалъ всякаго высоко-развитаго индивидуума. Это—максимальное развитіе, какъ говоритъ Гольцапфель „мыслимо высочайшее, сверхчеловѣческое развитіе“.

Этотъ идеалъ Гольцапфель называетъ „неисполнимой надеждой“, т. е. очевидно иллюзіей.

Это однако чистѣйшее недоразумѣніе, всякая превосходная степень есть нѣчто, неосуществленное и во всемъ объемѣ неосуществимое, ибо какъ можно осуществить нѣчто, степень чего по самому опредѣленію больше всякой данной. Если я говорю: „я стремлюсь къ величайшему разнообразію переживаній“, то это значитъ, что я никогда не могу чувствовать себя удовлетвореннымъ; не могу сказать: „остановись мгновеніе“, но это отнюдь не значитъ, чтобы я стремился къ иллюзорной цѣли, ибо стремлюсь я въ этомъ случаѣ не къ „обладанію“, не къ конечно у пунктъ, а къ самому росту жизни, къ повышенію ея богатства. Это совершенно упустилъ изъ виду Гольцапфель.

Отыскивать идеалъ въ смыслѣ нормъ движенія, вовсе не значитъ создавать невѣдомыя иллюзіи, потому что при этомъ отнюдь не проповѣдуется стремленіе достигнуть предѣла развитія, напротивъ, этотъ предѣлъ какъ разъ отрицается, дается лишь направленіе безконечной восходящей линіи прогресса.

Тоже относится къ идеаламъ всемогущества и абсолютной свободы. Причемъ Гольцапфель совершенно справедливо отмѣчаетъ, что идеалы эти не обладаютъ такой абсолютной цѣнностью какъ идеалъ развитія: они часто вырастаютъ изъ болота мелкаго самолюбія, зависти и т. п. „Ты говоришь мнѣ: я свободенъ, свободенъ!—но скажи мнѣ еще, для чего ты свободенъ?“ говоритъ Заратустра. Въ послѣднее время идеалистически настроенные неолибералы начинаютъ превозносить идеалъ свободы въ ущербъ идеалу maximum'a жизни: очень важно поэтому замѣчаніе Гольцапфеля, что явная невозможность достигнуть степени личнаго могущества хотя отдаленно приближающейся къ всемогуществу, заставляетъ перенести жажду его на человѣчество и въ отдален-

ное будущее. Идеаль всечеловѣческаго всемогущества, конечно, почти совершенно совпадаетъ съ идеаломъ наиболѣе богатой всечеловѣческой жизни и можетъ быть законнымъ элементомъ Всетоски.

Если Гольцапфель приводитъ мнимо иллюзорную надежду на сверхчеловѣческое развитіе, какъ доказательство того, что несомнѣнныя иллюзіи могутъ имѣть огромное біологическое значеніе, и терпитъ при этомъ крахъ, т. к. здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ иллюзіей, а съ идеальной нормой человѣческихъ стремленій, то въ вопросѣ объ „неисполнимой надеждѣ“ на безсмертіе то же намѣреніе его терпитъ неудачу инымъ способомъ.

Сначала Гольцапфель подходитъ къ этому важному вопросу совершенно правильно. Онъ отмѣчаетъ крайнюю желанность личнаго безсмертія для человѣка, лежащую въ основѣ этой „тоски“, жажду безконечнаго развитія, любовь къ жизни, стремленіе продлить счастливыя ощущенія или найти награду за долгія страданія и т. д. Онъ справедливо находитъ, что идущая на смѣну жадѣ личнаго безсмертія жажда безсмертной славы по яркости своей желанности все же уступаетъ мечтѣ о вѣчной жизни.

Но затѣмъ Гольцапфель говоритъ престранную вещь.

„Новѣйшій эмпиризмъ“, пишетъ талантливый представитель новѣйшаго эмпиризма: „относится къ проблемамъ безсмертія невѣроятно ограниченно. Покончивъ съ ней логически, онъ считаетъ, что все сдѣлалъ. Ему совершенно чуждо біологическое, а тѣмъ болѣе біокритическое разсмотрѣніе вопроса“. Что касается біологической точки зрѣнія на жажду безсмертія, то положительно непонятно, какъ можетъ Гольцапфель упрекать новѣйшихъ эмпириковъ въ ихъ ограниченности въ этомъ отношеніи: происхожденіе тоски по безсмертію изъ инстинкта самосохраненія, а соотвѣтственной иллюзіи изъ сновидѣній, обмороковъ и т. п. выяснено эмпириками съ полной точностью.

Біокритической точкой зрѣнія Гольцапфель называетъ оцѣнку того или другого явленія съ точки зрѣнія его полезности для жизни индивида, а особенно вида. Правда я не знаю трактатовъ, гдѣ „идея безсмертія“ подвергалась бы полному біокритическому разсмотрѣнію. Мы имѣемъ во-

обще печально мало трудовъ по научной біокритикѣ, о чемъ мы грустимъ не меньше Гольцапфеля. Но Гольцапфель предполагаетъ очевидно, что біокритическое изслѣдованіе вопроса о безсмертіи привело бы „представителей новѣйшаго эмпиризма“ къ существенно новому на него взгляду. Это видно изъ того, что по Гольцапфелю „писатель новой культуры часто будетъ вынужденъ усиливать цѣнныя и продуктивныя неисполненныя надежды“. Замѣьте, что согласно нашему автору эмпиризмъ „логически покончилъ съ безсмертіемъ“, но очевидно біокритически онъ долженъ признать, что завѣдомый обманъ человѣчества или части человѣчества въ этомъ отношеніи необходимъ, или по крайней мѣрѣ полезенъ.

Тутъ мы натываемся на рядъ вопросовъ. 1) Имѣетъ ли право „эмпирикъ“ т. е. человѣкъ, жизненная задача котораго давать строго - оріентирующее познаніе, прибѣгать для какихъ бы то ни было цѣлей къ обману? 2) Имѣетъ ли онъ право допускать рядомъ съ собою такой обманъ и не „просвѣщать“ обманутаго? 3) Дѣйствительно ли бываютъ обманы, разъясненіе которыхъ вредно для человѣчества? 4) Принадлежитъ ли къ числу такихъ обмановъ иллюзорная надежда на безсмертіе? 5) Въ случаѣ борьбы между оріентирующимъ эмпирикомъ и „носителемъ культуры“, желающимъ прописать человѣчеству нѣкоторую дозу возвышающаго обмана, на чью сторону должна стать симпатія достаточно оріентированнаго индивидуума, жаждущаго возможно высшаго развитія человѣчества въ его цѣломъ?

На первый вопросъ мы отвѣчаемъ безусловно отрицательно. Что же за эмпириокритикъ былъ бы тотъ, кто провозглашая за идеаль познанія „чистый опытъ“, тотчасъ же фальсифицируетъ этотъ опытъ страха ради іудейска? Или истина слишкомъ крѣпкій напитокъ для малыхъ сихъ, и пригодна въ полной мѣрѣ лишь для экзотерическаго ученія небольшой кучки ученыхъ? Это идеаль Великаго Инквизитора Достоевскаго, а не ученаго 20 вѣка. Почему мы стремимся къ чистой, неприкрашенной истинѣ? Чтобы оріентироваться и сообразно съ ней дѣйствовать? Намъ нужно знать и опасную и горькую правду, если мы вышли изъ дѣтства.

Но если не вышли? Если есть слабые люди, которымъ нужна согрѣвающая ложь? Пусть ученый добываетъ истину, этотъ опасный ядъ, но распределение ея, употребленіе ея пусть онъ уступитъ „носителю культуры“, т. е. великому инквизитору. О, если бы человѣчество или значительное большинство человѣчества состояло изъ хворыхъ дѣтей, которымъ нужны сказки, положеніе эмпирика - демократа было бы ужасно! Не смѣть говорить правду! Повергать себя цензурѣ благодѣтельныхъ инквизиторовъ! Тогда не стоило бы и жить тому, кто хочетъ смѣло смотрѣть въ глаза истинѣ и сбросить съ нея одежды, чтобы она предстала грозная и великая передъ глазами милліардовъ человѣческихъ существъ. Мы позволимъ себѣ сохранить нашу надежду (быть можетъ иллюзію) на то, что нѣтъ той правды, которую бы не превозмогло человѣчество, позволимъ себѣ сохранить вѣру въ силу человѣческой приспособленности, въ силу жизни. Есть больные и хилые, имъ нужно лгать: но пусть инквизиторы, руководительству которыхъ они отдались, поглуше закрываютъ ставнями окна своихъ лазаретовъ, когда мы затрубимъ нашу правду на улицахъ для всѣхъ здоровыхъ и сильныхъ.

Но не обязанъ ли эмпирикъ вторгаться въ теплицы, устроенныя „носителями утѣшительной лжи“? Не обязанъ ли онъ разрушать миражи всякаго премудраго Луки, которымъ онъ забавляетъ и балуетъ людей?

Я думаю, что предоставлять лжи выдавать себя за правду можно лишь чрезвычайно рѣдко. Въ общихъ вопросахъ — никогда? Истина — молотъ, — пусть она дробитъ стеклянныхъ людей, она будетъ ковать булатныхъ. И это долженъ бы понимать Гольцапфель съ его строго критическимъ, правильнымъ отношеніемъ къ жалости и т. п. устоямъ не критическаго альтруизма.

Мы рѣшительно не вѣримъ въ то, чтобы существовали обманы, лживость которыхъ уже можетъ быть выяснена, и разрушеніе которыхъ было бы губительно для человѣчества. Кто можетъ понять обманъ, тотъ обыкновенно можетъ и жить безъ него. Отдѣльныя лица при этомъ погибнуть, быть можетъ, цѣлыя группы, но человѣчество въ цѣломъ станетъ сильнѣе. Вѣдь рано или поздно жизнь разрушить

обманъ и, быть можетъ, нанесетъ при этомъ страшный ударъ, къ которому люди будутъ совершенно неподготовлены.

Менѣ всего можетъ претендовать на званіе обмана необходимаго—иллюзорная надежда на безсмертіе, т.к. она, по мнѣнію самого Гольцапфеля, фактически постепенно смѣняется другими исполнимыми надеждами. Мало того, иллюзія безсмертія зачастую можетъ быть очень вредной. *) Въ случаѣ борьбы между носителемъ культуры, построенной на завѣдомыхъ обманахъ и ориентирующимъ мыслителемъ, на сторонѣ послѣдняго должны быть всѣ тѣ, кто вѣруетъ въ возможность построения великой культуры, основанной на чистомъ опытѣ. Поставимъ вопросъ ребромъ: „если-бы истина неминуемо убила человѣчество, не скажемъ ли мы: „*Fiat veritas, pereat humanitas!*“ Что касается лично пишущаго эти строки, то человѣчество, немогущее справиться съ правдой и нуждающееся въ обманахъ, до такой степени не удовлетворяетъ его эстетическаго чувства, что онъ потерялъ бы всякій интересъ къ подобному человѣчеству и къ его сохраненію.

Въ дальнѣйшемъ Гольцапфель болѣе вѣренъ духу своего метода. Мы согласны, что оцѣнка надежды должна быть осторожной и различать разныя формы ея и разныя обстоятельства, но противъ „инквизиторства“ мы высказываемся самымъ рѣшительнымъ образомъ.

IV.

Въ небольшой, но цѣнной главѣ о „молитвѣ“, Гольцапфель подходитъ къ „религіозной потребности“ съ той стороны, съ которой она имѣетъ наивысшую цѣнность.

Мы видѣли уже, что тоска и надежда лишь тогда отвергаются послѣдовательнымъ позитивистомъ, когда эта тоска по завѣдомо неисполнимому и надежда на завѣдомо невозможное, напротивъ того личность тѣмъ выше, чѣмъ шире

*) См. объ этомъ вопросѣ въ моей статьѣ „Позитивистъ и идеалистъ, какъ психологическіе типы“. Правда. Январь.

ея запросы, чѣмъ выше степень ея способности съ надеждою смотрѣть на завѣтно-желанное, хотя бы и трудно исполнимое и сомнительное. Тотъ, кто скажетъ, что стѣсня тоску и надежду на осуществленіе невозможного, „мы лишаем ихъ всякаго размаха, на нашъ взглядъ выдаетъ лишь отсутствіе пониманія дѣйствительности рядомъ съ отсутствіемъ воображенія.

Гдѣ предѣлы возможнаго въ будущемъ?

Что является по выраженію Гольцапфеля: „органически-невозможнымъ развитіемъ человѣка?“—Сверхчеловѣческое? почему? почему все то, что различнѣйшія формы религій видѣли позади и подъ нами, мы не можемъ видѣть впереди насъ? Будущее есть законная арена человѣческихъ желаній, цѣлей и идеаловъ, потому что идеалы могутъ вліять на наши поступки, поступки другихъ людей и тѣмъ самымъ на вселенную лишь въ будущемъ. Для того, чтобы намѣчать для человѣчества идеалы настолько грандіозные, что они покажутся безумной гордостью почти всякому религіозному человѣку, вовсе ненужно выходить за предѣлы мыслимаго и возможнаго, нужно лишь обладать сильной жизненностью и полетомъ воображенія. Но никто, конечно, и не удивится, если позитивистъ скажетъ ему, что глубоко цѣнить тоску и надежду, которыя далеко не составляютъ монополіи, т. наз., благочестивыхъ, однако многимъ покажется страннымъ притязаніе „нечестивцевъ“ на молитву.

Казалось бы, „молиться“ нечестивцу некому, а потому вся поэзія и вся сила молитвы должны исчезнуть съ лица земли съ торжествомъ ориентирующаго и строго-копирующаго познанія.

Вотъ то обстоятельное опредѣленіе молитвы, которое даетъ Гольцапфель: „Молитвой называется разговоръ съ съ дѣйствительной или воображаемой силой, являющейся въ воспріятіи, или только въ представленіи, силой, которую чтятъ по ея вліянію на судьбу человѣка, или человѣчества, или по ея господству подъ ними. Содержаніе этого разговора составляютъ: благодарность, раскаяніе, хвала, просьба. Молитва—это разговоръ, имѣющій своею цѣлью получить помощь, или выразить благодарность. Если съ молитвой до сихъ поръ обращались почти исключительно къ неземнымъ

и незримымъ силамъ, имѣвшимъ тѣмъ не менѣе человѣкоподобный характеръ, то это объясняется главнымъ образомъ извѣстнымъ складомъ культуры, при которомъ за такія силы признавались исключительно боги и черти“.

„Съ ростомъ строго-копирующаго, ориентировающаго познанія“, говоритъ нашъ авторъ: „подобные разговоры потеряли всякую почву, но на ихъ мѣсто можетъ встать разговоръ обо всемъ и со всѣмъ тѣмъ, что можетъ оказывать могучее вліяніе на судьбы человѣка и человѣчества“.

Такъ какъ молитва теряла бы въ своей свободѣ, если бы кто-нибудь долженъ былъ ее выслушивать, а другой высказывать, стѣсняя обоихъ, то она обращается обыкновенно къ реально отсутствующему, все равно, будетъ ли то лишь сознательно построенная поэтическая абстракція (природа, жизнь, прогрессъ, человѣчество, разумъ) или дѣйствительная жившая или живущая еще личность (какой либо геній). Поэтому-то молитва имѣетъ главнымъ образомъ и чаще всего характеръ монологическаго разговора. Однако молящійся можетъ не только обращаться съ выраженіемъ своихъ чувствъ къ объекту молитвы; онъ можетъ также выражать ихъ передъ третьимъ лицомъ, передъ народомъ; кромѣ того онъ можетъ молитвенно описывать свойства и величіе объекта молитвы: такъ мы имѣемъ формы молитвы: драматическую, лирическую, эпическую.

Молитва можетъ имѣть пассивный и активный характеръ. Само собою разумѣется, что для послѣдовательнаго позитивиста втораго рода молитва, какъ способствующая росту жизни, выше.

Молитва, вытекающая изъ потребностей любви и почтенія ведетъ къ чувству благоговѣнія, чувству пассивному, еще шагъ—и она превращается въ сантиментальное благоговѣнічанье, совершенно пассивное, родственное пассивной мечтательности.

Но молитва можетъ возникать также изъ могучихъ источниковъ жажды развитія, жажды его ускоренія и усиленія—тогда появляется „молитва упованія“. Упованіе это также надежда, но соединенная съ чувствомъ силы и свободы. Не очевидно ли, что лишь созерцаніе чаемаго въ воображеніи, лишь духовное общеніе съ нимъ заставляеть объектъ

надежды загорѣться яркими красками, приближаетъ его къ намъ изъ дали, иногда необозримой, дѣлаетъ его словно причастникомъ настоящей минуты, чѣмъ то все болѣе дорогимъ и близкимъ, такъ что идеаль становится живымъ богомъ, а надежда твердымъ упованіемъ. Такое единеніе со своимъ идеаломъ, рождающее восторгъ и увѣренность, мы вмѣстѣ съ Гольцапфелемъ охотно называемъ молитвой, потому что всѣ положительныя качества и особенности молитвы здѣсь на лицо. Вотъ почему сѣмена новой пантеистической религіи, поскольку она основана на стихійномъ чувствѣ восторга передъ природой, какъ она есть, поскольку она стремится самые процессы разсматривать лишь какъ фрагменты великаго круга вещей, вѣчно возвращающагося къ исходной точкѣ, врядъ-ли достигнуть когда-нибудь пышнаго расцвѣта, врядъ ли станутъ рядомъ съ теистическими формами религіи. Напротивъ того религія человѣчества, радостное единеніе съ побѣдоноснымъ будущимъ нашего вида, эта религія, полная содержанія и драматизма, съ ясными категоріями добра и зла, съ ея колебаніями и вспышками, съ ея возможностью внутренняго самовоспитанія, внутренней борьбы между личными и сверхличными инстинктами, съ ея конкретными святыми и мучениками, дѣйствительно можетъ стать рядомъ съ католицизмомъ во всеоружіи искусства, вдохновенія, во всемъ чарующемъ богатствѣ живой вѣры, непротиворѣчащей однако ни даннымъ, ни методамъ науки, а являющееся ея живымъ дополненіемъ, при томъ гордой вѣры, не преклоняющейся передъ фикціями авторитарнаго характера, не нуждающейся въ словахъ—„рабъ“ и „господь“.

Молитва имѣетъ прямое отношеніе къ искусству: величайшія произведенія искусства—молитвы; такъ это останется и въ будущемъ. Это или драматическое обращеніе къ тому, чего жаждетъ, что свято чтить, чѣмъ любитъ, на что уповаетъ художникъ, или лирическія изліянія его восторговъ и надеждъ, его печалей, сомнѣній и побѣдъ свѣтлаго упованія передъ сочувствующими служителями, зрителями, читателями, или изображеніемъ самого объекта его сильнѣйшаго чувства, того, что „обожаетъ“ художникъ. Объектъ можетъ быть малъ (Женщина, напр.) или грандіозенъ (Богъ, Вселенная, Жизнь), но дѣло не мѣняется отъ этого.

Молитва порождает искусство, а искусство—поэзія, музыка, живопись, скульптура и архитектура, возникая сами изъ молитвъ, усиливаютъ и укрѣпляютъ молитвенное настроеніе вѣрующихъ.

Съ торжествомъ новой религіи могутъ возникнуть новыя искусства и новыя стили.

Могучее дѣйствіе молитвы сказывается не только въ даруемомъ ею чувствѣ упованія, но и въ томъ, что будучи сильнымъ, иногда потрясающимъ психическимъ процессомъ, она поднимаетъ многое изъ области безсознательнаго въ сферу свѣта, разума и приводитъ таящіяся въ глубинѣ сокровища къ выраженію: молитва ведетъ за собою вдохновеніе, вдохновленныя мысли и чувства.

Нельзя сказать, конечно, чтобы развитой человѣкъ чуждался „благоговѣйныхъ молитвъ“, молитва упованія является въ его глазахъ болѣе жизненно-важною, такъ какъ даетъ человѣчеству несравненно болѣе могучее орудіе саморазвитія, и Гольцапфель совершенно правъ, когда говоритъ, что между молитвой высокоразвитаго и любящаго развитіе человѣка, и его антиподомъ всегда является колоссальная разница по тѣмъ психическимъ переживаніямъ, которыми она сопровождается.

У перваго мы замѣчаемъ: полное пониманіе объекта (т. е. объектъ молитвы не представляется ему загадочнымъ, темнымъ), или страстное стремленіе понять его, любовь и уваженіе къ нему, довѣріе и стремленіе достигнуть его высоты.

У антипода: непониманіе и нежеланіе понять (тайна является здѣсь, наприм., какъ бы условіемъ почитанія), зависть, ненависть, трусливый страхъ, лицемѣріе, лесть, разныя уловки и рабское чувство.

Лишенный иллюзіи индивидуумъ можетъ продолжать молиться тѣмъ богамъ, иллюзорность которыхъ доказана, какъ символомъ великихъ силъ, но онъ уже не можетъ связывать съ этой молитвой надежды на невозможное, а лишь надежды на органически-возможное развитіе. Это первоначально связывается съ несомнѣннымъ оскудѣніемъ внутренняго содержанія молитвы и поэтому часто приводитъ къ потерѣ самой потребности въ молитвѣ.

Тѣмъ не менѣе рѣдкій человѣкъ остается безъ молитвы.

Самый узкій эгоистъ интересуется собой и своимъ развитіемъ, вѣритъ въ себя и надѣется на себя, т. е. является собственнымъ богомъ. Это самообожаніе у ограниченныхъ (но сильныхъ характеромъ людей) принимаетъ характеръ самолюбованія—самодовольства, у стремящихся къ развитію, характеръ самоувѣренности (увѣренности въ своихъ силахъ) и жажды развитія, у такого лица возникаетъ идеаль саморазвитія, который и становится его лучшимъ я, его богомъ.

Но лишь перенесенная на человѣчество религія самоувѣреннаго саморазвитія съ богомъ — идеальнымъ человѣчествомъ, человѣчествомъ въ его апогеѣ, пріобрѣтаетъ достаточную высоту. Эта религія дѣлаетъ возможной и общественную молитву, которая ведетъ къ подъему воли въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ молитва единоличная.

„Къ самымъ могучимъ орудіямъ, — говоритъ Гольцапфель, — принадлежитъ молитва къ идеаламъ развитія, особенно же къ панидеалу возможно-совершеннѣйшаго и возможно многообразнѣйшаго развитія человѣчества“.

Отсюда слѣдуетъ, что если бы вѣра въ Бога уничтожилась бы, то необходимость общественной молитвы, выражающейся въ свободныхъ и художественныхъ, музыкальныхъ, поэтическихъ, драматическихъ, лирическихъ и эпическихъ формахъ отнюдь не уничтожилась бы, а съ нею и необходимость храмовъ, украшенныхъ всѣми средствами свободной отъ догматизма красоты архитектурной, скульптурной и живописной.

Гольцапфель протестуетъ противъ мысли, будто молитва есть обращеніе къ иллюзорнымъ силамъ, и противъ связаннаго съ такимъ пониманіемъ (или непониманіемъ) молитвы ироническаго къ ней отношенія.

Оцѣнка молитвы не можетъ быть абсолютной, она должна быть относительной, и производиться съ точки зрѣнія Панидеала. Сила молитвы колоссальна и тѣ таланты и геніи, которые призваны творить культуру будущаго, не должны пренебрежительно отбрасывать это лучшее оружіе ихъ великихъ предшественниковъ.

V.

Анализъ понятія „борьбы“, даваемый Гольцапфелемъ, удовлетворяетъ насъ далеко не въ такой степени, какъ анализъ „молитвы“. Онъ нѣсколько скомканъ, отчасти даже невѣрно направленъ и носитъ въ себѣ одно болѣе чѣмъ странное утвержденіе, остающее всецѣло на личной отвѣтственности талантливаго автора „Панидеала“.

Подъ борьбой Гольцапфель разумѣетъ „варіированіе человѣческихъ или животныхъ индивидуумовъ, которому варіируемые противятся“. Самое варіированіе можетъ имѣть положительно или отрицательно альтруистическій характеръ, но можетъ быть также съ альтруистической точки зрѣнія индифферентнымъ.

Опредѣленіе это очень хорошо, но Гольцапфель напрасно не остановился на критической оцѣнкѣ положительной, отрицательной и индифферентной борьбы, между тѣмъ разница между этими видами борьбы огромна. Каждая изъ перечисленныхъ формъ вызываетъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ, на которые дается Гольцапфелемъ отвѣтъ лишь косвенный, да и то въ главѣ „Совѣсть“.

Мы намѣтили лишь нѣкоторые изъ этихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ:

1) Положительно альтруистическая борьба. Эта форма насильственнаго варіированія живого объекта предполагаетъ, что, по мнѣнію нападающаго самъ индивидъ, предоставленный собственной волѣ, вредитъ себѣ или не способствуетъ своему развитію (или счастью) въ той мѣрѣ, въ какой это возможно при его (нападающаго) содѣйствіи, или понимаетъ подъ счастіемъ нѣчто другое, чѣмъ нападающій, ставитъ себѣ цѣли невыгодныя для себя самого, или менѣе выгодныя, чѣмъ можно бы поставить. Положительно альтруистическая борьба есть рядъ благодѣтельнаго насилія. Допустима ли она? Очевидно, что большинство мнѣній на этотъ счетъ, существующихъ въ настоящее время крайне некритично, потому что мнѣнія эти выражаются въ абсолютной формѣ. Такъ, въ послѣднее время вошло въ моду говорить

о личности, какъ самоцѣли, но эта кантовская формула крайне поверхностна. Что значить разсматривать чужую личность, какъ самоцѣль? Значить ли это предоставлять ей свободу разрушать себя? коснѣть въ невѣжествѣ? или это значить всѣми силами содѣйствовать ея максимальному развитію? Если второе вѣрно, то не придемъ ли мы къ „дубинкѣ царя Петра?“.

Вѣдь наше представленіе о развитіи можетъ быть радикально противоположнымъ представленію о немъ объекта нашего воздѣйствія? Какъ быть, если я до боли сознаю, что индивидуумы вокругъ меня духовно, а можетъ быть и физически, гибнуть въ силу того душевнаго строя, который выработался у нихъ вѣками? Произвести ли на нихъ положительно-альтруистическое „нападеніе“, борясь убѣжденіемъ, воздѣйствіемъ на чувство, мольбами, наконецъ въ случаѣ необходимости насиліемъ? Или предоставить индивидуумамъ, какъ совершенно равноцѣннымъ со мною, свободу... гибнуть??

Гдѣ начинается „личность“ человѣка, въ какомъ возрастѣ, на какой ступени культурной, физиологической становится она личностью социальнo-равноправной всякой другой?

Ребенокъ, психически ненормальный субъектъ, совершенный невѣжда или дикарь несомнѣнно нуждается часто въ опекѣ, но гдѣ та демаркаціонная линія, на которой мы могли бы водрузить преграду съ надписью: „стой, рачительный попечитель, здѣсь неограниченно господствуетъ надъ собою личность!“.

Не ясно ли „что геніи міра чрезвычайно часто и благотѣльно боролись съ человѣчествомъ позитивно-альтруистически? Что то же совершали иногда культурные народы, при томъ подчасъ грубыми мѣрами? Не очевидно ли съ другой стороны, что инквизиція была также положительно-альтруистической борьбой, и что позорный походъ бѣлыхъ гуяновъ на Китай прикрывался тою же маской?

Однако Голоцапфель не останавливается надъ этимъ вопросомъ:

2) Что такое отрицательно альтруистическая борьба? Борьба, которая сопровождается чувствомъ ненависти, вражды въ собственномъ смыслѣ слова.

Очевидно, что такая борьба совершенно законная лишь въ томъ случаѣ, когда противники неизбѣжно являются другъ для друга вредными. При этомъ мы должны особенно подчеркнуть такой случай: индивидъ (или группа) *a* находитъ, что для семьи, родины, человѣчества, полезно или необходимо то и то, но индивидъ или группа *b* находитъ какъ разъ эти мѣры вредными для той же группы (или для себя); или *a* желаетъ въ личныхъ интересахъ осуществить что-нибудь, что является вреднымъ въ глазахъ *b*, для кого бы то ни было, дорогого этому *b*. Въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть борьбу, въ которой противники сами по себѣ вовсе не являются источниками вреда другъ для друга, но сталкиваются косвенно вслѣдствіе своего стремленія къ положительно-альтруистическому варіированію (быть можетъ мирному) третьяго лица или группы.

Этотъ случай важенъ для насъ, какъ показатель возможности законной ненависти и враждебной борьбы въ огромной массѣ случаевъ. Но какъ-же быть? Не очевидно ли, что мы легко могли бы заключить миръ, отступивъ отъ нашихъ правъ, отказавшись отъ нашихъ намѣреній, или отъ правъ и намѣреній защищаемыхъ нами лицъ или группы, съ другой же стороны мы можемъ дойти до крайней враждебности ко всѣмъ окружающимъ, если всякое разногласіе, всякое препятствіе нашимъ поступкамъ, или тому развитію чего бы то ни было, которое мы одобряемъ, будетъ вести у насъ къ враждебной борьбѣ? Пассивное миролюбіе, или активная всевраждебность? И что является большимъ альтруизмомъ стремленіе ли избѣгать борьбы, или стремленіе не отступать ни передъ чѣмъ въ преслѣдованіи помѣченнаго сверхличнаго идеала?

Впрочемъ на этотъ вопросъ Гольцапфель даетъ довольно ясный отвѣтъ въ концѣ главы, говоря: „тотъ, кто больше всего любитъ развитіе человѣчества, будетъ бороться противъ всего, уничтожать все, что препятствуетъ этому развитію, конечно тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ лучшихъ средствъ для устраненія такихъ препятствій“. Судя по этому отвѣту, а также по смыслу интереснѣйшей главы „Совѣсть“ мы можемъ предположить, что и первый вопросъ (т. е. относящійся къ положительной борьбѣ) былъ бы разрѣшенъ

Гольцапфелемъ въ томъ смыслѣ, что всякая личность, выработавшая по глубокому своему убѣжденію идеаль человѣческаго развитія, можетъ активно и насильственно содѣйствовать такому развитію тамъ, гдѣ смыслъ и цѣнность этого развитія не можетъ быть сразу понята другими, при чемъ конечно первою цѣлью борьбы будетъ привести своего противника къ пониманію его настоящихъ выгодъ, и лишь тамъ, гдѣ это невозможно, возможенъ переходъ къ другимъ мѣрамъ борьбы съ противникомъ для его же блага. Отсюда уже видно, что въ сущности Гольцапфель, какъ бы санкционируетъ борьбу, вражду и насилие.

Мы должны прибавить, что совершенно согласны во всемъ этомъ съ Гольцапфелемъ, и упрекнемъ его лишь въ томъ, что онъ недостаточно разработалъ вопросъ.

Мы предвидимъ возраженія, исполненныя негодованія. Итакъ Великій Инквизиторъ правъ? Развѣ онъ не боролся съ толпой положительной борьбой, чтобы, приведя ее въ состояніе оупушья, навязать ей самое подходящее для нея по его мнѣнію животное счастье? Не боролся ли онъ отрицательной борьбой съ Христомъ, несшимъ съ собою вредный по его мнѣнію принципъ свободы?

Инквизиторъ несомнѣнно героическая и индивидуально высоко - нравственная или эстетически - прекрасная личность. Худо лишь то, что на дѣлѣ Великій Инквизиторъ большею частью велъ свои духовныя и физическія войны не для блага человѣчества (хотя бы животнаго), а для матеріальнаго благополучія и могущества ограниченной клики аристократовъ.

Наша точка зрѣнія очевидно сразу уничтожаетъ возможность сомнѣнія въ нашемъ приговорѣ надъ аристократической опекой „чернаго народа“, это точка зрѣнія радикально демократическая: цѣлью панидеалиста можетъ быть лишь высшее и многообразнѣйшее развитіе всего человѣчества.

Но если мы будемъ разумѣть подъ Великимъ Инквизиторомъ тотъ символическій образъ, который создалъ, гений Достоевскаго, то, быть можетъ, мы будемъ вынуждены признать въ немъ типъ положительный съ нашей точки зрѣнія.

Повторяемъ: Великій Инквизиторъ, пришедшій съ убѣж-

деніемъ, что истина, свобода, развитіе, несутъ съ собою для человѣчества лишь муки, взявшій эти муки на себя ради блага человѣчества, и горячо охраняющій цвѣтушія пажити своего стада, — личность положительно эстетическая, ею можно любоваться. Но она лишь относительно красива. Передъ образомъ истиннаго панидеалиста она совершенно меркнетъ и становится уже темною тѣнью.

Панидеалистъ ставитъ своею цѣлью „развитіе человѣчества“, а не его счастье. Оговоримся. Между счастьемъ и развитіемъ мы не видимъ непремѣннаго противорѣчія. Для „развитой и любящей развитіе личности“, какъ выражается Гольцапфель, развитіе есть вершина и условіе счастья. Но рядомъ съ активнымъ типомъ существуетъ, какъ отмѣчаетъ и Гольцапфель, типъ человѣка „жаждущаго покоя“. Слово „счастье“ не означаетъ собою ни „покой“, ни „развитіе“, оно можетъ принимать самыя различныя содержанія, потому что оно равносильно понятію „высшее удовлетвореніе“, и характеръ удовлетворенія, очевидно, зависитъ отъ характера потребностей. Панидеалистъ такимъ образомъ можетъ стремиться лишь къ счастью любящихъ развитіе. Всякое другое счастье для него лишь препятствіе его идеалу; вслѣдствіе этого онъ будетъ прежде всего повсюду будить потребности. Пробужденіе потребностей возможно болѣе интенсивныхъ, широкихъ, трудно-утолимыхъ — вотъ первый шагъ въ борьбѣ панидеалистовъ съ „счастливымъ стадомъ“. Если же онъ будетъ имѣть передъ собою несчастный народъ, то онъ будетъ учить его бороться за счастье, указывать ему пути къ этому счастью, но при этомъ непремѣнно не къ мѣщанскому, мелкому, неподвижному, лѣнивому, легко-достижимому счастью, а къ счастью развитія.

Отсюда ясно, что въ своемъ отношеніи къ окружающимъ, особенно же къ непросвѣщенной массѣ людей, панидеалистъ будетъ прежде всего искать такія группы, которыя во 1) неудовлетворены, 2) могутъ быть удовлетворены лишь осуществленіемъ широкаго идеала, облегчающаго дальнѣйшее развитіе. Такой группой является по преимуществу пролетаріатъ, къ которому естественно долженъ примкнуть всякій панидеалистъ, и который съ другой

стороны естественно проникается все болѣе и болѣе сознательнымъ духомъ панидеализма.

Но вѣдь для такого рода дѣятельности нужно вѣрить какъ разъ въ то, во что не вѣритъ Великій Инквизиторъ: въ возможность для „толпы“, для „черни“, для „стада“ найти свое счастье въ развитіи. Что, если человѣчество въ массѣ жаждетъ лишь хлѣба, да еще можетъ быть зрѣлицъ?

Еслибы мы стали разсматривать этотъ вопросъ психологически, или метафизически, то можно написать пропасть великолѣпныхъ фразъ pro и contra. Но мы предпочитаемъ разсматривать его социологически: въ застойномъ обществѣ, напр., въ какомъ-нибудь Египтѣ или даже въ средніе вѣка, типъ жаждущій покоя; навѣрное, преобладалъ: человѣкъ боялся выпустить изъ рукъ кусокъ хлѣба и былъ радъ, если все текло мирно: на лучшее онъ не рассчитывалъ. Но въ капиталистическомъ обществѣ, въ которомъ экономическій процессъ, являющійся внутреннимъ закономъ капитализма; отразился на всѣхъ сторонахъ жизни, придавъ имъ стремительность, духъ исканія и жажду новаго, сильнѣйшаго и лучшаго (все это, замѣтьте, противъ воли заправилъ этого общества), въ капиталистическомъ обществѣ съ его признаніемъ правовой равноцѣнности людей и страшными, социально-экономическими контрастами,—его относительнымъ прогрессомъ пауперизма и абсолютнымъ прогрессомъ народнаго просвѣщенія,—консервативно-пессимистическія и смиренно-человѣкопринижающія рѣчи могутъ быть встрѣчены лишь улыбкой. Прогрессъ сталъ потребностью и въ то же время закономъ жизни. Самый панидеализмъ есть лишь отраженіе фактовъ социально-экономическаго характера, какъ и застойный аристократизмъ великаго инквизитора былъ отраженіемъ застоя хозяйственной жизни.

Если же мы допустимъ на минуту, что панидеалистъ существовалъ бы въ застойномъ обществѣ, то онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ бы стать инквизиторомъ. Онъ счелъ бы ниже своего достоинства возиться съ благоустроеннымъ стада сытой и покорной черни. Панидеалистъ не любитъ человѣчество, какъ таковое, всякое человѣчество, нѣтъ, онъ можетъ любить лишь человѣчество, способное къ развитію. Еслибы человѣчество надо было жалѣть, опекать,

охранять, то панидеалистъ проникся бы презрѣніемъ къ такому хилому отродію. Вотъ почему скептическіе народоненавистники застойныхъ временъ, „враги народа“, въ родѣ Штокмана, безконечно ближе панидеалисту, нежели консервативные народолюбцы. Въ застойное время безусловное народолюбіе есть форма альтруизма прямо противоположная панидеализму.

Но намъ могутъ сдѣлать еще одно „негодующее возраженіе“.

„Но, позвольте, скажутъ намъ: „признаете ли вы за каждымъ право самоопредѣленія? — Если да, то не виситъ ли вашъ панидеализмъ въ воздухѣ, а если нѣтъ,—не противорѣчитъ ли онъ кореннымъ признакамъ элементарнѣйшаго либерализма?“ Но, во-первыхъ, мы признаемъ за каждой личностью безусловное право защищаться отъ всякаго нападенія, хотя бы и просвѣтительнаго; во-вторыхъ, мы формулируемъ Панидеалъ, какъ наивысшее и возможно разнообразнѣйшее развитіе человѣчества. Другими словами высшимъ развитіемъ человѣчества мы считаемъ не торжество единообразной истины, единаго наивысшаго типа, но реализацію огромнаго разнообразія прекрасныхъ типовъ человѣка.

Панидеалистъ не станетъ стремиться къ нивелировкѣ человѣчества ни въ духовномъ, ни въ физическомъ отношеніи, онъ съ уваженіемъ отнесется ко всякому типу, способному къ развитію и развивающемуся, за исключеніемъ лишь такого, развитіе котораго ведетъ за собою вредъ для человѣчества, превосходящій полезность самого типа съ точки зрѣнія Панидеала. Иными словами, мы признаемъ борьбу, въ результатъ которой произойдетъ подборъ наиболѣе могучихъ и наиболѣе взаимно полезныхъ, взаимно гармонирующихъ типовъ, и думаемъ, что только борьба и можетъ вести къ подобной цѣли.

Всюду, гдѣ я встрѣчаю типъ, хотя бы совершенно непохожій на мой личный идеалъ человѣка, но все же полностью своею существованіемъ импонирующій мнѣ, я, конечно, не подумаю вступить съ нимъ въ борьбу за жизнь или преобладаніе только потому, что онъ иной. Но тамъ, гдѣ борьба напрашивается сама собою въ силу реальныхъ со-

ображеній панидеалистическаго характера—не за чѣмъ уклоняться отъ борьбы, надо лишь пользоваться тѣмъ оружіемъ, которое дѣлаетъ борьбу возможно болѣе плѣдотворной для развитія человѣчества, а таковой можетъ быть лишь борьба-соревнованіе, а не борьба подвохъ. Борьба-соревнованіе—это и есть благородная, честная борьба.

Всего этого Гольцапфель въ главѣ о борьбѣ совершенно не касается, а въ слѣдующей главѣ лишь косвенно, хотя безусловно въ томъ же смыслѣ, какъ и мы.

Мѣсто только что изложенныхъ мыслей занимаетъ у него доказательство необходимости борьбы съ совершенно другой точки зрѣнія, на нашъ взглядъ не совсѣмъ правильной.

Гольцапфель защищаетъ необходимость борьбы съ той точки зрѣнія, что она доставляетъ максимальное удовлетвореніе человѣческой жаждѣ въ разнообразной и интенсивной дѣятельности. Выходитъ такъ, что если бы борьба и не имѣла никакой реальной цѣди, то и тогда мы должны постулировать борьбу просто какъ наиболѣе совершенную форму дѣятельности.

Если бы еще Гольцапфель имѣлъ при этомъ въ виду также и борьбу со стихіями, но нѣтъ, нашъ авторъ настаиваетъ на томъ, что наивысшей формой дѣятельности можетъ явиться только борьба съ сочеловѣками.

Доказательства, приводимыя Гольцапфелемъ, слѣдующія: человѣкъ самое сложное изъ всѣхъ существъ эмпирическаго міра, поэтому борьба съ нимъ можетъ принимать наиболѣе сложныя формы; мирныя сношенія съ человѣкомъ не могутъ быть такъ сложны, какъ борьба, ибо мирное воздѣйствіе же человѣка предполагаетъ отсутствіе сопротивленія съ его стороны, а сопротивленіе, конечно, усложняетъ нашу задачу. Варьированіе человѣка вызываетъ въ насъ массу симпатическихъ чувствованій (въ самомъ широкомъ смыслѣ); борьба съ сочеловѣкомъ часто возбуждаетъ въ насъ внутреннюю борьбу; все это содѣйствуетъ крайней сложности, а слѣдовательно увлекательности такой борьбы. Высочайшая форма этой борьбы по Гольцапфелю: прогрессивно-культурныя революціи въ человѣчествѣ.

Все это очень хорошо, но далеко не вполне вѣрно.

Прежде всего сложность переживанія далеко не всегда совпадаетъ съ его эстетической цѣнностью. Эстетическимъ принципомъ ни въ какомъ случаѣ не является многообразіе вообще, но организованное многообразіе, да и то не всякое.

Черезмѣрное многообразіе можетъ чувствоваться, какъ хаосъ, превышая мѣру организующихъ способностей нашего сознанія, и борьба всѣхъ противъ всѣхъ, особенно усложненная внутренней борьбой, можетъ стать безконечно мучительной, вести къ дегенерации, смерти, самоубійству. Неужели чрезвычайно разнообразныя пытки могутъ быть приняты въ цѣломъ за нѣчто положительное? Думаю, что никто не согласится съ такой квалификаціей многообразія утонченныхъ пытокъ даже тогда, когда въ нихъ царитъ организующій духъ гениальнаго истязателя. Борьба же необходимо заключаетъ въ себѣ элементы досады, разочарованія, по крайней мѣрѣ временного, она несетъ съ собою пораженія и болѣзненные толчки нравственнаго, а то и физическаго характера, организованность и многообразіе которыхъ отнюдь не способствуютъ ихъ сладости. Борьба— это не только радостное напряженіе всѣхъ силъ, не только творчество и побѣда, но, необходимо и неизбежно, также и изнанка всѣхъ этихъ вещей, потому что всякому побѣдителю соответствуетъ вѣдь побѣжденный, и можно серьезно полагать, что горе побѣжденного перевѣшиваетъ ликование побѣдителя. Лишь оцѣнивая борьбу съ точки зрѣнія того, способствуетъ ли она наивысшему и разнообразнѣйшему развитію человѣчества, можемъ мы дать ей правильную оцѣнку; Гольццпфель же покинулъ этотъ методъ оцѣнки и взялъ за критерій сложность переживаній, что безусловно непослѣдовательно и неправильно.

Но мало того. Утвержденіе Гальцопфеля, будто борьба всегда сложнѣе мирнаго воздѣйствія, отнюдь не вѣрно. Допустимъ, что по Гольццпфелю даже самый мирный споръ есть уже борьба, но все же согласился ли бы почтенный философъ съ тѣмъ, что профессору, напримѣръ, пріятно имѣть дѣло съ слушателями, оспаривающими каждую его мысль, такъ что ему приходится прокладывать дорогу сквозь вѣчныя недоразумѣнія, нежеланія понять и т. п.,

чѣмъ съ слушателями, схватывающими на лету каждую его идею и любовно развивающими ее дальше. Гольцапфель совершенно забываетъ радости такого сложнаго явленія, какъ сотрудничество. Сотрудники могутъ вліять другъ на друга, постоянно освѣщая другъ другу дорогу, но, конечно, ихъ отношенія вовсе не имѣютъ характера борьбы. Авенариусъ, Махъ, Оствальдъ и Столло не боролись другъ съ другомъ, но испытывали вліянія другъ друга, конечно, гораздо глужбе и отраднѣе, чѣмъ воздѣйствіе непонимавшихъ ихъ противниковъ. Взаимодѣйствіе сотрудничества сплосъ и рядомъ гораздо сложнѣе взаимодѣйствія борьбы.

Мы безусловно впрочемъ согласны съ тѣмъ, что борьба совершенно необходимый и даже самый высокій элементъ жизни. Это не подлежитъ даже самомалѣйшему сомнѣнію, потому-что вѣдь всякій, имѣющій опредѣленную цѣль и добивающійся ея,—борется, всякое творчество, всякая дѣятельность есть борьба, но, конечно, нѣтъ никакой необходимости, чтобы это была борьба съ сочеловѣками. Гольцапфель совершенно напрасно принижаетъ борьбу съ неорганическимъ міромъ. Ему при этомъ рисовалось вѣроятно что-нибудь вродѣ прорытія канала или тунеля, вообще какое-то техническое варіированіе неорганической матеріи. Но вольно же такъ суживать область борьбы. Что такое познаніе, какъ не борьба съ неорганическимъ врагомъ? Вѣдь наука вовсе не только борьба съ невѣжествомъ, такая борьба является лишь ея придаткомъ: ученый борется съ хаосомъ явленій и принуждаетъ его организовать. Точно то же относится и къ художнику.

Гольцапфель возразитъ на это, что изучаемые факты или анализируемыя понятія относятся пассивно къ нашимъ „нападеніямъ“, не защищаются, стало быть здѣсь нѣтъ и борьбы. Прекрасно, вы можете не называть это борьбою, но кто же усумниться въ томъ, что процессъ познанія истины, или технического изобрѣтенія, или художественнаго творчества вполнѣ можетъ потягаться по своей сложности съ любой несомнѣнной формой борьбы; и къ тому же замѣтите: педагогъ, реформаторъ и т. п. могутъ встрѣчать болѣе или менѣе податливый матеріаль для своего воздѣйствія. Они могутъ встрѣтить во-1-хъ) сопротивляющихся

субъектовъ, 2) пассивныхъ и 3) активно содѣйствующихъ субъектовъ. По Гольцапфелю первые должны больше радоваться, чѣмъ вторые, это быть можетъ и вѣрно, хотя не всегда, но что бы первые ихъ радовали больше нежели третьи, это ужъ очевидная неправда, и если скульпторъ приходитъ въ восторгъ, найдя превосходный кусокъ мрамора, подходящий для его цѣли, то конечно и педагогъ и культурный реформаторъ не могутъ не радоваться, встрѣтивъ отзывчивый человѣческій матеріалъ. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что наивысшей формой дѣятельности является возможно болѣе сложная борьба со стихіями въ смыслѣ познанія, техники и искусства, при возможно болѣе широкомъ сотрудничествѣ всѣхъ людей.

Борьба между людьми часто является необходимостью, часто она бываетъ красива и упоительна, однако же и устраненіе ея изъ жизни человѣчества отнюдь не повлекло бы за собою обѣдненія этой жизни. Устраненіе же ея грубыхъ и нечестныхъ формъ разумѣется безусловно желательно.

Въ связи съ вышеразобранной ошибкой Гольцапфеля находится и то очень странное положеніе, о которомъ мы уже говорили и которое болѣзненно поразило насъ, представляясь намъ самымъ непріятнымъ пятномъ на симпатичномъ трактатѣ талантливаго эмпириокритика.

Гольцапфель утверждаетъ, что „поводы и способы варіированія человѣческихъ индивидуумовъ или группъ чрезвычайно ограничены, такова, молъ, ужъ человѣческая природа, смертная и обладающая лишь небольшимъ числомъ органовъ чувствъ. Каждая новая форма дѣятельности уменьшаетъ область новаго въ будущемъ человѣчества. Человѣческая дѣятельность, какъ и всякая величина, имѣетъ свои границы, которыя въ данномъ случаѣ очень узки, такъ какъ человѣкъ представляетъ изъ себя лишь крохотно-маленькую частицу міра. Уже въ наше время возможность новаго творчества потеряла необозримыя арены „еще открытыя прошлымъ поколѣніемъ“.

Въ утвержденіи этомъ мы видимъ массу упущеній и совершенно не критическихъ понятій. Самъ Гольцапфель постоянно говоритъ о развитіи человѣка и человѣчества,

человѣческая личность есть нѣчто развивающееся, слѣдовательно никакъ невозможно вычислить всѣ комбинаціи, которыя возможны для человѣка: вѣдь развитіе заключается не въ разнообразномъ сочетаніи данныхъ элементовъ, а и въ приобрѣтеніи новыхъ. При чемъ тутъ ограниченное число органовъ чувствъ, если каждый изъ нихъ воспринимаетъ неограниченное многообразіе своей (зрительной, слуховой и т. д.) вселенной? Конечно, мы ничего не знаемъ о томъ, приобрѣтемъ ли мы новые органы чувствъ, но что мы можемъ обострять ихъ почти безгранично, за это ручаются намъ микрофоны и телефоны, микроскопы и телескопы. Что за дѣло, что человѣкъ—пигмеей въ необъятномъ мірѣ, если громада этого міра доступна разуму пигмея, если онъ можетъ не терять надежды, быть представителемъ высшей аристократіи этой вселенной, предкомъ ея царей и боговъ? Съ какихъ поръ геометрическая величина стала мѣриломъ разнообразія? Есть ли въ „необъятной вселенной“, по крайней мѣрѣ эмпирической, что-нибудь болѣе изумительное, чѣмъ нервно-мозговая система человѣка? Пусть бы Гольцапфель перечелъ слова блаженнаго Августина: „люди идутъ дивиться на горныя высоты, на теченія широкихъ рѣкъ, на необозримый просторъ океана, на звѣздное небо, а на себѣ не обращаютъ вниманія, себѣ не дивятся!“

Что за явно не критическое представленіе о будущемъ, какъ о какой-то дорогѣ, по которой идти осталось тѣмъ меньше, чѣмъ больше прошелъ? Наоборотъ: каждое новшество есть ключъ, открывающій тысячу дверей въ необъятное, новое всегда рождаетъ новое, обогащаетъ возможность комбинацій. Что значитъ, что человѣческая дѣятельность есть величина? и какъ всякая величина конечна? Въ какомъ смыслѣ она величина конечная? Зная, что энергія вѣчна, можемъ ли мы признать, что всѣ величины конечны? Почему Гольцапфель забылъ, что существуютъ безконечныя величины? Во всякомъ случаѣ, если человѣческая дѣятельность и прекратится когда-нибудь, то навѣрно не потому, что всѣ комбинаціи будутъ исчерпаны, а въ силу внѣшнихъ стихійныхъ причинъ.

Вообще все это очень странная элегія. Будемъ плакать,

что Ньютонъ и Дарвинъ уже открыли законы тяготѣнія и происхожденія видовъ, что Рафаэль и Бетховенъ уже создали Сикстинскую Мадонну и Девятую Симфонію, что Колумбъ уже открылъ Америку. Правда, для новѣйшихъ Колумбовъ остались (на земномъ шарѣ по крайней мѣрѣ) лишь полюсы, центральная Африка да Тибетъ, но для грядущихъ Ньютоновъ и Дарвиновъ, Рафаэлей и Бетховеновъ нѣтъ и не можетъ быть границъ. И, какъ бы въ сознаніи этого, Гольцапфель, точно проснувшись отъ сна, единой фразой разрушаетъ всю свою эллегію, заканчивая ее такими словами: „Новое можно творить, лишь вступивъ на поле совершенно новыхъ потенціальныхъ возможностей“. Но кто же сказалъ Гольцапфелю, что число такихъ полей ограничено или пути къ нимъ заказаны?*)

Тонкія замѣчанія дѣлаетъ Гольцапфель по адресу безусловныхъ сторонниковъ мира и проповѣдниковъ непротівленія. Вотъ эти замѣчанія цѣликомъ, онѣ не нуждаются въ комментаріяхъ:

„Вредоносное“ (альтруистически-отрицательное) варіированіе человѣческихъ организмовъ безъ борьбы (т. е. при отсутствіи сопротивленія съ ихъ стороны) воспринимается и оцѣнивается, какъ нѣчто безнравственное и безчестное (бить лежачаго, безоружнаго); ввиду этого преднамѣренное непротівленіе можетъ иногда служить мѣрой, предохраняющей отъ нападенія.—Если нападающій предпочитаетъ быть любимымъ тѣми, на кого онъ нападаетъ, чѣмъ причинить имъ задуманный вредъ, или уничтожить ихъ въ своихъ цѣляхъ, то любовное отношеніе къ нему со стороны противниковъ можетъ потушить въ немъ ненависть къ нимъ и настроить его миролюбиво. Возлюбить врага въ этомъ случаѣ часто значитъ заставить его положить оружіе.—Но если любовь противниковъ кажется нападающему чѣмъ-то ненужнымъ, непріятнымъ, некрасивымъ, или даже

*) Правда, самъ Авенаріусъ тоже говоритъ о концѣ прогресса, о совершенной инстанціи, но и противъ такой теоріи можно многое возразить, какъ мы это и сдѣлали въ главѣ 10 первой части этой книги. Во всякомъ случаѣ теорія конечной гармоніи лишена того элегическаго тона, въ которомъ говоритъ объ „участи“ чловѣка Гольцапфель. У Авенаріуса это апофеозъ, а не самоисчерпаніе.

позорящимъ,—то его стремленіе бороться, вредить и уничтожать, его ненависть можетъ вспыхнуть отъ любовныхъ изліяній противника еще ярче и повести его къ сугубому угнетенію, издѣвательству и уничтоженію вооруженныхъ одною любовью противниковъ“.

Такимъ образомъ „рабская мораль“ Ницше, мораль смиреннаго терпѣнія и любви во что бы то ни стало, лишь тогда достигаетъ своей цѣли, когда имѣетъ своимъ противникомъ „господина“ уже вялаго, подорваннаго, забывшаго „пафосъ дистанціи“ между собою и рабами. Въ противномъ случаѣ „рабски моральное“ смиреніе удвоитъ его высокоумное презрѣніе.

VII.

Глава „Совѣсть“ начинается у Гольцапфеля необыкновенно блестящимъ и стройнымъ рядомъ опредѣлений ходячихъ моральныхъ терминовъ. Эти опредѣленія такъ остроумны и такъ много уясняютъ, что намъ придется почти цѣликомъ привести ихъ здѣсь.

Если мы разсматриваемъ какое-нибудь наше переживаніе (самосохраненіе, развитіе, удовольствіе или неудовольствіе) въ связи съ какой-нибудь частью окружающей среды, какъ причиной этого переживанія,—то мы оцѣниваемъ эту часть среды. Когда же мы относимъ ее не къ нашему личному переживанію, а къ переживанію человѣческому вообще (картина котораго строится нами изъ опыта путемъ соціальной аналогіи), то мы высказываемъ оцѣнивающее сужденіе о данномъ объектѣ (хорошій, дурной).

Такимъ образомъ источникъ рѣшительно всѣхъ оцѣнокъ, какъ непосредственныхъ, такъ и имѣющихъ сложный логическій характеръ, одинъ и тотъ же,—это первоначально просто ассоціація, связывающая представленіе о томъ или другомъ переживаніи, или наличность переживанія, съ представленіемъ о томъ или другомъ явленіи или предметѣ, или съ наличностью его.

Этика и эстетика имѣютъ одинъ и тотъ же корень, этика является лишь отдѣломъ эстетики, какъ науки объ оцѣнкѣ

(т. е. 1) теоріи психобіологической сущности самого явления оцѣнки, 2) системы самихъ оцѣнокъ).

Гольцапфель сейчасъ же и продолжаетъ систему оцѣнокъ, дѣля ихъ на 1) оцѣнки съ точки зрѣнія развитія *); 2) оцѣнки съ точки зрѣнія удовольствія или неудовольствія **) и 3) оцѣнки утилитарныя, которыя однако же косвенно сводятся къ первымъ двумъ отдѣламъ.

Само собой разумѣется, что предметомъ оцѣнки можетъ являться всякій человѣкъ, и личность, или нѣкоторыя стороны личности самаго оцѣнивающаго, при чемъ возникаетъ самооцѣнка. — И такъ самооцѣнка есть не что иное, какъ разсмотрѣніе особенностей своей личности въ отношеніи къ возникающимъ изъ нихъ, или могущимъ возникнуть, своимъ или человѣческимъ вообще удовольствіямъ или не удовольствіямъ, выгодамъ или не выгодамъ для развитія и т. д.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда оцѣнка дѣйствуетъ на волю и вызываетъ соотвѣтственные стремленія (или отвращенія) мы имѣемъ дѣло съ одобреніемъ или не одобреніемъ, съ самоодобреніемъ и самонедобреніемъ. Отсюда возникаетъ похвала и порицаніе, которыя могутъ быть выражены и себѣ самому; если порицаніе выражается въ условной формѣ, то мы имѣемъ дѣло съ предостереженіемъ; если одобреніе или не одобреніе имѣетъ тенденцію сильно и рѣшительно вліять на волю, то передъ нами—запретъ и приказаніе, словомъ заповѣдь. Когда же воля, противъ которой направлена заповѣдь, преодолеваетъ ее—это называется ослушаніемъ; послѣ акта ослушанія неодобреніе принимаетъ уже новый

*) Развитія—какого? и чего?—Физическаго или духовнаго, оцѣнивающий личности, или другого лица, группы, человѣчества? Все это подотдѣлы важнѣйшаго отдѣла оцѣнокъ, который Гольцапфель называетъ *Entwicklungsschätzungen* и для обозначенія которыхъ я предлагаю терминъ витальныя оцѣнки, т. е. оцѣнки съ точки зрѣнія интересовъ жизни.

**) Я считаю необходимымъ различать здѣсь подотдѣлы: гедонистическія оцѣнки и эстетическія въ собственномъ смыслѣ слова; критеріемъ первыхъ служатъ боль и наслажденіе, вторыхъ--любованіе и отвращеніе.

характеръ — характеръ упрека, или обвиненія, которому не покорная воля можетъ противопоставить самооправданіе. Если такое самооправданіе воли оказалось недостаточнымъ, то неодобреніе принимаетъ характеръ осужденія. Все это возможно, конечно, и по отношенію къ самому себѣ.

Всякое желаніе, стремленіе, поступокъ, всякое средство и всякая цѣль могутъ быть предметомъ одобренія. Если воля направлена на споспѣшествованіе или ко вреду другихъ людей, то антиципація результатовъ ея дѣйствія называется положительно или отрицательно альтруистической волевой антиципаціей; если воля направлена лишь къ измѣненію бездушнѣйшей природы, то это приводитъ къ антиципаціи индивидуалистической; наконецъ возможна и индифферентная антиципація, когда воля направлена къ воздѣйствію на сочеловѣковъ, но не окрашена ни сочувствіемъ, ни антипатіей къ нимъ. Обѣ послѣднія формы могутъ быть названы эгоистическими въ строгомъ смыслѣ слова.

Смотря по тому, какова антиципація воли, и сами поступки получаютъ характеръ эгоистическихъ и альтруистическихъ.

Если одобреніе относится къ какому-нибудь желанію или волевой антиципаціи, при томъ съ точки зрѣнія альтруизма или эгоизма, то возникаетъ этическая оцѣнка. Всеобщій этический законъ гласитъ у Гольцшпегеля: „всякая оцѣнка съ точки зрѣнія эгоизма или альтруизма есть этическая; таковою можетъ быть лишь оцѣнка именно съ этой точки зрѣнія“. Этимъ дается чисто эмпирическое опредѣленіе этики.

Мы привыкли высказывать окружающимъ людямъ въ словахъ свои сужденія, эта привычка повела за собою то, что и самооцѣнка высказывается нами себѣ въ формѣ словесныхъ сужденій.

Чѣмъ чаще производится самооцѣнка, тѣмъ скорѣе и прочнѣе складывается система самоодобреній и самопоричаній, образуется законъ самооцѣнки для данной личности или группы: законъ этического самосознанія.

Этотъ-то законъ и называется совѣстью.

Очевидно, что совѣсть можетъ выражать разнороднѣйшія похвалы и порицанія, дѣлать предостереженія, приказывать и запрещать; что воля можетъ оказывать ей непослушаніе, въ результатѣ чего совѣсть выступаетъ съ обвиненіями, что личность можетъ стараться оправдать себя передъ своею совѣстью, при чемъ совѣсть можетъ колебаться, примириться, или осудить и карать.

Чѣмъ болѣе опредѣленна совѣсть, чѣмъ сильнѣе вліяніе ея на волю, тѣмъ болѣе она близится къ своему могуществу, а когда всѣ внутреннія препятствія передъ нею устранены, мы имѣемъ передъ собою свободную совѣсть. Но если въ личности еще сильны и другіе мотивы, если придавленные совѣстью порывы и похоти хмуро рычатъ на днѣ души, то личность испытываетъ господство совѣсти какъ тяжелый деспотизмъ ея.

Въ виду той огромной роли, какую играли въ жизни человѣчества законъ божескій и юридическій, характеръ внутренняго самозаконодательства принялъ терминологію права: говорятъ о правахъ совѣсти, объ обязательствахъ къ ней, о долгѣ передъ нею, о проступкѣ, притупленіи, грѣхѣ передъ совѣстью.

Такъ какъ въ своихъ самооцѣнкахъ человѣкъ обращается самъ къ себѣ въ формѣ словеснаго сужденія, то говорятъ о голосѣ совѣсти. Въ прежнія времена совѣсть олицетворялась какъ внутренній судія и царь. Представленіе о совѣсти, какъ о непостижимомъ категорическомъ императивѣ, которому самая личность служитъ орудіемъ, есть лишь метафизическая тѣнь анимистическаго представленія о сидящемъ въ насъ духѣ-правителѣ. Надѣлѣ же совѣсть, какъ мы теперь знаемъ, есть лишь система путей, по которымъ обычно движется самооцѣнка данной личности или группы.

Какъ ни блестящъ этотъ простой и глубокій анализъ совѣсти, но еще болѣе блестящі §§, которыми заканчивается изложенная нами часть его.

Въ то время какъ отдѣльныя желанія могутъ быть оцѣниваемы съ точки зрѣнія эгоизма или альтруизма (чѣмъ и опредѣляется ихъ такъ называемая нравственная цѣнность) самые эгоизмъ и альтруизмъ также могутъ быть

подвергнуты оцѣнкѣ уже съ точки зрѣнія послѣдствій, къ какимъ они приводятъ.

Но откуда же можетъ браться та чувственная оцѣнка, то содержаніе и неодобреніе, съ которымъ мы относимся къ эгоизму и альтруизму? Очевидно ихъ оцѣнка уже не не можетъ быть моральной, она необходимо должна быть или доморальной, когда мы одобряемъ альтруизмъ слѣпо подчиняясь авторитету, или по привычкѣ, или по органической, фізіологической, такъ сказать, склонности; или—сверхморальной.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что научные доводы очень рѣдко могутъ привести насъ къ альтруизму или эгоизму вопреки склонности нашей натуры. Въ этомъ смыслѣ идеалы людей ненаучны, потому что они даны вмѣстѣ съ фактомъ такой-то фізіологической организаціи, такой-то среды и воспитанія и т. п. силъ, опредѣляющихъ собою наши наклонности.

Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы ориентирующее познаніе не имѣло никакого отношенія къ построенію идеала. Только познаніе, только логическое размышленіе надъ матеріаломъ опыта даетъ намъ возможность сознать всю цѣнность тѣхъ результатовъ, которые въ дѣйствительности простекутъ отъ того или другого направленія нашей воли. Наука не можетъ сама дать намъ высшій критерій оцѣнки, такъ какъ мы вправѣ всегда его отвергнуть: это дѣло чувства; но разъ мы сдѣлали выборъ,—именно познаніе, эмпирическое наблюденіе и логическое мышленіе, регулируютъ всю систему нашихъ идеаловъ и нормъ поведенія.

Современный позитивизмъ признаетъ за высшей критерій оцѣнки то, что Гольцапфель называетъ Панидеаломъ, т. е. наивысшее и наиразнообразнѣйшее развитіе челоуѣчества. Признаете вы или нѣтъ этотъ критерій—ваше дѣло. Признаніе или непризнаніе его вами вытекаетъ изъ особенности вашей натуры, но разъ вы его признали, то лишь объективно научное изслѣдованіе выводитъ изъ факта вашего признанія Панидеала весь кодексъ оцѣнокъ и законовъ поведенія, какъ его логическіе результаты. Тутъ ужъ разумъ беретъ все на себя, и самые эгоизмъ и альтруизмъ становятся подчиненными его приговорамъ.

Этого-то никакъ не могутъ понять современные русскіе идеалисты. Они все время упорно твердятъ: идеаль позитивизма ненаученъ, онъ взятъ изъ области чувства. Но никто и не утверждалъ противнаго! Да, конечно: гигиена учить меня, какъ мнѣ поступать, чтобы быть здоровымъ, идеаль здоровья наученъ лишь по стольку, по сколько понятіе здоровья можетъ быть научно опредѣлено, по сколько наука именно учить при какихъ условіяхъ здоровъ чловѣкъ, но самый фактъ того, что люди желаютъ быть здоровыми, конечно, данъ заранѣе, это инстинктъ. Идеаль максимальнаго развитія силъ и дарованій чловѣчества наученъ въ томъ же смыслѣ. Наука старается дать точный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) Какой путь ведетъ къ развитію силъ и дарованій чловѣчества; 2) при какихъ условіяхъ это развитіе наиболѣе полно и гармонично? т. е. чѣмъ въ правѣ мы жертвовать при этомъ, чтобы достигнуть наилучшаго результата (напр. въ правѣ ли мы приносить развитіе тѣла въ жертву духу, развитіе черни въ жертву генія и т. п.) Такимъ образомъ наука ближе и точнѣе опредѣляетъ выдвинутый нашимъ чувствомъ идеаль и намѣчаетъ программу его осуществленія.

Но почему же именно идеаль максимальнаго развитія силъ и дарованій чловѣчества позитивизмъ признаетъ заслуживающимъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія? Вѣдь есть еще напр. идеалы равенства и любви между людьми, полнаго подчиненія чловѣческой воли высшей волѣ, наконецъ идеаль наивысшаго индивидуальнаго саморазвитія.

Повторяемъ: выборъ любого изъ этихъ идеаловъ—дѣло вкуса. Какая наука можетъ доказать вамъ хотя бы то, что наслажденіе здоровьемъ выше наслажденія водкой или опіемъ? Но раскрыть результаты этихъ наслажденій и коренныя причины того или другаго предпочтенія наука можетъ и должна: она можетъ и должна указать на то, что водка и опій ведутъ къ дегенераціи и смерти, и искать коренныхъ патологическихъ причинъ, порождающихъ вредный съ ея точки зрѣнія фактъ наличности алкоголиковъ и опіофаговъ. То же самое и относительно идеаловъ. Мы склонны думать, что идеаль справедливости, хотя бы цѣною

пожертвованія культурой, идеаль всепрощенія ради мира въ человѣцѣхъ, какъ и поиски того Пославшаго насъ, волю котораго мы могли бы творить не разсуждая, являются результатомъ усталости и робости передъ жизнью, что личности и племена проникающіеся такими идеалами неминуемо окажутся вытѣсненными типомъ активно-прогрессивнымъ (жаждущимъ развитія), что здоровье человѣчества неизбежно пошатнулось бы въ тепломъ благодѣяніи воздушныхъ соціальнаго застоя, когда каждый мирно благодушествовалъ бы подъ своею смоковницей; а идеаль подчиненія высшей волѣ неминуемо породилъ бы клерикализмъ со всѣми его бѣдами. Если адепты мира и покорности провидѣнію станутъ спорить съ нами, то они могутъ либо, какъ алкоголики и опіофаны, говорить: „а все-таки намъ такъ лучше, идеаль сверхънаученъ, не трогайте насъ!“ или же, вступивъ уже на нашу, научную почву доказать, что именно ихъ путь ведетъ къ наивысшему возможному развитію, что ложны тѣ обвиненія, которые мы возводимъ на ихъ идеалы съ точки зрѣнія нашего. Такимъ образомъ логическій споръ людей, имѣющихъ разные идеалы, возможенъ и естественъ лишь при наличности общаго высшаго критерія.

Такъ же точно послѣдовательный индивидуалистъ имѣетъ полнѣйшее право игнорировать чужіе интересы, заботясь лишь о себѣ. Никакая наука ничего тутъ не подѣлаетъ. Но наука можетъ и должна указать на то, что по свидѣтельству людей, испытывавшихъ, какъ счастье развитія, такъ и другія наслажденія—первое превосходитъ ихъ безусловно. Такое утвержденіе оріентирующей психологіи можетъ побудить человѣка по крайней мѣрѣ испытать наслажденія развитія (умственного образованія, искусства, путешествій, творчества, борьбы, дружбы, высшихъ формъ любви и общенія съ массами). Но кромѣ того наука можетъ и должна констатировать, что именно безкорыстное служеніе наукѣ, искусству, общественному прогрессу, безкорыстная дружба и любовь, т. е. какъ разъ все то, что ведетъ къ наивысшему развитію человѣчества, больше всего развиваетъ и личность, и стало быть при нормальныхъ условіяхъ даетъ наивысшее наслажденіе. Не диллетанты и

гастрономы, а труженики и мученики развитія знаютъ тайны чистѣйшихъ и живѣйшихъ восторговъ. Но этого мало: наука можетъ указать тотъ вредъ, который приносятъ поступательному движенію человѣчества индифферентно или злостночуждые индивидуальности, вслѣдствіе чего тѣмъ изъ нихъ, которые упорно будутъ придерживаться своего идеала, объявлена будетъ законная война: исполняя всѣ эти свои задачи, наука отнюдь не выходитъ за предѣлы рамокъ строго ориентировавшаго познанія, но всюду можетъ быть сопровождаема рука объ руку могучимъ союзникомъ: панидеалистическимъ искусствомъ.

Наконецъ, наука, разсматривая всякій данный идеалъ, какъ сложный психологическій фактъ, анализируетъ его, стремясь указать его корни: тутъ-то ориентировавшее познаніе открываетъ намъ, что корнемъ индивидуализма является инстинктъ самосохраненія и жажда власти, корнемъ панидеализма видовой инстинктъ, симпатическія чувства и жажда общенія; наука можетъ указать на основаніи обширнаго зоологическаго и соціологическаго матеріала на значительную важность видоваго инстинкта для сохраненія и развитія вида, при чемъ преобладаніе его надъ инстинктомъ самосохраненія чрезвычайно полезно для этой цѣли; но еще важнѣе то, что творчество, аккумулируемое рядомъ поколѣній, охваченныхъ стремленіемъ къ умственному, художественному, вообще трудовому и эстетическому общенію—безмѣрно превосходитъ творчество изолированной личности. Въ виду всего этого наука, отнюдь не вторгаясь въ право cadaго предпочитать что ему угодно, можетъ и должна констатировать, что панидеалистически настроенное человѣчество болѣе крѣпко и болѣе производительно, чѣмъ всякое другое. Вотъ почему всякій не предубѣжденный позитивистъ по зрѣломъ размысленіи необходимо долженъ придти къ панидеализму.

Пишущему эти строки пріятно было убѣдиться, что представители молодого русскаго позитивизма В. Базаровъ и А. Богдановъ, развиваясь совершенно иными путями, пришли къ той же точкѣ зрѣнія. И теперь, читая книгу талантливаго нѣмецкаго послѣдователя Авенариуса, мнѣ еще разъ удалось констатировать, что приложение строго пози-

тивнаго мышленія къ области оцѣнки приводитъ всегда къ провозглашенію идеала максимума жизни. Быть-можетъ впрочемъ это объясняется и тѣмъ, что къ рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ формамъ позитивизма примыкають люди съ опредѣленнымъ психическимъ складомъ, т. е. позитивно настроенные.

Все вышеизложенное дополняетъ и выясняетъ мысли Гольцапфеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ да послужить рѣшительнымъ отвѣтомъ на упорные, но поверхностные толки идеалистовъ о скрытомъ въ позитивизмѣ некритическомъ идеализмѣ. Намъ нечего скрывать: идеаль развита вида выросъ изъ нѣдръ нашей души, мы освѣтили это дорогое растеніе лучами познанія, и оно не завяло подъ этими лучами, сжигающими всякую скверну, растапливающими льды традиціи и разгоняющими туманы пустыхъ грезъ. Нѣтъ! Оно распускается все лучше, орошенное изумрудной росой надежды, которая сверкаетъ на каждомъ листкѣ его при сіяніи разума.

Гольцапфель переходитъ далѣе къ изложенію пяти актовъ „драмы возникновенія индивидуальнаго содержанія совѣсти“.

Актъ 1-й. Гольцапфель предполагаетъ въ началѣ у всякаго лишь наличность обыкновенныхъ чувственныхъ оцѣнокъ (непосредственный опытъ, пріятное и непріятное). По мѣрѣ расширенія сношеній съ другими людьми и умственного развитія къ этому присоединяются сужденія по социальной аналогіи, такъ что собственныя мнѣнія генерализируются (социальный опытъ, добро и зло). На этой стадіи развитія человекъ увѣренъ, что знаетъ объективное бытіе и такое же добро и зло. На дѣлѣ господствующія мнѣнія просто видоизмѣняютъ одни, вытѣсняють другіе элементы его несложнаго міровоззрѣнія и подчиняють его себѣ.

Оцѣнка эгоизма и альтруизма, а также моральная оцѣнка, т. е. оцѣнка отдѣльныхъ поступковъ по отношенію къ эгоизму и альтруизму, опредѣляются здѣсь ходячимъ мнѣніемъ большинства.

Актъ 2-й. Общепринятое сужденіе объ эгоистическихъ и альтруистическихъ поступкахъ и мотивахъ становится глубочайшимъ личнымъ убѣжденіемъ, принимаетъ форму индивидуальной совѣсти.

Актъ 3-й. Развитие личности идетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ проторенной дорогой, и совѣсть въ ней съ годами становится все болѣе прочной. Въ родовомъ бытѣ личная совѣсть и кодексъ родовой морали совпадаютъ. Но когда разложение рода или племени зайдетъ достаточно далеко, являются люди несогласно мыслящіе, въ силу разнообразія положеній обрисовывается различіе цѣлей и закипаетъ борьба. Еще не отвергая самага палладіума общества—священной морали, не смѣя покуситься на „признанныхъ общиною боговъ“, человекъ, сознавшій необходимость жить и матеріально и нравственно за собственный счетъ, требуетъ, чтобы добродѣтель вытекала изъ яснаго личнаго пониманія.

Развитіе классовъ и обостреніе классовой борьбы мощно вліяютъ на вѣками сложившіяся мораль и совѣсть и приводятъ зачастую къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей. Процессъ этотъ идетъ тѣмъ быстрѣе, что консервативные классы становятся обыкновенно подъ защиту вѣры, прогрессивные—подъ знамя науки.

(Изложеніе этого акта мы перевели, такъ сказать, на свой языкъ).

Актъ 4-й. Возникающая такимъ образомъ проблема совѣсти чаще всего кончается черезъ посредство усталости торжествомъ старыхъ, укоренившихся формъ ея. Въ рѣдкихъ случаяхъ она приводитъ къ моральной реформѣ (подъ которою Г. понимаетъ реставрацію исчезнувшей морали на мѣсто господствующей), еще рѣже къ моральной революціи (подъ каковою Г. понимаетъ замѣну господствующихъ моральныхъ убѣжденій новыми).

Такъ какъ этическое сужденіе есть оцѣнка по отношенію къ эгоизму или альтруизму, то очевидно, что для реформы или революціи морали необходимо коренное измѣненіе въ воззрѣніяхъ на сущность или цѣнность самыхъ альтруизма и эгоизма. Измѣненіе оцѣнки основныхъ критеріевъ морали подготавливается, конечно, фактами общественной и личной жизни, но по формѣ эта переоцѣнка необходимо имѣетъ логическій характеръ, является новымъ ориентирующимъ познаніемъ эгоизма и альтруизма, претендующимъ на большую точность, широту, полноту и глу-

бину, а потому на большую общеобязательность, т. е. научность. Если въ послѣднемъ счетѣ рѣшаютъ чувства и групповые интересы, то оружіемъ внутренней и внѣшней борьбы за идеалъ является прежде всего логика, наука, и никакое убѣжденіе, стремящееся повліять на чувство, не можетъ сдѣлать этого, не аргументируя научно, хотя бы мнимо-научно. Мы можемъ прекрасно понимать фатальную косность нашихъ противниковъ, но все же должны громить ихъ лбы тараномъ разума, потому что побѣда этимъ оружіемъ, хотя бы не признаваемая самимъ противникомъ, рѣшаетъ колебаніе колеблющихся, приводитъ къ сомнѣнію тѣхъ, кто по общественному своему положенію или личному характеру уже подготовленъ къ сомнѣнію, и, наконецъ, укрѣпляетъ собственную позицію.

Актъ 5-й. Реформаторъ морали, или моральный революціонеръ можетъ найти себѣ ближайшихъ учениковъ или апостоловъ, и черезъ нихъ распространять свое новое ученіе. Самое распространеніе новой совѣсти можетъ вызвать новую могучую волну увѣренности въ ея высотѣ и истинности у первоучителя и апостоловъ.

Далѣе Г. приступаетъ къ оріентирующей критикѣ эгоизма и альтруизма,—критикѣ ходячихъ оцѣнокъ и формъ морали.

Человѣческій индивидъ заключаетъ о переживаніяхъ другихъ людей по аналогіи, которую Г. называетъ соціальной аналогіей. Умозаключенія эти могутъ быть и правильны и ошибочны. Мы можемъ находить комплексы переживанія другой личности непохожими на наши, но элементы переживаній мы необходимо должны мыслить сходными съ нашими, иначе самая соціальная аналогія невозможна.

Вмѣстѣ съ развитіемъ индивида измѣняются и заключенія его по соціальной аналогіи. Они становятся 1) сложнее, 2) многочисленнѣе, 3) болѣе содержательными, 4) сопровождаемыми болѣе интенсивной эмоціональной окраской, 5) болѣе чисто и точно копирующими, при чемъ могутъ быть 6) все менѣе или все болѣе подобными собственнымъ переживаніямъ данной личности.

Конечно, сложность и ясность заключеній по соціальной

аналогіи зависятъ и отъ высоты развитія объекта, отъ сложности того аппарата знаковъ, которымъ онъ выражаетъ свои переживанія.

Совершенно ложныя соціально-аналогическія заключенія происходятъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что желаніе видѣть въ другихъ лишь сходное съ собою часто далеко оставляетъ за собою потребность въ оріентировкѣ, а также вслѣдствіе того, что эта послѣдняя потребность заслоняется иногда желаніемъ ни въ какомъ случаѣ не видѣть въ другихъ что-либо сходное съ собою.

Такимъ образомъ между развитыми личностями заключенія по соціальной аналогіи гораздо болѣе полны, часты и связаны съ эмоціями, чѣмъ между неразвитыми. Но когда эти умозаключенія достигаютъ значительной ясности, они становятся симпатіей или антипатіей,—послѣднее въ томъ случаѣ, если объектъ характеризуется какъ направленный противъ насъ, по типу враждебному нашему. Симпатія заключается въ сорадованіи и въ состраданіи; антипатія выражается недоброжелательствомъ, завистью и злорадствомъ.

Симпатія, связанная съ желаніемъ поддерживать жизнь сочеловѣковъ, называется положительно-альтруистическою комбинаціей; контрастомъ является отрицательно-альтруистическая комбинація.

Если желанія вовсе не связаны какъ бы то ни было съ судьбами сочеловѣковъ, то мы говоримъ, что они имѣютъ индивидуальный характеръ въ отличіе отъ соціальнаго.

Наконецъ, если желаніе наше направлено прямо или косвенно къ варіированію сочеловѣковъ, но съ нимъ совершенно не связано никакое чувство (ни симпатія, ни антипатія), то мы имѣемъ дѣло съ индифферентизмомъ.

Эгоизмъ характеризуется именно индивидуалистическими и индефферентными желаніями.

Очевидно, что положительно и отрицательно альтруистическія комбинаціи возникаютъ въ людяхъ тѣмъ чаще, чѣмъ развитѣе ихъ способность къ заключеніямъ по соціальной аналогіи, т. е. чѣмъ развитѣе ихъ чуткость съ одной

стороны и общительность—съ другой. Поэтому-то область альтруизма неминуемо растеть съ ростомъ развитія.

Непосредственно чувственная оцѣнка сорадованія, конечно, можетъ быть только положительной, состраданія—только отрицательной; альтруистическія желанія бываютъ въ глазахъ непосредственнаго чувства то пріятными, то непріятными въ зависимости отъ того, располагаемъ ли мы силами, достаточными, чтобы выполнить эти желанія.

Но строго-копирующая, антиципирующая критика можетъ оцѣнивать отрицательно и сорадованіе, такъ какъ бываютъ несомнѣнно случаи, когда оно неминуемо приводитъ къ состраданію, къ заботамъ всякаго рода, или вызываетъ пресыщеніе и скуку.

Антиципирующая критика часто можетъ предвидѣть неминуемый переходъ состраданія въ сорадованіе, въ каковомъ случаѣ она оцѣниваетъ его положительнымъ.

Очевидно, что эта критика можетъ также расходиться съ оцѣнкой непосредственнаго чувства и относительно альтруистическихъ желаній.

Высоко развитое сочувствіе дѣлаетъ насъ тоньше, духовно богаче и роскошно расширяетъ сферу нашей дѣятельности; однако, перейдя извѣстную границу, оно становится болѣзненнымъ и вреднымъ для личности.

Сочувствіе, приводя къ опредѣленнаго рода желаніямъ и поступкамъ, можетъ содѣйствовать саморазвитію даннаго индивида, но можетъ и препятствовать ему. Оно можетъ приводить къ пожертвованію меньшимъ развитіемъ большому и наоборотъ, при чемъ жертва можетъ имѣть или не имѣть характеръ самопожертвованія.

Каковы условія, при которыхъ сочувствіе ведетъ къ развитію?—Для этого сочувствіе не должно достигать чрезмѣрной высоты, переходящей въ болѣзненный аффектъ, но, конечно, оно не должно быть и малымъ; возможность выполнить тѣ цѣли, которыя естественно вырастаютъ изъ сочувствія, должна быть необходимо налицо; въ противномъ случаѣ сочувствіе будетъ мучительно и вредно.

Средства, употребляемые для достиженія этихъ цѣлей, не должны быть разрушительными для данной личности.

Надо здѣсь же отмѣтить крайне важное замѣчаніе Г.,

что ориентирующая и строго копирующая критика альтруистических комбинацій можетъ быть проведена съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія наивысшаго собственного развитія и наивысшаго развитія человѣчества. Результаты ихъ приложенія, конечно, часто будутъ совершенно различны.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сложная и сильная система сочувствій всегда болѣе или менѣе опасна для личности, связывая ея судьбу съ судьбою другихъ личностей, иногда съ чрезвычайно обширными кругами ихъ, и искажая такимъ образомъ тотъ образъ дѣйствій, который явился бы наиболѣе раціональнымъ въ собственныхъ выгодахъ, если бы личность могла игнорировать свои альтруистическія потребности.

Очевидно, что сорадованіе тѣмъ прочнѣе и приноситъ тѣмъ болѣе радостей, чѣмъ болѣе развивающій характеръ имѣетъ та радость, которая вызвала наше сорадованіе; если же она вредна, то сорадованіе наше очевидно должно рано или поздно обратиться въ состраданіе. Въ связи съ этимъ Г. точно анализируетъ всѣ комбинаціи сочувствія. Въ результатѣ оказывается, что мы должны строжайше различать каждый отдѣльный случай, и что никакія общія сужденія о сорадованіи и состраданіи некритичны. Существуютъ случаи, въ которыхъ то и другое неминуемо должно быть оцѣниваемо положительно, и такіе, гдѣ то и другое заслуживаетъ отрицательной оцѣнки, да и самая точка зрѣнія оцѣнивающего, какъ мы уже говорили, можетъ быть двойка (мое благо, чужое благо, т. е. семьи, группы, націи, человѣчества).

Однако фактъ остается фактомъ: сочувствіе вырастаетъ въ насъ съ развитіемъ, и если бы мы даже пришли къ тому выводу, что оно въ громадномъ большинствѣ случаевъ вредно для нашего развитія, мы все же не могли бы прибѣгнуть къ радикальнѣйшему средству его устраненія или ослабленія, т. е. къ устраненію или ослабленію его коренной причины—самаго развитія: такъ какъ его вѣдь мы и хотимъ спасти. Намъ остается въ этомъ случаѣ лишь стремиться къ тому, чтобы 1) заглушить въ себѣ всякое такое сочувствіе, которое несомнѣнно вредоносно для насъ; 2) стре-

миться реагировать такими способами, которые не вредны для насъ. Но человѣкъ, ставящій развитіе человѣчества выше своего собственнаго, будетъ руководиться другими принципами: онъ будетъ избѣгать— 1) такого сочувствія, которое вредно для развитія человѣчества и 2) реакцій вредныхъ для этого развитія.

При этомъ всюду имѣется въ виду градуально-многообразное развитіе человѣчества. Человѣчество не есть нѣчто цѣльное и однородное: оно есть совокупность различнаго рода группъ и типовъ; панидеалъ требуетъ осуществленія наивысшаго развитія для каждого типа, для каждой группы; онъ ставитъ цѣль наукъ: выработать программу для достиженія высшей гармоніи, въ которой одни не приносились бы въ жертву другимъ, въ которой наибольшее развитіе цѣлаго было бы тѣсно связано съ наивысшимъ развитіемъ частей. *)

На пути къ этой цѣли препятствіемъ стоитъ, во 1-хъ, пожертвованіе высшимъ развитіемъ низшему, что по Г. никогда не допустимо, во 2-хъ, пожертвованіе какимъ бы то ни было развитіемъ (своимъ или чужимъ, малымъ или большимъ) чему-нибудь кромѣ большаго развитія, напр. чьему-нибудь благополучію, наслажденію.

Я прошу читателя вдуматься въ эти положенія. Они несравненно опредѣленнѣе, чѣмъ формула Канта: „личность есть самоцѣль“. Во всякомъ случаѣ здѣсь мы совершенно разойдемся съ кантіанцами.

*) Требованіе градуальности развитія мы понимаемъ именно какъ требованіе развитія разнообразнаго, принаровленнаго къ потребностямъ людей стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія. Ницше полагаетъ, что развитіе можетъ захватывать вершины человеческого рода, оставляя во мракѣ его низины,—противъ этого Гольцшпелъ и выдвигаетъ исторію градуальнаго развитія; согласно идеалу градуальнаго развитія распространеніе грамотности ни въ какомъ случаѣ не менѣе важно, чѣмъ утонченнѣйшій прогрессъ передовыхъ кружковъ человѣчества. Въ конечномъ идеалѣ градуальность должна исчезнуть и замкнуться простымъ многообразіемъ, но необходимое для этого равенство уровня способностей есть дѣло далекаго будущаго. Если бы Гольцшпелъ разумѣлъ подъ требованіями градуальности развитія необходимость закрѣпить классовое неравенство—мы, конечно, горячо протестовали бы противъ этого.

Имѣю ли я право жертвовать благополучіемъ Ивана развитію Петра? По Канту—нѣтъ! ибо Иванъ, какъ самоцѣль, отнюдь не можетъ служить средствомъ для развитія Петра, особенно противъ собственной своей воли. По нашему мнѣнію безусловно—да. Это очень важное разногласіе.

Съ другой стороны, ходячая альтруистическая мораль считаетъ высоконравственнымъ пожертвованіе своимъ собственнымъ развитіемъ благополучію (даже матеріальному) другого, а особенно многихъ другихъ. Съ нашей точки зрѣнія это нераціонально и даже преступно; если мы можемъ жертвовать благополучію другихъ чѣмъ-либо, то лишь какими-нибудь матеріальными благами, да и то не тѣми, которыя являются источниками нашего развитія.

У Меттерлика есть на эту тему превосходный апологъ. Одинъ маякъ указывалъ своимъ огромнымъ огнемъ путь кораблямъ; у его подножія ютились хижины бѣдняковъ; сторожъ маяка былъ сердоболень и роздалъ по мелочамъ все масло для маленькихъ лампъ бѣдняковъ; а корабли стали блуждать во тьмѣ. Меттерлику заканчиваетъ: отдавай ближнимъ весь свой свѣтъ, все тепло твоего пламени, но не масло твоего свѣтильника.

Значить ли это, что мы ни при какихъ условіяхъ не должны жертвовать своимъ развитіемъ? Значить ли, что мы подпишемся подъ словами г. Бердяева что жизнь свою можно отдать за другихъ, но не душу, не развитіе? Никоимъ образомъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда жертва саморазвитіемъ необходима для высшаго развитія—не можетъ быть колебанія для панидеалнста.

Если общее психическое развитіе приноситъ съ собою утонченное, почти непобѣдимое сочувствіе къ окружающимъ, которое часто можетъ быть вреднымъ для индивидуальнаго и для общечеловѣческаго развитія, то оно же приноситъ съ собою и противоядіе: во 1-хъ—все болѣе тонкую оріентировку относительно грозящихъ развитію опасностей, во 2-хъ—все болѣе точную оріентировку относительно средствъ для устраненія такихъ опасностей, въ 3-хъ—умѣніе пользоваться именно такими средствами. Кромѣ того рядомъ съ положительнымъ сочувствіемъ развитіе приноситъ съ собою и противочувствіе (ненависть, негодованіе, презрѣніе и т.

п.). Важно также, что чѣмъ развитѣе личность, тѣмъ больше любитъ она развитіе, тѣмъ правильнѣе оцѣниваетъ, гдѣ она имѣетъ дѣло съ меньшимъ и гдѣ съ большимъ, будучи всегда склонна сочувствовать второму болѣе, нежели первому.

Чѣмъ выше оцѣниваетъ личность степень собственного развитія, тѣмъ болѣе склонна она жертвовать себѣ другими, и наоборотъ.

Параллельно протекаетъ у Гольцапфеля критика комбинацій отрицательно-альтруистическихъ. Въ результатѣ параллельнаго анализа, мы приходимъ къ тому выводу, что панидеалистъ долженъ, во 1-хъ, подавить въ себѣ тѣ противочувствія, которыя вредны для развитія человѣчества, во 2-хъ, употреблять для достиженія цѣлей, опредѣляемыхъ ими, лишь средства безусловно не вредныя для развитія человѣчества.

Приводитъ анализъ индивидуалистическихъ и индифферентныхъ комбинацій мы не будемъ: онъ производится по тому же типу и приводитъ къ тѣмъ же выводамъ.

Необходимой предпосылкой способности къ развитію является любовь къ нему. Но сильно развитая любовь къ собственному развитію предполагаетъ значительную степень пониманія чужого развитія, потому, что во 1-хъ—развитіе другихъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ мало-мальски высокими формами саморазвитія, во 2-хъ—потому, что всякій жаждущій саморазвитія очевидно обладаетъ идеаломъ развитія, болѣе совершеннаго, чѣмъ то, какого онъ достигъ, а это предполагаетъ умѣніе цѣнить формы и степени развитія, отличныя отъ собственныхъ.

Очевидно, что альтруистическіе чувствованія и поступки будутъ тѣмъ многочисленнѣе и значительнѣе, чѣмъ болѣе склонна личность видѣть въ развитіи другихъ условіе собственного развитія, или нѣчто цѣнное для собственного эстетическаго чувства, или, наконецъ, хотя бы источникъ какихъ-либо выгодъ. И развитая личность гораздо чаще становится именно въ такія отношенія съ окружающими, чѣмъ неразвитая. Наиболѣе могучимъ источникомъ саморазвитія является такимъ образомъ возможно большая

любовь къ собственному развитію, связанная съ возможно большею любовью къ развитію человѣчества. Обѣ эти любви могутъ быть совершенно примирены лишь при гармонизаціи общественной жизни, такъ что идеаль такого примиренія и общественный идеаль связаны неразрывно. При этомъ надо помнить, что пожертвованіе большимъ развитіемъ (все равно своимъ или чужимъ) ради меньшаго совершенно недопустимо; пожертвованіе меньшимъ развитіемъ большому можетъ быть допущено, но лишь при явной необходимости такого пожертвованія и по самомъ зрѣломъ обсужденіи.

Для появленія генія совершенно необходимо развитіе талантовъ, говоритъ Гольцапфель. Именно таланты готовятъ почву для генія, собираютъ тотъ матеріаль, вырабатываютъ тѣ техническіе приемы, при отсутствіи которыхъ самый геній былъ бы безсиленъ и, вѣроятно, не расцвѣлъ бы. Для выработки же талантовъ необходимъ возможно болѣе высокій уровень всего человѣчества. Такимъ образомъ приниженіе развитія заурядныхъ людей, массъ немедленно отражается количественнымъ и качественнымъ упадкомъ талантовъ, а вслѣдствіе этого многіе геніи не находятъ своей задачи и гибнутъ жертвою безвременья. Съ другой стороны, только геніи, т. е. люди, обладающіе совершенно оригинальнымъ складомъ психики, только положительно-единственнымъ нѣйшіе, комбинируя накопившіяся культурныя богатства, угадывая новое, созрѣвшее въ нѣдрахъ стараго, даютъ культурѣ небывалое направленіе, указываютъ невиданные горизонты, становятся родоначальниками новой эпохи. Такимъ образомъ все, что ведетъ къ приниженію генія, всякая ультра-демократическая нивеллировка немедленно отзывается общимъ застоємъ и упадкомъ культуры: Но если геніи нуждаются въ талантливыхъ предшественникахъ, которые шагъ за шагомъ подвели бы человѣчество къ тѣмъ новымъ воротамъ, распахнуть которыя въ силахъ лишь геній, то съ другой стороны для выполненія своей культурной миссіи геній нуждается еще и въ другомъ родѣ талантовъ, въ тѣхъ проводникахъ, которые сумѣли бы передать въ доступномъ видѣ сокровища, дарованныя геніемъ человѣчеству, въ людяхъ, которые перечеканили бы въ

полновѣсную монету его золотые самородки, которые упорно и трудолюбиво до исчерпанія разработали бы открытые имъ рудники. И, конечно, работа генія будетъ тѣмъ плодотворнѣе, размахъ его вліянія тѣмъ шире, чѣмъ вообще подвижнѣе, чѣмъ воспріимчивѣе массы.

Мы значительно расширили тѣ сжатія положенія Г., сущность которыхъ мы только что передали. И это потому, что указываемая имъ связь между геніемъ, талантами и массой чрезвычайно важна.

Конечно, мы отнюдь не склонны выставить эти три степени развитія за строго опредѣленные, или вѣчныя категоріи. Но, разумѣется, пройдетъ еще чрезвычайно много времени, прежде чѣмъ таланты перестанутъ являться относительно рѣдкимъ исключеніемъ, а геній рѣдкимъ до чрезвычайности. Во всякомъ случаѣ жертвовать развитіемъ массъ ради генія—значитъ подрубать корни у дерева чело-вѣческой геніальности; стремиться ограничить свободу генія ради массъ, значитъ лишать ихъ лучшаго орудія развитія.

Полное разностороннее развитіе чело-вѣка Г. предлагаетъ называть гигіопсихическимъ. Къ такому развитію стремится, конечно, каждый, но средства тѣмъ точнѣе отвѣчаютъ этой цѣли, чѣмъ болѣе оріентированъ данный индивидъ и чѣмъ большимъ количествомъ методовъ борьбы и творчества онъ располагаетъ. Чѣмъ развитѣе чело-вѣкъ, тѣмъ менѣе зависитъ онъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи отъ случайностей, тѣмъ болѣе отъ собственныхъ сознательныхъ намѣреній.

Альтруистическія стремленія часто вовсе не сочетаются съ гигіопсихическими, и тогда могутъ быть вредны, вести къ вырожденію и смерти. Возможно болѣе внимательное отношеніе къ собственному гигіопсихическому развитію обязательно для каждаго, какъ бы широки ни были его альтруистическія тенденціи. Положеніе и пожеланіе, которое мы уже нѣсколько разъ высказывали независимо отъ Г., и которымъ такъ часто ко вреду для себя и для дѣла пренебрегаетъ лучшая часть русской интеллигенціи, благодаря тому, разумѣется, что на представителей ея въ годы еще молодые,

когда горячности въ человѣкѣ во сто разъ больше, чѣмъ критики и опытности, сваливаются тяжелыя, непосильныя задачи, аккомпанируемыя иногда до отчаянія грустной мелодіей болѣзненно обостреннаго состраданія или негодованія за человѣка.

Г. полагаетъ, что при правильномъ представленіи о собственномъ гігіопсихическомъ развитіи, эгоистъ, направляющій всѣ свои силы именно къ нему, почти всегда будетъ выше въ глазахъ строго копирующей, панидеалистической критики, чѣмъ аскетъ-альтруистъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Г. утверждаетъ, что чѣмъ ближе индивидъ къ вершинамъ развитія, чѣмъ сильнѣе, стало-быть, его любовь какъ къ собственному, такъ и общечеловѣческому развитію, тѣмъ больше у него готовности къ самой энергичной борьбѣ со всѣмъ, препятствующимъ какъ тому такъ и другому развитію.

Далѣе нашъ авторъ устанавливаетъ, что индивидъ, ориентирующійся въ жизни лишь чувствомъ непосредственно грубо-пріятнаго, или даже эстетически-пріятнаго (въ узкомъ смыслѣ красиваго), зачастую придетъ къ дегенерации, такъ какъ весьма многое пріятное вредно, а непріятное и некрасивое—полезно и необходимо.

Равнымъ образомъ человѣкъ, руководящійся идеаломъ наивысшаго физическаго развитія, или наивысшаго психическаго, легко можетъ навредить себѣ, такъ какъ физическое развитіе, при невнимательномъ отношеніи къ психикѣ, можетъ привести къ ея пониженію и наоборотъ.

Избѣжавъ всѣхъ этихъ односторонностей, человѣкъ приходитъ къ идеалу гігіопсихическаго развитія.

Ясно, что въ такомъ индивидѣ (если онъ приближается къ совершенству типа) отдѣльные мотивы должны быть примирены между собою: идеалъ внутренней гармоніи; вслѣдствіе этого получается громадная свобода въ дѣлѣ оцѣнки и поведенія: идеалъ внутренней свободы; а это даетъ экономію силъ: идеалъ внутренней организованности.

У панидеалиста основнымъ мотивомъ внутренней гармоніи является наивысшая оцѣнка наивысшаго и многообразнѣйшаго гігіопсихическаго развитія человѣчества.

Очевидно, что самое развитіе человѣчества тѣмъ возможно и тѣмъ менѣе зависитъ отъ случайностей, чѣмъ больше на свѣтѣ панидеалистовъ, и чѣмъ согласованнѣе между собою ихъ сужденія и поступки.

Но очевидно, что послѣдовательное проведеніе панидеализма, въ особенности при нынѣшнихъ условіяхъ, часто приводитъ къ глубокому противорѣчію потребностей, обусловленныхъ любовью къ собственному и къ общечеловѣческому развитію; ибо панидеаль требуетъ иногда самоотверженія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда надо пожертвовать собственнымъ меньшимъ развитіемъ чужому большому.

Однако панидеаль можетъ привести и къ рѣшимости жертвовать чужимъ меньшимъ развитіемъ своему большому. Не надо только преувеличивать число тѣхъ и другихъ случаевъ. Жертва можетъ быть принесена лишь по зрѣломъ обсужденіи и лишь тамъ, гдѣ выгоды ея въ смыслѣ панидеала несомнѣнны.

Далѣе Г. переходитъ къ критикѣ господствующихъ формъ морали. Въ настоящее время господствуетъ по Г. мораль абсолютно положительнаго альтруизма (впрочемъ какъ идеаль, какъ норма, а не фактически); рядомъ однако замѣчаются и другія моральныя тенденціи. Само собой разумѣется, что отрицательно-альтруистической морали (морали злобы и разрушенія) мы нигдѣ не встрѣчаемъ, и это было бы въ современной Европѣ явленіемъ чисто патологическимъ. Зато очень часто встрѣчается относительный альтруизмъ, т. е. распространяющійся лишь на нѣкоторую группу людей (семью, національность); этотъ групповой альтруизмъ предполагаетъ отрицательно-альтруистическое отношеніе къ группамъ враждебнымъ.

Авторъ ставитъ вопросъ: совпадаетъ ли индивидуальное содержаніе абсолютно положительнаго альтруизма съ моралью гигиѣпсихическаго саморазвитія? Этотъ вопросъ можетъ быть формулированъ и такъ: дѣйствительно ли достаточно ориентированный и развитый индивидъ можетъ при всѣхъ условіяхъ одобрить абсолютный альтруизмъ, относясь къ нему чисто-научно (копирую-

щая критика) и оцѣнивая его съ точки зрѣнія гигиѳсихическаго саморазвитія? Отвѣтъ неминуемо долженъ быть отрицательнымъ: ясно, что альтруистическіе желанія и поступки зачастую ведутъ къ ущербу для личности. Никто не станетъ спорить объ этомъ, какъ и о томъ, что отрицаемые абсолютнымъ положительнымъ альтруизмомъ—эгоизмъ и отрицательный альтруизмъ часто въ огромной мѣрѣ способствуютъ саморазвитію.

Итакъ разниа между альтруистической моралью и гигиѳсихическимъ индивидуализмомъ—громадна.

То же самое, какъ это очевидно само собою, относится и къ групповому альтруизму.

Разъ сознавъ это, человѣкъ долженъ неминуемо замѣнить абсолютные приговоры о достоинствѣ эгоизма и альтруизма относительнымъ сужденіемъ о нихъ. Личность, стремясь къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, съ той точки зрѣнія, ведутъ ли онѣ къ развитію внутренней гармоніи, внутренней свободы и организованности, какъ духовной, такъ и тѣлесной, становится по Г. адептомъ гигиѳсихической революціонной морали саморазвитія, или, какъ мы предпочли бы выразиться, индивидуалистическаго аморализма, такъ какъ съ отпаденіемъ оцѣнки по отношенію къ альтруизму и эгоизму падаетъ по опредѣленію самого автора и сама мораль; къ этому надо прибавить полное отрицаніе авторитетовъ и всего ирраціональнаго, кромѣ одного роскошнаго инстинкта—жажды саморазвитія, который революціонно ставится подъ руководство разума.

Но то, что странно смѣшано воедино у Ницше, строго различается у Г.; его гигиѳсихическому индивидуализму противостоитъ панидеализмъ, мораль гигиѳсихическаго развитія разсматривается какъ низшая ступень, подверженная суду высшей точки зрѣнія: гигиѳсихическаго и многообразнѣйшаго развитія человѣчества.

Между этими точками зрѣнія возможно столкновеніе, но несомнѣнно и то, что во множествѣ случаевъ онѣ совпадаютъ: гигиѳсихическое саморазвитіе является все же необходимымъ условіемъ приближенія къ панидеалу, а по мѣрѣ приближенія къ нему оно все рѣже приводитъ къ столкновенію съ нимъ.

Переоцѣнивъ всѣ цѣнности съ точки зрѣнія панидеала, человѣкъ становится по Г. адептомъ революціонной морали многообразнѣйшаго гигиѣпсихическаго развитія человѣчества, или, какъ мы предпочитаемъ выражаться, панидеалистическаго аморализма.

Г. заканчиваетъ изложенную замѣчательную главу блестящей защитой строго-оріентирующей эмпирической морали. Онъ протестуетъ противъ некритическихъ понятій, „моральный законъ“, „нравственный міропорядокъ“, „цѣль бытія“, „космическая мораль“ и т. д. Мы знаемъ теперь, что моральная оцѣнка есть оцѣнка съ точки зрѣнія эгоизма и альтруизма; освободившись отъ этой узости, оцѣнка становится сверхморальной и проходитъ двѣ ступени: индивидуалистическаго аморализма и аморализма панидеалистическаго. Только копирующийъ анализъ располагаетъ передъ нами ступени этой лѣстницы въ законномъ порядкѣ, освобождая насъ отъ всякихъ таинственностей и потусторонностей. Панидеаль строится и диктуется наукой, не научна въ немъ лишь основная инстинктивная любовь къ роскошному развитію жизни. Въ комъ нѣтъ этой любви—для того, конечно, панидеаль пустое слово. Что такое акустика для глухонѣмого? Но хотя самый слухъ данъ намъ независимо отъ какой бы то ни было науки, это не мѣшаетъ акустикѣ быть наукой.

VIII.

Глава, посвященная Г. искусству заключаетъ въ себѣ такъ же много цѣннаго, но значительно уступаетъ главѣ о со-
вѣсти,

Цѣль анализа искусства Г. та же: путемъ строго—копирующаго, послѣдовательнаго изображенія относящихся сюда фактовъ установить скалу формъ искусства такъ, чтобы оцѣнка явленій искусства съ логической необходимостью вытекала изъ анализа, разумѣется въ томъ случаѣ если панидеалистическій критерій вами принимается.

Но то, что вполне возможно въ сферѣ житейской муд-

рости почти безнадежно въ сферѣ творчества. Если вы говорите „поступай всегда честно и благородно!“ то врядъ-ли кто упрекнетъ васъ въ педантизмъ, а развѣ спросить только, что такое „честь“ и „благородство“; но если бы вы поучали художника: „изображай лишь честныхъ людей и благородные поступки!“ то васъ навѣрное осмѣяли бы. Между тѣмъ Г. впадаетъ приблизительно въ такую же ошибку, что не мешаетъ ему впрочемъ выяснитъ попутно много интереснаго.

Г. довольно тонко выдѣляетъ собственно эстетическую оцѣнку изъ ряда оцѣнокъ вообще. Когда индивиду въ первый разъ приходится имѣть дѣло съ произведеніями искусства, то оцѣнка его можетъ быть разумѣется лишь подобной всякой вообще непосредственно чувственной оцѣнкѣ. Въ дальнѣйшемъ, благодаря ассоціаціямъ съ видѣнными уже произведеніями искусства, оцѣнка ихъ утончается, и наконецъ человѣкъ пріобрѣтаетъ навыкъ ассоціировать представленія, взятые изъ сферы человѣческаго искусства, даже съ натуральными предметами: такъ возникаетъ эстетическая оцѣнка.

Несомнѣнно, что когда мы говоримъ „поэтическій уголокъ“ или „живописныя скалы“, то мы выдаемъ именно обрисованные Г. корни эстетическаго сужденія. Тѣмъ не менѣе общій эстетическій законъ Г., гласящій, что „всякая эстетическая оцѣнка есть чувственная оцѣнка, утонченная благодаря ассоціаціямъ съ раньше видѣнными произведеніями искусства“, законъ этотъ врядъ ли можетъ быть признанъ важнымъ шагомъ впередъ въ эстетикѣ.

Законъ Г. можетъ быть формулированъ проще и рѣшительнѣй, чѣмъ дѣлаетъ это авторъ: оцѣнивать объектъ эстетически—значитъ разсматривать его какъ нѣчто цѣлостное, и именно направленное специально къ возбужденію удовольствія въ людяхъ. Мнѣ кажется, что такая формулировка гораздо ярче, чѣмъ данная Г. Однакоже можно многое возразить противъ такого опредѣленія эстетической оцѣнки.

Хотя Кантъ проводилъ демаркаціонную линію между пріятнымъ и прекраснымъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, считая главнымъ признакомъ эстетической оцѣнки отсутствіе

матеріальною заінтересованності, полное безкорыстіє оцѣнки, но тѣмъ не менѣе онъ довольно близко подходитъ къ Г., сливая всякую эстетическую оцѣнку съ „сужденіемъ вкуса“— *Geschmacksurtheil*, именно „эстетическій вкусъ“, „эстетическую критику“ опредѣляетъ въ сущности Г., а вовсе не эстетическую эмоцію.

Критикъ, знатокъ, дѣйствительно, глядя на картину, задается цѣлью провѣрить, правильными ли путями шелъ художникъ къ своей цѣли: доставленію намъ удовольствія; онъ обсуждаетъ достоинства композиціи, колорита, и по аналогіи можетъ говорить о достоинствахъ формы, колорита и т. п. различныхъ явленій природы.

Правда, Г. настаиваетъ на томъ, что оцѣнка можетъ вовсе не имѣть формы логическаго сужденія, а является непосредственнымъ чувствомъ, но все же именно формальную цѣлесообразность, очевидно, выдѣляетъ его законъ, какъ дѣлаетъ это и Кантъ,

Мы думаемъ иначе.

Наши идеи о сущности эстетической оцѣнки мы уже изложили въ другомъ мѣстѣ *). Здѣсь достаточно лишь кратко намѣтить ихъ.

Въ основу нашего эстетическаго закона мы кладемъ жажду жизни, т. е. стремленіе къ возможно большому количеству возможно интенсивнѣйшихъ переживаній. Все, что даетъ намъ особо значительное количество переживаній, оцѣнивается нами положительно: оно роскошно, богато, содержательно, глубоко, грандіозно и т. д. Очевидно, однако, что какъ весь запасъ нашей энергіи, такъ и количество ея, могущее быть израсходованнымъ безъ вреда даннымъ органамъ въ данное время,—ограничено; вслѣдствіе повышения количества и интенсивности переживаній можетъ явиться перерасходъ, въ каковомъ случаѣ мы квалифицируемъ объектъ, какъ трудный, безпорядочный, хаотичный, чрезмѣрный и т. д. Чѣмъ больше порядка внесено въ составляющіе его элементы, чѣмъ онъ организованнѣе, тѣмъ, очевидно, легче воспринимается, благодаря чему для

*) „Основы позитивной эстетики“, статья въ сборникъ „Очерки Реалистическаго Міровоззрѣнія“.

индивида открываются новыя области жизни. Поэтому первый законъ эстетики гласитъ: эстетическая оцѣнка есть оцѣнка съ точки зрѣнія легкости воспріятія и богатства впечатлѣній и переживаній, или: эстетическая эмоція возникаетъ всюду, гдѣ мы имѣемъ выгодную пропорцію между количествомъ воспріятій и количествомъ энергіи, на нихъ затраченной.

Однако не всякая личность стремится къ все большему подъему жизни: когда человѣкъ не только не располагаетъ избыткомъ энергіи, но ощущаетъ постоянный недостатокъ ея, онъ стремится больше къ ея экономизаціи, чѣмъ къ расширенію и углубленію жизни; нуждаясь прежде всего въ отдыхѣ, онъ называетъ красотою все то блѣдное, тихое и медленное, на чемъ отдыхаетъ его психика. Здѣсь первую роль играетъ уже не организованность необыкновенно большого количества переживаній, а ласкающій гипнотизирующій характеръ искусства. Отсюда второй основной законъ эстетики: эстетическое сужденіе зависитъ не только отъ свойствъ объекта, но и отъ степени жизненности субъекта.

Не развивая дальше этихъ мыслей, мы рѣшаемся, однако, выразить увѣренность въ томъ, что наши законы эстетики, во-первыхъ, вѣрнѣе духу Авенаріуса, во-вторыхъ, плодотворнѣе, чѣмъ законы Г.

Само собой разумѣется, что эстетической оцѣнкѣ подлежатъ также окружающіе люди и самъ индивидъ. Такимъ образомъ возможна и эстетическая совѣсть.

Все это правильно, но Г. не отмѣчаетъ одного чрезвычайно важнаго обстоятельства: согласно его собственному этическому закону, этической называется оцѣнка съ точки зрѣнія эгоизма и альтруизма; съ паденіемъ ихъ, какъ критеріевъ, устраняется и вся этика и замѣняется, очевидно, эстетикой, ибо максимальное и многообразнѣйшее развитіе и есть развитіе красивѣйшее. У Г. этого не получается, во-первыхъ, потому, что онъ, забывъ свой этической законъ, называетъ этикой также гігію психическій индивидуализмъ и пан-идеализмъ, во-вторыхъ, потому, что при его толкованіи эстетическаго закона теряется связь между разнаго рода оцѣнками.

Г. совершенно правильно раздѣляетъ эстетическія цѣнности на связанныя съ поддержаніемъ жизни и связанныя съ ея расширеніемъ. Вторыя онъ называетъ чисто-эстетическими цѣнностями. При этомъ окажется, что пища, удовлетворяющая голодъ, относится къ первому роду, а удовлетворяющая запросамъ вкуса—ко второму.

Кромѣ этого дѣленія у Г. есть и другое, а именно на цѣнности чувственныя и художественныя. Но дѣленіе это у нашего автора очень неопредѣленно.

Художественными онъ называетъ потребности наиболѣе утонченныя, которымъ могутъ удовлетворить, по мнѣнію Г., лишь произведенія искусства.

Опредѣленіе очень неудачное. Гастрономъ можетъ быть крайне утонченъ; обѣдъ, которымъ онъ наслаждается, можетъ быть высоко цѣлесообразнымъ продуктомъ творчества художника-повара: значить ли это, что гастрономическія наслажденія не чувственны?

Когда я люблюсь облаками на синемъ небѣ, я имѣю предъ собою крайне простое зрѣлище, въ организаціи котораго рука человѣческая не принимала ни малѣйшаго участія; я могу при этомъ безъ всякой задней мысли любоваться лишь очертаніями и пріятными для глаза тонами: значить ли это, что мое наслажденіе не художественно?

Мы согласны, что кромѣ дѣленія цѣнностей на утилитарно-эстетическія и чисто-эстетическія необходимо и другое дѣленіе; согласны, пожалуй, даже съ терминами Г., но опредѣленія этихъ видовъ эстетическихъ цѣнностей должны быть совершенно иными; мы не видимъ возможности найти ихъ въ чемъ-либо другомъ, кромѣ выдѣленія зрѣнія и слуха изъ ряда другихъ чувствъ. Наслажденія глаза и уха и связанныя съ ними внутреннія наслажденія (игра воображенія, мысли, разныя эмоціи) составляютъ въ совокупности художественно-эстетическія наслажденія, такъ какъ они ведутъ къ росту психики. Среди наслажденій, доставляемыхъ другими органами чувствъ, несомнѣнно есть много чисто-эстетическихъ, но они не связаны съ идейной жизнью человѣка и высшими и сложнѣйшими его чувствованіями.

Далѣе Г. утверждаетъ, что натуральные предметы чрезъ-

вычайно рѣдко могутъ удовлетворить утонченный вкусъ эстетически развитого человѣка.

Съ этимъ однако врядъ ли можно согласится. Природа въ глазахъ очень многихъ, несомнѣнно геніальныхъ цѣнителей весьма успѣшно конкурируетъ съ искусствомъ, а прекрасная человѣческая личность врядъ ли не представляетъ изъ себя вѣнецъ красоты.

Согласно своему положенію о превосходствѣ цѣлесообразнаго искусства надъ натуральными предметами, Г. выводитъ существованіе художника изъ стремленія производить предметы, удовлетворяющіе собственному или чужому эстетическому вкусу въ возможно болѣе полной мѣрѣ.

И опять мы не можемъ согласится съ этимъ. Если бы художникъ хотѣлъ только создавать предметы болѣе прекрасные, чѣмъ продукты природы, то онъ во многихъ случаяхъ заранѣе терпѣлъ бы неудачу. Пейзажистъ вовсе не стремится къ тому, чтобы его пейзажи конкурировали съ природой въ красотѣ. Нѣтъ, испытывая подѣ влияніемъ природы въ глубинѣ своей сложной души богатое волненіе, которое просится наружу, онъ пишетъ свою картину, въ которой объектъ появляется въ окраскѣ его субъективнаго настроенія, пройдя, какъ говорилъ Зола, сквозь призму темперамента художника. Самая высшая суть искусства заключается въ лиризмѣ, онъ является высшей красотой даже въ этикѣ, и самъ Гомеръ придаетъ дивную прелесть своей Илліадѣ именно наивно прекрасной уравновѣшенностью своего темперамента.

Г. перечисляетъ такіе мотивы художественнаго творчества:

1) эстетическій мотивъ: эстетическая неудовлетворенность встрѣчающимися въ дѣйствительности комбинаціями, и отсюда жажда новыхъ и лучшихъ;

2) художественный мотивъ: неудовлетворенность отъ пассивнаго созерцанія художественныхъ произведеній и красотъ природы, отсюда жажда самому создавать прекрасное.

Итакъ Г. опущено самое важное: стремленіе человѣка выразить свои внутреннія переживанія съ возможно болѣею полнотой. У Г. вмѣсто художника всюду можно под-

ставить производителя красивыхъ вещей; но производство красивыхъ вещей есть лишь художественное ремесло, а не искусство, *artificium*, а не *ars*. Необходимой чертой настоящего художника является лиризмъ.

Принижать значеніе художественнаго ремесла мы, конечно, не будемъ: оно огромно, въ будущемъ оно неизмѣримо обогатитъ жизнь, но все же это не „искусство“.

Далѣе Г. говорить, что къ основнымъ мотивамъ у художника могутъ присоединяться и побочные; такъ, напр., художнику очень легко стать проповѣдникомъ, такъ какъ онъ обладаетъ огромнымъ вліяніемъ на души людей, но это по Г. уже не есть прямая задача искусства.

На нашъ взглядъ какъ разъ наоборотъ. Конечно, всякая красота болѣе или менѣе раститъ душу,—это вытекаетъ изъ нашего эстетическаго закона: красотой мы и называемъ именно то, что даетъ намъ легко пережить очень многое. Очевидно, однако, что чѣмъ болѣе интенсивны и многообразны будутъ наши переживанія, чѣмъ глубже и цѣлостнѣе захватятъ они всю нашу душу, тѣмъ выше будетъ произведеніе искусства. Только тамъ, гдѣ человѣкъ весь взволнованъ и потрясенъ, только тамъ восходитъ онъ на вершину эстетической эмоціи, близится къ сладкому счастью эстетическаго экстаза. Но для этого требуется наличность необыкновенно цѣлостнаго, новаго и содержательнаго настроенія, но такое искусство, исполненное цѣлостности, новизны и глубины, не можетъ не отражать собою важнѣйшихъ чертъ души своего творца, а съ другой стороны не можетъ не имѣть значительнаго вліянія на душу наслаждающагося. Великій художникъ по необходимости проповѣдникъ.

Философъ, преслѣдуя цѣли ориентировки, выдѣляетъ общія повторяющіяся явленія, стараясь изобразить ихъ въ понятіяхъ; художникъ стремится къ возможно болѣе новому и утонченному усложненію и видоизмѣненію индивидуальнаго, особеннаго и конкретнаго (впрочемъ, иногда и абстрактнаго также) въ цѣляхъ усложненія и умноженія тонкихъ наслажденій.

Съ этими опредѣленіями Г. можно согласиться. Художникъ можетъ поучать, но его первая цѣль—доставить наслажденіе путемъ повышенія въ насъ жизни, поученіе есте-

ственно вытекает отсюда; философъ можетъ доставить эстетическое наслажденіе, но непосредственная его цѣль лишь ориентировать насъ.

Далѣе Г. утверждаетъ, что изъ всѣхъ символовъ, которыми можетъ пользоваться художникъ—слово есть самый совершенный, въ виду чего искусство словесности должно быть признано высшимъ изъ искусствъ.

Съ этимъ можно согласиться лишь съ оговоркою. Конечно, поэзіи доступна передача и звуковъ, и формъ, и красокъ, но зато въ несравненно болѣе блѣдной формѣ, чѣмъ спеціальнымъ искусствамъ: музыкѣ, живописи, скульптурѣ и архитектурѣ.

По мнѣнію Г. искусство отнюдь не должно копировать природу. Искусство копирующее можетъ имѣть значеніе только какъ своеобразное дополненіе къ ориентирующему познанію, оно имѣетъ лишь познавательный интересъ, какъ иллюстрація науки.

Отсюда вытекаетъ важный вопросъ: въ чемъ именно должно отступать искусство отъ природы, отъ дѣйствительности?

1) Произведенія человѣческаго искусства не могутъ реально содержать такихъ элементовъ, которые возникаютъ въ дѣйствительности путемъ совершенно недостижимымъ для человѣка. Это законъ исключенія въ человѣческомъ искусствѣ.

2) Только произведенія человѣческаго искусства могутъ содержать въ себѣ элементы, возникновеніе которыхъ неминуемо предполагаетъ участіе человѣка. Законъ дополненія въ человѣческомъ искусствѣ.

3) Всѣ элементы человѣческаго искусства представляютъ изъ себя лишь варіаціи какихъ-нибудь элементовъ въ дѣйствительности, которые служатъ для нихъ матеріаломъ а потому всякое произведеніе искусства включаетъ массу элементовъ дѣйствительности. Законъ включенія въ человѣческомъ искусствѣ.

Надо отличать: постоянное общее художественное исключеніе отъ спеціальнаго художественнаго исключенія: къ первой категоріи относятся элементы, которые не могутъ быть включены ни въ какое че-

ловѣческое искусство, напр., очень большія массы и пространства; ко второй—элементы, не могущіе быть включенными въ даннаго рода искусство, напр., звуки для живописи, линіи для музыки и т. п.

Постояннымъ общимъ художественнымъ дополненіемъ называются тѣ элементы, которые необходимо присущи всякому произведенію искусства, напр., элементы организованности. Въ отдѣльныхъ искусствахъ ему соотвѣтствуетъ специальное художественное дополненіе.

Такимъ же образомъ опредѣляются общее и специальное включенія.

Такъ опредѣляются постоянныя границы искусства.

Впечатлѣніе вѣрности дѣйствительности или обратное впечатлѣніе зависятъ, очевидно, отъ характера художественныхъ включеній, исключеній и дополненій.

Впрочемъ къ этимъ тремъ формамъ дѣятельности сводится все художественное творчество.

Какой же родъ включеній, исключеній и дополненій привелъ бы художника къ искусству, способному въ наивысшей мѣрѣ удовлетворить панидеалистической оцѣнкѣ?

Очевидно, что это должно быть искусство, прямо или косвенно ведущее къ развитію человѣческаго рода.

Если мы поставимъ вопросъ: какое включеніе, исключеніе и дополненіе способно болѣе всего удовлетворить эстетическому вкусу?—то, очевидно, отвѣтъ будетъ: то, въ результатъ котораго возбуждается наибольшее количество наиболѣе новыхъ, чистыхъ, тонкихъ и сложныхъ переживаній. Сложность включеній, исключеній и дополненій является необходимымъ условіемъ высокой эстетической цѣнности; а такъ какъ тонкія и разнообразныя переживанія ведутъ къ наибольшему развитію человѣка, то эстетическое достоинство произведеній искусства совпадаетъ съ гігіеническимъ и панидеалистическимъ.

Ближе опредѣляя идеалъ произведенія и искусства, можно сказать, что художественное включеніе не должно быть очень широкимъ, потому что художникъ сможетъ выразить тѣмъ болѣе своего, его творчество будетъ тѣмъ свободнѣе. чѣмъ меньше будетъ у него непереработаннаго бал-

ласта. Но ошибаются тѣ, которые, слѣдуя этому соображенію, сводятъ къ minimum'у или стараются вовсе избѣжать всякаго включенія, замѣняя его продуктами возможно болѣе чистой фантазіи. Гдѣ нѣтъ дѣйствительности, тамъ перестаетъ работать ассоціація, цѣнитель уже не въ состояніи обогатить данное произведеніе искусства цѣлымъ роємъ дополняющихъ ассоціативныхъ образовъ, чувствъ и мыслей, и произведеніе искусства кажется страннымъ, чуждымъ и холоднымъ ребусомъ. Найти законную мѣру включенія элементовъ дѣйствительности—первая задача сознательнаго художника. Очень тонкій совѣтъ Гольцапфеля.

Наибольшее количество ассоціацій вызываютъ въ насъ тѣ элементы дѣйствительности, которые 1) наичаще встрѣчаются, 2) обладаютъ наисложнѣйшей структурой; очевидно, развитой художникъ будетъ выбирать для художественнаго включенія именно такіе элементы, то-есть типическіе и сложные.

Художникъ, включая типичное въ явленіе, исключаетъ индивидуальное, замѣняя его однако новымъ индивидуальнымъ содержаніемъ. Художникъ, исключаящій типичное и включающій индивидуальное, совершаетъ грубую эстетическую ошибку.

Включая какъ основу типичное, художникъ долженъ стараться дополнить эту основу такъ, чтобы новое индивидуальное содержаніе было органически связано съ включеннымъ типичнымъ, какъ бы естественно вытекало изъ него, а не казалось бы какою-то странною случайностью. Отсюда ясно, что художникъ, не включившій типичнаго, не имѣетъ руководящаго и организующаго начала для дополненія, и легко создаетъ причудливыя и несуразныя фикціи.

Такимъ образомъ, какъ все произведеніе искусства, такъ и каждый отдѣльный элементъ его должны строиться по такому рецепту: полное включеніе типичнаго, полное исключеніе индивидуальнаго и полное органическое дополненіе. Это цѣнное и остроумное правило, немножко, впрочемъ, педантичное, Г. называетъ закономъ эстетическаго совершенства.

Органическіе, человѣкоподобные и человѣческіе эле-

менты возбуждаютъ болѣе утонченныя ассоціаціи и въ большемъ количествѣ, чѣмъ неорганическіе и чуждые духовности; вслѣдствіе этого включеніе подобныхъ элементовъ Г. считаетъ также условіемъ эстетическаго совершенства. Отсюда уже недалеко до мысли, что среди человѣческихъ элементовъ первое мѣсто занимаютъ элементы гипнопсихически совершеннѣйшіе, такъ какъ они предполагаютъ высшую утонченность многообразія. Въ концѣ-концовъ законъ эстетическаго совершенства принимаетъ у Г. такой видъ: эстетически совершеннѣйшимъ является произведеніе искусства, изображающее свободное человѣческое творчество и включающее всѣ его типическіе элементы, но исключаящее всѣ индивидуальныя, и органически дополняющее дѣйствительность новымъ утонченнымъ индивидуальнымъ содержаніемъ вплоть до совершенной законченности. Проще говоря: изображеніе высшихъ моментовъ жизни самыхъ прекрасныхъ и геніальныхъ индивидуумовъ, какихъ можетъ только вообразить художникъ. Г. не останавливается и на этомъ и требуетъ, чтобы это изображеніе было непременно словеснымъ, ибо совершенство достижимо только въ поэзіи.

Односторонность Г. бросается здѣсь въ глаза. Искусство, какъ и жизнь, и даже болѣе ея, должно быть градуально-многообразнымъ, и принижать однѣ его формы, возвышая другія,—нелѣпо. Если бы всѣ художники, стремясь къ намѣченному Г. идеалу, сдѣлались поэтами и стали бы изображать одни творческіе экстазы сверхчеловѣковъ, то это повело бы не къ подъему, а къ оскудѣнію. Искусство какъ по техническимъ своимъ приѣмамъ, такъ и по содержанію должно быть возможно шире и богаче: порокъ и преступленіе—столь же важныя элементы всеискусства, какъ святость и подвигъ, изящная пѣсенка безъ словъ или орнаментъ такой же законный членъ всеискусства, какъ философская трагедія или храмъ. Нелзя все время держаться на вершинахъ искусства, его милыя долины, конечно, менѣе грандіозны; но во всеискусствѣ, въ наслажденіи жизнью, даже для силы переживанія экстаза необходимы и игривая веселость и утонченный отдыхъ. Намъ кажется, что Г. слишкомъ прямолинеенъ, что очень хорошо въ жизни, но мало пригодно въ вопросахъ искусства.

Г. изслѣдуетъ также съ точки зрѣнія эстетической и процессъ строго копирующаго познанія, что совершенно понятно въ виду наличности въ искусствѣ важной отрасли искусства философскаго.

Прежде всего строго копирующій мыслитель долженъ включатьъ въ свое изображеніе дѣйствительности какъ всѣ типичныя, такъ и индивидуальныя ея моменты, тщательно избѣгая даже тѣни дополненія. Всякое дополненіе въ индуктивномъ познаніи неминуемо приводитъ ко лжи. Затѣмъ переходя все къ высшимъ абстракціямъ, мыслитель осторожно исключаетъ индивидуальное, оставляя лишь общее, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ самаго характернаго въ данномъ рядѣ явленій,—его высшей абстрактной идеи. Теперь возможенъ и обратный процессъ, стоящій гораздо ближе къ художественному творчеству,—процессъ научной абстрактной конкретизаціи: исходя изъ своей строго копирующей общей идеи, мыслитель путемъ дополненія ея строго органически соотвѣтствующими особенностями, низводитъ ее по всѣмъ ступенямъ болѣе и болѣе частныхъ идей, при чемъ такая конкретизація можетъ пополнять наши свѣдѣнія о дѣйствительности, открывать пробѣлы, приводя все въ законченную систему. Эта синтетическая работа можетъ имѣть и большую непосредственно эстетическую цѣнность. И какъ же иначе?—она вноситъ высшее единство въ огромное разнообразіе явленій.

Метафизическое мышленіе начинаетъ съ неразборчиваго включенія мнимо-типичнаго, произвольно дополняя его несвязаннымъ съ нимъ органически индивидуальнымъ содержаніемъ. Ядъ, убивающій метафизику, присущъ самому ея корню: это подчиненіе воли къ познанію—практическому разуму.

Переходя къ изслѣдованію отдѣльныхъ искусствъ, Г. дѣлаетъ много дѣльныхъ замѣчаній о нихъ, однако многое заслуживаетъ здѣсь самой строгой критики, въ особенности утвержденіе, что ни живопись, ни скульптура, ни музыка, ни архитектура не могутъ имѣть могучаго идейнаго значенія и далеко отстоять отъ совершенства, которое доступно одной поэзіи. Доводы Г. легко разрушить, но мы предпочитаемъ оставить въ сторонѣ эти частности, довольствуясь однимъ выраженіемъ протеста.

Въ области поэзіи Г. все такъ же педантиченъ: всякая ритмическая и рифмованная рѣчь для него „художественная астрологія“. За драмой совершенно отрицается возможность достигнуть художественнаго идеала, на томъ довольно наивномъ основаніи, что драма включаетъ лишь разговоры. Драматическое и оперное искусства Г. считаетъ полуйскусствами на томъ основаніи, что имъ приходится включать всѣ элементы личности исполнителя. Впрочемъ къ разряду полуйскусствъ Г. вовсе не относится отрицательно; напротивъ, сюда же онъ относитъ искусство воспитанія индивидуальнаго и соціальнаго, которому, конечно, придаетъ огромное значеніе.

Въ общемъ, несмотря на множество остроумныхъ мыслей, глава объ искусствѣ насъ не удовлетворяетъ.

IX.

Предпослѣдняя глава носитъ названіе „Міры“.

Глава эта начинается съ рѣшительнаго констатированія того факта, что чисто ориентирующая философія можетъ возникнуть лишь послѣ побѣды воли къ познанію надъ другими желаніями.

Позитивизмъ отнюдь не отрицаетъ, что многое во вселенной недоступно непосредственному опыту, но онъ не отказывается отъ построенія всеохватывающей картины міра, пользуясь при этомъ методомъ аналогіи. Этотъ путь можетъ приводить къ ошибкамъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ путь интуиціи, т. е. попросту фантазіи. Мы не можемъ устранить изъ нашего міровоззрѣнія органически дополненныхъ, основанныхъ на аналогіи, мыслимостей. Если эти запытныя (но не сверхъ-опытныя) мыслимости не могутъ быть ни опровергнуты, ни подтверждены эмпиріей, то съ ними можетъ быть связана надежда, но не полная увѣренность.

Нѣтъ сомнѣнія, что доступный намъ міръ не есть весь міръ; намъ недоступно не только то, чего вовсе нѣтъ, но и то, для воспріятія чего прямого или косвеннаго не пригодны наши органы. Поэтому мы въ правѣ предполагать на-

личность въ другихъ мірахъ существъ болѣе развитыхъ, съ болѣе широкимъ кругомъ воспріятій и дѣятельности, чѣмъ люди.

Это, конечно, вѣрно, но, по правдѣ сказать, довольно-таки праздно. Гораздо болѣе важно было бы отмѣтить (чего однако не дѣлаетъ Г.) огромную важность органически дополненныхъ, основанныхъ на аналогіи, мыслимостей, относимыхъ къ будущему и прошлому. Эти мыслимости дѣйствительно тѣсно связаны съ важнѣйшими человѣческими надеждами. Что касается до возможнаго существованія 4-хъ и $n + 1$ -хъ измѣреній, то возлагающій надежды на подобныя мыслимости уже несомнѣнно есть фантасъ, поклоняющійся простой дырѣ, въ которой ничего не видятъ, но въ которой предполагаетъ бездну красоты, скрытой отъ человѣческаго ока.

Х.

Книга Г. заканчивается главою „Идеаль“.

Что значить считать что-нибудь идеаломъ? Идеаломъ мы называемъ что-либо, заслуживающее въ нашихъ глазахъ максимальнаго одобренія. Если такое одобреніе вызывается оцѣниваемымъ лишь въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, то мы имѣемъ дѣло съ частнымъ идеаломъ; если же мы одобряемъ что-нибудь въ наивысшей мѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ—практическомъ и теоретическомъ, логическомъ и психологическомъ, экономическомъ и художественномъ, религіозномъ и гигиѳсихическомъ, индивидуальномъ и общественномъ, то мы нашли общій идеаль—панидеаль.

Само собою разумѣется, что идеальное для одного можетъ быть безразлично или отвратительно другому. Однако мы можемъ формулировать абстрактный законъ идеальности, съ которымъ согласится почти всякій (по Г. всякій): наивысшимъ идеаломъ можетъ быть лишь такой идеаль, который дѣлаетъ объективно неизбѣжнымъ и субъективно необходимымъ высочайшее развитіе, оцѣниваемое какъ таковое возможно болѣе развитыми цѣнителями.

Этотъ формальный законъ; конечно, мало подвигаетъ насъ впередъ. Многіе идеалы могутъ претендовать на то, что какъ разъ удовлетворяютъ этимъ условіямъ.

Принудить согласиться съ нашими идеалами логически мы никого не сможемъ, но для того, кто по духу родной намъ, мы можемъ дать точную формулу идеала и указать на его высоту: это и дѣлаетъ Гольцапфель.

Панидеалъ, способный удовлетворить всетоскъ человѣчества, есть стремленіе къ реализаціи возможно высшаго, градуально многообразнаго гигиопсихического развитія человѣчества, которое является высшимъ благомъ и вышею красотою, при чемъ самая реализація его въ высшей мѣрѣ удовлетворяетъ разнообразнѣйшимъ человѣческимъ потребностямъ въ дѣятельности.

Мы во многихъ частностяхъ, какъ видитъ читатель, расходимся съ Г., но въ общемъ и цѣломъ считаемъ намѣченный имъ панидеализмъ за совершенно совпадающій съ эстетическимъ аморализмомъ; работу же Г. считаемъ первымъ послѣдовательнымъ трудомъ въ великой области науки объ оцѣнкѣ и оцѣнивающей философіи, областяхъ столь же важныхъ, какъ ориентирующее познаніе вселенной, но несравненно менѣе обработанныхъ. Выбить изъ нихъ метафизиковъ—это главная задача, ожидающая теперь позитивистовъ: именно здѣсь засѣли они прочно, именно отсюда совершаютъ набѣги на позитивизмъ, въ забвеніи именно этихъ областей упрекаютъ они его.

Нѣтъ сомнѣнія, что за „Панидеаломъ“ Гольцапфеля послѣдуютъ и другіе труды, посвященные эстетикѣ, какъ наукѣ объ оцѣнкахъ, и эстетикѣ, какъ системѣ оцѣнокъ, или эстетикѣ психологической и эстетикѣ нормативной.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Изложение Критики чистого опыта.

Предисловіе	III—VIII
1) Введеніе	1
2) Біологическая психологія	11
3) Теорія жизненныхъ рядовъ.	24
4) Элементы и характеры	48
5) Аффекціональные характеры. Воля	53
6) Преваленціальные характеры	75
7) Адаптивные характеры	84
8) Позиціональ. Чистый опытъ	97
9) Логическія операціи. Истина	100
10) Психобіологическое развитіе	115
Заключеніе	128

II. Новая теорія позитивнаго идеализма 131—206

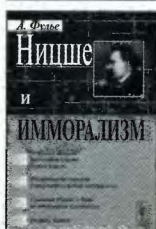
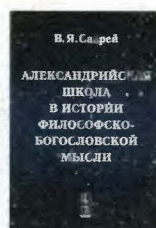

Рихард АВЕНАРИУС (1843—1896)

Известный швейцарский философ-идеалист, один из основателей эмпириокритицизма. Профессор Цюрихского университета. Родился в Париже. Получив высшее образование, по желанию отца посвятил себя издательскому делу. Но позже склонность к занятиям философией взяла верх, и Р. Авенариус работал в качестве преподавателя философии сначала в Лейпцигском, а затем в Цюрихском университетах. В 1877 г. при участии некоторых немецких философов, в том числе В. Вундта, основал философский журнал, который вел до самой смерти.

Одновременно с австрийским философом Э. Махом, но независимо от него Р. Авенариус разработал основные положения нового философского течения — «эмпириокритицизма» (гермин, означающий «критика опыта»). Центральное понятие философии Авенариуса — внешний и внутренний человеческий опыт. По его мнению, нет реальности вне нашего сознания — «без субъекта нет объекта и без объекта нет субъекта». Эта оригинальная система взглядов на мир была изложена в работах «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил» (1876; рус. пер. 1899; 2-е изд. URSS, 2007), «Человеческое понятие о мире» (1891; рус. пер. 1901; 2-е изд. URSS, 2008), «О предмете психологии» (1894—1895; рус. пер. 1911; 2-е изд. URSS, 2003), а также в наиболее известной его книге «Критика чистого опыта» (1888—1890). Для российского читателя книга вышла в 1905 г. в популярном изложении А. В. Луначарского (1875—1933) — видного государственного деятеля, наркома просвещения первого советского правительства, в молодости слушавшего лекции Авенариуса.

Наше издательство предлагает следующие книги:

5369 ID 61644

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (495) 135-42-16
Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>